

84.2
CP 127

Персидские волшебные сказки

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Количество предыдущих

Экспертиза дан утказилди
УМКХТнинг 19.07.2006 йил
108-Ушбу китобга асосан

Комиссия
А. 304
337
А. 304
337
А. 304
337
А. 304
337

Г.Т.
А. А. Мовбордиева Ф.
Исанова И.Н.
Пирожкова Н.Б.
Абдуллаева Д.Р.

TOSHKENT SHAHAR YAKSHI
№ 29295
AXBOROT-KUTUBXONA

Персидские волшебные сказки

прое

16179-3

ХАМЗА МАЙШИЯ ХИЗМАТ
КРАСТАШИ КХТ
АХБОРОТ-РЕСУРС
МАХАЗИ
~~1992~~

прое

Ташкент
Издательско-полиграфическое объединение
имени Гафура Гуляма

1992

X

ББК 82.33

И 27

Персидские волшебные сказки.— Т.: Изд.—
полигр. объединение им. Г. Гуляма, 1992.—176 с.

Волшебные приключения фантастических героев персидского
народного творчества несомненно заинтересуют читателей разных
возрастов. Издание это академическое, поэтому перевод макси-
мально приближен к оригиналу.

4703200100 — 39
С _____ Доп.— 92
М352 (04) — 92

ISBN 5-635-01196-9

© Оформление.
Составление. Издательско-по-
лиграфическое объединение им
Гафура Гуляма, 1992 г.

Мирза Мاستу-Хумар и Биби-Мехрнегар

Было ли так или не было — кроме Аллаха никого не было. Жил-был падишах, и не было у него детей. Посмотрел он однажды в зеркало и увидел на виске седой волос. Падишах опечалился, вызвал везира и говорит:

— Что ты скажешь? Я уж начал стареть, а детей у меня все нет. Кто же займет мой престол?

Везир стал утешать его:

— Пусть здравствует падишах — центр вселенной! Мой очаг тоже пуст — ведь и у меня нет детей. Это воля всевышнего. Если Аллах захочет, то вскоре дарует тебе ребенка!

Падишах в гневе вскочил и закричал:

— Всегда ты льстишь и говоришь неправду, чтобы угодить мне! Даю на размышление сорок дней. Если за это время жена не забеременеет — я велю казнить тебя!

Незадачливый везир раскаялся в своих необдуманных словах и вернулся домой раздосадованный и печальный.

Все дни, назначенные падишахом, везир провел в беспокойстве. Он все повторял: «О правосудный Аллах! Как же мне быть? Что делать?»

И вот, наконец, настала сороковая ночь. В полночь слышит везир: кто-то зовет его. Душа у него ушла в пятки: почудилось ему, что пришли его убивать. Открыл он дверь, видит — стоит дервиш* весь в белом. Дал он везиру яблоко и гранат и сказал:

— Владыка послал это вашим женам: гранат — для супруги падишаха, яблоко — для твоей жены.

*Дервиши — члены мусульманских религиозных братств. В народе их нередко считали колдунами и волшебниками.

Съедят они плоды, и на сороковой день жена падишаха понесет сына, а твоя жена — дочь. Как вырастут эти дети — так поженятся.

Сказал это дервиш и исчез.

А везир обрадовался так, что и сказать нельзя, и подумал: «Отдам-ка я гранат своей жене — пусть сын родится у меня. А яблоко дам жене падишаха». И он, не дождавшись утра, тут же направился к падишаху и рассказал ему о случившемся.

И вот, спустя сорок дней, обе женщины забеременели. Через девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут жена везира родила девочку, прекрасную, как лик солнца.

А жена падишаха уже должна была рожать, как вдруг раздался голос:

— Приготовьте золотой таз!

Слуги принесли золотой таз, и из чрева шахини выползла змея. Жена падишаха от ужаса упала без памяти, с трудом ее отходили.

Услышал везир об этом и подумал: «Это — судьба», но и виду не подал, что у него такие мысли.

Змею — сына падишаха — назвали Мирза Масту-Хумар, а дочь везира — Биби-Мехрнегар. Шах, конечно, разгневался, но делать было нечего.

И вот стали дети подрастать. Когда уже пришла пора их женить, шах обратился к везиру:

— Ты отдашь свою дочь за моего сына!

Везир побоялся ослушаться повеления шаха, и детей поженили.

В брачную ночь, когда жениха и невесту оставили вдвоем, сын падишаха вдруг скинул змеиную кожу и оказался прекрасным восемнадцатилетним юношей. А под утро он снова надел эту кожу и превратился в змею.

Прошло немного времени, и падишах прослышал, что его сын выходит из кожи змеи в облике красивого юноши. Он позвал к себе невестку и сказал ей:

— Ты должна что-нибудь придумать, чтобы мой сын не прятался больше в змеиную кожу!

Биби-Мехрнегар вернулась домой и спросила мужа:

— В каком пламени сгорает змеинная кожа?

Мирза Масту-Хумар ответил:

— Эту кожу можно сжечь только в огне от шелухи лука и чеснока, перемешанной с солью. Но если

сгорит моя кожа,— ты меня больше не увидишь.

Биби-Мехрнегар и внимания не обратила на слова мужа и в следующую же ночь, когда Мирза Маст вышел из змеиной кожи, она спалила ее.

Кожа еще горела, когда подошел к жене Мирза Масту-Хумар и сказал ей:

— Все-таки ты сделала свое дело — сожгла мою кожу! Не видать тебе меня теперь, пока ты не износишь в поисках семь пар стальных башмаков, не изорвешь семь железных платьев, не изломаешь семь железных посохов и не изжуешь семь шкатулок кандаруна*.

Сказал это Мирза Масту-Хумар и исчез.

Семь дней собиралась Биби-Мехрнегар в путь. Она купила семь пар стальных башмаков, семь железных платьев, семь железных посохов, семь шкатулок кандаруна и тронулась в путь через пустыню.

Шла она, шла и встретила со страшным дивом**. И взмолилась она:

— О Аллах, что мне делать?

Вдруг раздался таинственный голос:

— Девушка! Брось диву шкатулку, чтобы он не тронул тебя.

Мехрнегар так и сделала, а потом снова отправилась в путь. Тут, откуда ни возьмись, опять навстречу ей див. Она и на этот раз бросила диву шкатулку и пустилась бежать.

Словом, не стану вам долго рассказывать, а странствия Биби-Мехрнегар длились то ли два, то ли три года. Она повстречала семерых дивов, побросала им семь шкатулок. А ее железные посохи, стальные башмаки и железные платья к тому времени сносились и порвались. И вот в тот день, когда изорвалась седьмая пара башмаков, она остановилась у родника. Устала она, присела на берегу, чтобы умыться и освежиться. Вдруг видит — к роднику идет рослая чернокожая служанка с кувшином.

— Чья ты служанка, сестрица? — говорит Биби-Мехрнегар.

— Я служанка Мирзы Масту-Хумара, — отвечает та.

*К а н д а р у н — жевательная масса, приготовленная из ароматических смол.

**Д и в — злой дух.

— А где он сам?

— Да вот здесь! — и служанка показала ей на огромный сад. — Он готовится к свадьбе с дочерью своей тетки.

— А для кого ты несешь воду? — спросила Биби-Мехрнегар.

— Для Мирзы Масту-Хумара. Он хочет помыться.

— Да не случится с тобой никогда беды! — сказала Биби-Мехрнегар. — Дай кувшин мне, я хочу напиться.

Служанка протянула ей кувшин, а Биби-Мехрнегар незаметно бросила в него перстень — подарок мужа. Потом она отпила немного воды и вернула кувшин негритянке.

Служанка возвратилась домой и стала поливать на руки Мирзе Масту-Хумару. Тут прямо в ладонь к нему упал перстень. Он посмотрел, узнал свой перстень, обернулся к служанке и спрашивает:

— Откуда это?

— Не знаю, — отвечает та. — Только вот у родника сидела девушка-чужеземка — она напилась воды из кувшина.

Мирза Маст понял, в чем дело, вышел из сада и увидел на берегу родника Биби-Мехрнегар.

— Как ты очутилась здесь? — спросил он. — Знаешь ли, что смела, как львица! Ведь это — край дивов и гулей*. Мой отец, мать, семь братьев и тетка — дивы. Увидят они тебя — проглотят живьем. А теперь слушай: если моя тетка узнает о твоём приходе, она тут же убьет тебя. Можно только сказать, что ты — моя служанка.

Он покрасил лицо Мехрнегар черной краской, прочитал какое-то заклинание, подул на девушку — и она тут же превратилась в булавку. Он приколот эту булавку к одежде и вошел в дом. Окружили его все обитатели дома и стали кричать:

— Человеком пахнет!

— Я привел служанку для новобрачной, — говорит Мирза Маст. — Дайте слово не обижать ее, и я верну ей прежний облик.

Поклялись они, тогда Мирза Маст опять прочитал то же заклинание, и девушка предстала перед ними такой, какой она была прежде. Повел он ее к своей будущей теще и говорит:

*Гуль — злой дух, оборотень, нападающий на путников.

— Тетушка, дорогая! Эту служанку я привел для твоей дочери.

— Ах ты негодяй! — закричала она. — Моей дочери не нужна служанка!

Стал тут просить ее Мирза Масту-Хумар оставить у себя девушку, и она в конце концов согласилась, а он тихонько говорит Мехрнегар:

— Что бы тебе ни приказали, ты исполняй все без расспросов.

С этими словами дал он ей прядь своих волос и прибавил:

— Случится с тобой какая-либо беда — сожги один волос.

На другой день тетка дала Мехрнегар метлу, унизанную жемчугом, и наказала:

— Подмети этой метлой двор. Но горе тебе, если упадет хоть одна жемчужина — я тебе тогда покажу!

Взяла Мехрнегар метлу, только раз провела ею по земле, как рассыпались все жемчужины. Она тут же сожгла волосок, и тотчас предстал перед ней Мирза Масту-Хумар. Он собрал жемчужины, ввязал их в метлу и подмел двор. Затем он вручил метлу Мехрнегар со словами:

— Отдай тетушке.

Стала она возвращать метлу, а тетка и спрашивает:

— Что, кончила подметать?

— Да.

— Это не твоих рук дело — это сделал негодяй Мирза Маст! — закричала тетка.

На другой день дала она Мехрнегар сито с наказом:

— Полей двор водой через это сито!

Как ни старалась Мехрнегар — ничего у нее не получалось. Сожгла она волос, явился Мирза Маст, полил двор и сказал:

— Ступай, отдай моей тетушке сито!

Стала она возвращать тетке сито, а та опять спрашивает:

— Что, уже все?

— Да, все, уже полила, — отвечает девушка.

— Не твоих это рук дело, это сделал негодяй Мирза Маст! — опять говорит тетка.

На третий день тетка дала Мехрнегар шкатулку.

— Это — шкатулка «играй-танцуй», — сказала она. — Ступай туда-то и отдай ее моему брату. А у не-

го возьмешь шкатулку «хватай-сажай» и принесешь ее мне. Увидишь в пути ясли для коня — насыпь туда костей. Увидишь привязанную собаку — брось ей соломы. Увидишь закрытую дверь — не трогай, пусть остается закрытой. Увидишь открытую дверь — проходи мимо. В пути ты увидишь яму, полную грязи и крови. Будешь проходить мимо нее — зажми нос пальцами и иди своей дорогой.

Биби-Мехрнегар отправилась в путь. И вздумалось ей из природного любопытства заглянуть по дороге в шкатулку. Приподняла она крышку — вдруг выскочили из шкатулки музыканты и танцоры, стали петь, играть и танцевать. А были это карлики и карлицы, и ей никак не удавалось их изловить и запереть снова в шкатулку. Тогда она быстро сожгла волосок. Явился Мирза Масту-Хумар, поймал человечков, спрятал их в шкатулку и говорит:

— Что бы ни приказывала тебе тетка, делай все наоборот. Солому положи коню, кости брось собаке, перед каждым домом произноси приветствие, все закрытые двери открывай, открытые — закрывай. Не сделаешь так — несдобровать тебе! Как завидишь яму, наполненную грязью и кровью, скажи: «Жаль, что руки у меня заняты, а то обмакнула бы я пальцы в этот мед и поела немножко». Шкатулка «хватай-сажай» стоит на полке — она накрыта перевернутой чашей. Будешь отдавать шкатулку «играй-танцуй», скорей хватай с полки другую шкатулку и беги. Да смотри, ни в коем случае не открывай ее!

И пошла Биби-Мехрнегар своей дорогой. Она наложила коню соломы, бросила костей собаке, закрытые двери она открывала, а открытые — закрывала. Подойдя к яме с грязью и кровью, она сказала: «Жаль, что руки у меня заняты, а то обмакнула бы я палец в мед и поела». У каждого дома произносила она приветствие.

Наконец она отдала шкатулку «играй-танцуй» ее владельцу, проворно схватила из-под чаши шкатулку «хватай-сажай» и пустилась бежать. Не успела она пробежать и нескольких шагов, как за ее спиной раздался громкий голос:

— Открытые двери, хватайте ее!

— Зачем нам хватать ее? — ответили двери. — Ты нас никогда не закрывал, а она закрыла

Затем раздался другой приказ:

— Закрытые двери, хватайте ее!

— Зачем же нам хватать ее? — ответили двери.— Ты нас всегда оставлял закрытыми, а она открыла.

— Собака, хватай ее! — раздался снова голос.

— Зачем мне хватать ее? — отвечала собака.— Ты кормил меня соломой, а она дала костей.

— Хватай ее! — приказали коню.

— Зачем мне хватать ее? — отвечал конь.— Ты давал мне кости, а она положила мне соломы.

Наконец голос раздался еще раз:

— Грязь и кровь, хватайте ее!

А они в ответ:

— Зачем нам хватать ее? Ты нас называешь грязью, кровью, а она назвала медом!

Ну, что там долго рассказывать — уцелела девушка и вручила тетушке шкатулку «хватай-сажай». Та спросила девушку:

— Ты отдала шкатулку «играй-танцуй»?

— Да, — ответила Мехрнегар.

— Не твоих это рук дело! — закричала тетка.— Это опять сделал негодяй Мирза Маст!

И вот настал день свадьбы. Тетка говорит:

— Нужно на пальцах служанки зажечь свечи, чтобы освещать путь, по которому пройдут новобрачные.

И правда, на пальцах Биби-Мехрнегар зажгли десять свечей. Идет она впереди новобрачных, плачет и жалуется:

— Мирза Маст, мои пальцы горят!

— Нет, Мехрнегар, — отвечает Мирза Маст, — это мое сердце горит!

Наконец прибыли новобрачные в дом жениха. Мирза Маст шепотом говорит Мехрнегар:

— Не выдай себя этой ночью! Простись со всеми в доме: с мышами, собаками и кошками, с кастрюлями, чашками и горшками, с дверями и стенами.

Когда настала полночь, Мирза Маст отрезал голову новобрачной и положил ее ей на грудь. Потом он взял тростинку, иголку, щепотку соли, немножко морской пены, посадил на плечо Биби-Мехрнегар и взлетел в воздух.

Но случайно в ту ночь Биби-Мехрнегар позабыла проститься с камнем весом в полмана*. Не успели они

*М а н — мера веса, равнявшаяся в разное время от 3 до 0,5 кг.

еще удалиться от дома, как камень стал перекатываться, подкатился к дому тетки и закричал:

— Мирза Маст отрубил голову твоей дочери и убежал с Биби-Мехрнегар!

Тетка и ее муж бросились в погоню за ними. Оглянулся Мирза Маст назад, видит: вот-вот схватят их и убьют! Протянул он руку, бросил тростинку и произнес:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана*! Как только упадет эта тростинка, пусть вырастет тростниковая чаща, чтобы и шагу нельзя было ступить!

И в самом деле, встали непроходимые заросли тростника, и тетка со своим мужем застряли в них. Вскоре оглянулся Мирза Маст второй раз и опять видит: вот-вот догонят их. Тогда бросил он иголку и произнес:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана! Как только упадет эта иголка на землю, пусть вырастет чаща игл, чтобы шагу нельзя было ступить!

И правда, тут же появилась чаща игл. Трудно стало тетке и ее мужу пробираться. Но Мирза Маст увидел, что они и эту чащу одолели. Тогда высыпал он соль и произнес:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана! Как только эта соль упадет на землю, пусть появятся солончаки, чтобы шагу нельзя было ступить дальше!

Земля превратилась в солончаки, и тетка с мужем с трудом пробирались через них, изранив все ноги.

Снова оглянулся Мирза Маст и увидел: опять вот-вот нагонят их. Бросил он тогда морскую пену и сказал:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана! Как только эта пена упадет на землю, пусть разольется здесь море, чтобы шагу нельзя было сделать дальше.

И тут же разлилось кругом бурное море, пошли

*Шахмардан — дословно «шах храбрецов», эпитет халифа Али. Шииты (последователи одного из основных толков ислама) признают этого халифа имамом, т.е. главой всех верующих, почитают его заступником и защитником в бедах. Джама — Джамшид, легендарный царь. Сулейман — библейский царь Соломон. По мусульманским преданиям, Сулейман обладал властью также над царством духов.

но верой волны, на волнах пена закипела. Тетка и ее муж остановились на берегу моря, а переправиться то не могут. Тетка давай звать Мирзу Масту-Хумар!

— Племянничек! Дорогой! Как вы прошли через это море? Скажи нам, чтобы и мы могли переправиться!

— А мы, — отвечал он, — перешли по тем вот камням, которые видны в воде. Ступайте и вы так.

Ступили они на клочки морской пены и утонули.

А Мирза Масту-Хумар и Биби-Мехрнегар прибыли в родную страну. Там они украсили город и семь дней и семь ночей играли свадьбу; и стали они жить весело, припеваючи.

Так же, как исполнились их желания, пусть исполнятся и ваши.

Дервиш-Колдун

Жил в Магрибе* один падишах. Как-то, когда цирюльник брил его, взглянул падишах в зеркало и подумал, что уж начал он седеть, а детей у него нет. Вызвал он везира и сказал:

— О везир! Найди заклинание или какое-нибудь другое средство, чтоб не позднее, чем через год, у меня родился ребенок. Не найдешь — велю отрубить тебе голову.

Слушай же дальше. В это самое время по воле Аллаха, откуда ни возмись, появился у дворцовых ворот дервиш. Он разбил там палатку и повесил на веревку дервишеский посох и рог. Как ни уговаривали его **узеры****, суля большие деньги, покинуть это место, он не соглашался и лишь повторял: «Я хочу видеть самого падишаха. У меня к нему неотложное дело». Пришлось сообщить падишаху: «Явился какой-то дервиш и разбил палатку у дворца. Как ни просили мы его собрать свои пожитки и уйти, он не соглашается и все время твердит: «Хочу видеть самого падишаха».

— Приведите его, — приказал падишах.

Ивели слуги дервиша. Тот запустил руку в карман

*Магриб — северо-западная часть Африки.

**Узеры — вооруженная стража, телохранители.

халата, вытащил яблоко и отдал падишаху со словами: «Одну половину съешь сам, а другую отдай царице. Мне же дай расписку: если у вас родится дочь, то она будет моей. Если же родится сын — один год будет проводить у меня, другой — у тебя».

Подумал падишах: «Если и сбудутся его слова, то разве посмеет какой-то дервиш забрать моего сына или дочь?» И вручил дервишу расписку. В ней говорилось: «Если благодаря чудесной силе этого яблока у меня родится ребенок, то, коли это будет дочь, — она принадлежит дервишу. Если же родится сын, то один год будет проводить он у меня, а другой — у дервиша».

Отдал падишах расписку, дервиш распрощался и ушел. А падишах сделал все, как сказал дервиш: половину яблока взял себе, а другую отдал жене. Съели они это яблоко, и вскоре по воле судьбы царица зачала и родила сына. Его назвали Михр-Афарином.

Сын вырос. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он в совершенстве овладел всем тем, что необходимо для царского сына: искусством верховой езды, стрельбы из лука, письмом, рисованием, — и не было среди сверстников равного ему.

За эти пятнадцать лет о дервише не было ни слуху ни духу. Но в один прекрасный день он появился у ворот дворца. Как и в первый раз, разбил палатку, повесил рог и кашкул* и начал громко читать молитвы. Ему стали было предлагать деньги, чтобы он ушел, но дервиш отвечал: «Хочу видеть падишаха». Сообщили об этом царю, и приказал он ввести дервиша.

Дервиш вошел. Как увидел его падишах — сразу узнал и сказал:

— Дервиш! Любимец бога! Где же ты пропадал все эти годы? Почему не навестил нас?

— Странствовал я, — ответил дервиш. — И вот пришел за сыном. Пятнадцать лет он у тебя пробыл, а теперь должен пробыть пятнадцать лет у покорного раба твоего.

— Что это за речи? — удивился падишах, а дервиш отвечал:

*К а ш к у л — чашка из кокосового ореха, которую носят нищенствующие дервиши для сбора подаяний.

— Все, что угодно, можешь ты сделать, но не можешь пренебречь своей распиской.

— Дорогой, — сказал шах, — ну что за слова? Откажись-ка от расписки. Я заплачу тебе отступного сколько угодно.

— Сохрани бог, — ответил дервиш, — ведь по твоей расписке сын на пятнадцать лет принадлежит мне. Ты говоришь «нет»? Хорошо! Посмотрим, к кому из нас подойдет сначала шахзаде*, вернувшись из школы.

И вот настал полдень. Сын падишаха, как пришел из школы, бросился к дервишу, обнял его за шею и закричал:

— Милый отец, где же ты был до сих пор?

Видит шах — спорить бесполезно, и отдал он сына дервишу.

Дервиш и шахзаде вышли из города и подошли к какой-то горе, а в горе была пещера. У входа ее встретился царскому сыну какой-то благообразный старец и сказал:

— О юноша! Этот дервиш — колдун. Он заведет тебя в пещеру, а потом велит принести муку, замесить тесто и испечь хлеб в тануре**, который стоит там же. Ни за что не соглашайся и отвечай ему: «Сначала ты замеси тесто и выпеки хлеб, чтобы, глядя на тебя, я мог поучиться, а потом уж я и сам справлюсь с этим делом». Когда он приготовит тесто, принесет его и начнет прилеплять лепешки, быстро схвати его за ноги и сунь в печь вниз головой, а сам немедленно ложись сверху. Целый час из танура будут слышны душераздирающие вопли. Все это время ты, ради Аллаха, не подымай головы. Поднимешь голову — умрешь в ту же секунду.

Поцеловал шахзаде руку старца, а затем вошел в пещеру. Видит — пещера длинная-предлинная, конца ей нет. Тут же стоит танур, а из него вырывается пламя. Дым, слава богу, поднимался вверх***.

— Возьми-ка муки, замеси тесто и испеки хлеб, — обратился дервиш к шахзаде.

*Шахзаде — царский сын, принц.

**Танур — особая печь для выпечки лепешек. Лепешки прилепляют изнутри к раскаленным стенкам танура.

*** Дым, поднимающийся вверх, считается хорошей приметой.

— Не умею я! — отвечал тот. — Ты мне сначала покажи, чтобы я мог поучиться, а потом уж я и сам смогу.

Дервиш замесил тесто, потом подошел к тануру. Когда стал он прилеплять лепешки, шахзаде схватил его за ноги, опрокинул в танур и тотчас навалился на заслонку. Из танура раздались ужасные крики, но юноша не поднял головы, пока не прошел целый час, а потом встал и пошел по пещере. Сколько он увидел там золота и камней, накопленных дервишем, — один Аллах ведает. Взял он сколько мог и вышел наружу.

Видит шахзаде — едет какой-то всадник. Подъехал тот и обратился к шахзаде:

— Куда ты идешь? Пойдем со мной, будешь мне спутником.

Шахзаде принял приглашение, и отправились они вместе. Так дошли они до другой пещеры. Всадник слез с коня, передал шахзаде поводья и наказал:

— Я спущусь в эту пещеру, а ты оставайся здесь три дня. В первый день я закричу, на второй день — тоже крикну. Если и на третий день ты услышишь мой крик, то, значит, все хорошо, оставайся здесь до моего возвращения. А если до захода солнца не услышишь крика — садись на коня и уезжай.

И он спустился в пещеру. Слушает шахзаде первый день. И правда — закричал всадник, будто лев зарычал. «Ну вот — это первый раз», — говорит шахзаде.

На второй день опять раздался крик. «А вот и второй раз», — сказал шахзаде.

Настал третий день. Ждет шахзаде — нет крика. Настал полдень — ничего не слышно. Солнце склонилось уже к закату, а крика все нет. И вот перед самым заходом раздался крик всадника, но он не был похож на прежние — он походил на рев разъяренного дива.

Немного погодя из пещеры показалась голова всадника. Весь он был в ранах, по лицу текла кровь. Всадник воскликнул:

— Да благословит тебя Аллах, шахзаде. Убедился я, что ты благородный человек. Да будет тебе известно, что в этой пещере находилась заколдо-

ванная девушка. Три дня я сражался с дивом, заколдовавшим ее, убил чудовище и спас девушку. Пойдем теперь со мной, посмотрим на нее.

Спустились они вместе в пещеру и увидели девушку, прекрасную, как полная луна. Забрали всадник, шахзаде и девушка все, что хотели и могли, и вынесли из пещеры. Всадник сказал шахзаде:

— Давно уж ты ничего не слышал об отце. А отец твой ослеп, проливая по тебе слезы. Возвращайся к нему скорее.

Дал он юноше какой-то лист и продолжал:

— Искроши этот лист, натри им глаза отцу — и он прозреет.

Простились они и расстались.

Когда шахзаде вернулся в родную страну, он убедился в правдивости слов всадника: падишах, оплакивая разлуку с сыном, ослеп от пролитых слез. Шахзаде тотчас искрошил лист, натер глаза отцу, и тот прозрел.

Сын подробно рассказал отцу о всех своих приключениях: о том, как дервиш оказался колдуном; о том, как погубил он этого злодея; о встрече с всадником, который спас заколдованную дивом девушку; и наконец о том листе, который вылечил глаза падишаха.

Падишах созвал всех вельмож, везиров и старейшин страны. Они сначала отправились в пещеру, в которой был убит дервиш-колдун, забрали все сокровища и привезли их во дворец. Потом падишах снова созвал везиров и вельмож и объявил:

— Я стар. А сын мой, как вы убедились, достойный и доблестный муж и сможет управлять государством. Я уступаю ему свой трон, сам же удалюсь от мира и буду служить богу.

Все ответили:

— Хвала тебе и слава! Если это угодно Аллаху, да будет так!

Шахзаде занял престол отца, творил правый суд и царствовал справедливо. Да осуществит Аллах чаяния каждого страждущего.

Сын охотника

Давным-давно жил один охотник. Ни птица, ни зверь не могли спастись от него.

Умирая, охотник сказал жене:

— Не видел я проку от своего ремесла. И вот, покидая этот мир, прошу тебя — спрячь подальше от взоров сына мою охотничью снасть: лук, стрелы и рыболовную сеть. Не допускай сына к этому ремеслу, пусть не будет он охотником. Он — единственная память обо мне в этом мире, ты сама знаешь, как я люблю его. А я, хоть и прославился как охотник по всей земле, всю жизнь едва сводил концы с концами.

Жена отвечала: «Хорошо».

Когда отошел муж в тот мир, жена спрятала охотничьи принадлежности в чуланчик. Она замазала дверь глиной, наглухо забила окно и заделала отверстие для дыма в крыше.

Вскоре сын охотника подрос, и мать отдала его в ученье к столяру. Но он ничему не научился. Забрала она его от столяра и отдала к кузнецу, только он и там ничему не научился. Посылала она его и к меднику. Но куда бы юношу ни определяли, он ни к чему не был способен.

Словом, что там долго рассказывать, в один зимний день мать попросила:

— Сынок, поднимись на крышу, смети снег*.

Он поднялся на крышу и стал мести. Подметая, он заметил, что комнат у них пять, а кровель шесть. Сколько он ни бился, никак не мог понять, в чем дело. Стал он приглядываться — и что же? У всех комнат на крыше было отверстие для дыма, а у одной не было.

Он пробил отверстие и спустился в комнату, и — что за диво! — там он нашел две стрелы, лук и рыболовную сеть. И больше ничего. Выломал он замазанную глиной дверь и вышел наружу. Придя к матери, он пристал с расспросами:

— Мать! Почему ты замазала глиной эту дверь? Что это за охотничья снасть? Кем был мой отец? Почему ты никогда не рассказывала мне о его ремесле?

Как ни старалась мать вывернуться, ничего не вышло. Ей ничего не оставалось, как ответить:

— Твой отец, сынок, был охотником. А спрятала я оружие и замазала глиной дверь по его завещанию.

*В Иране крыши плоские, глинобитные. После снегопада их обычно подметают.

29295

Не хотел он, чтобы ты пошел по его стопам. Ведь он сам не видел конца от этого ремесла и еле-еле сводил концы с концами.

— Нет, нет! — перебил сын мать. — Если сын не наследует ремесла отца, то он не мужчина!

На другой день с восходом солнца он перекинул через плечо лук со стрелами, взял тенета и двинулся в поле. Шел он, шел и остановился у родника. Здесь он расставил тенета, а сам сел в засаду в заросли. Сидит он, глядит по сторонам и думает: «Вот сейчас буду я с добычей!»

И вдруг видит, откуда ни возьмись, бежит по степи газель. Подбежала она к роднику, напилась воды и тут увидела силок. Только подошла она поближе, как сын охотника натянул петли, и газель была поймана.

Газель оказалась очень красивой, шкура ее была украшена полосами и пятнами, и юноша ликовал. Обвязал он ей шею веревкой и повел в город. У городских ворот ему повстречался всадник. Подъехал тот поближе, увидел газель и поразился ее красотой. Спешился он и спросил:

— Ты продаешь эту газель?

Но сын охотника был смысленный юноша. Он ответил:

— Нет, не продаю.

— Продай, — стал настаивать тот, — я отдам все, что бы ты ни попросил.

— Не продам! — повторил юноша, а потом все-таки спросил: — А сколько ты дашь?

— Десять туманов*.

— Не продам.

Всадник дошел до ста туманов, но юноша не соглашался. Тогда всадник с раздражением сказал:

— Ладно, пусть будет по-твоему! А чего ж ты все-таки хочешь?

— Хочу поднести газель шаханшаху и получить большой подарок.

— Будь ты проклят! — пробурчал всадник.

Подумать только! А всадник этот был не кто иной, как шахский везир правой руки.

Сын охотника шел, шел и пришел ко дворцу. Он сказал привратнику и фаррашам**:

*Туман — золотая монета, равная 10 серебряным риалам.

**Фарраш — дворцовый

— Передайте шаханшаху, что явился охотник и привел газель удивительной красоты.

Доложили они, и шах приказал:

— Введите.

Предстал сын охотника перед шаханшахом, поклонился низко и подарил газель. Шаханшах приказал:

— Передайте везиру, пусть немедленно явится.

Везир вошел. Узнал его сын охотника и призадумался: понял, что дело плохо. А шаханшах обратился к везиру:

— Скажи, чем же мы одарим этого охотника?

Везир ответил:

— Да буду я жертвой за тебя! Эта газель — самец. Надо бы приказать привести самку с такими же полосами и пятнами на шкуре. Тогда можно одарить охотника как угодно. Ведь самец в одиночестве зачахнет от тоски, если же ему достать подругу, — все пойдет совсем по-другому.

Сказал шаханшах:

— А везир неплохо придумал. Ступай, юноша, приведи точно такую же газель, но самку. Тогда я вознагражу тебя.

Сын охотника поник головой и со слезами на глазах и горечью в сердце вышел из дворца. Расстроенный, вернулся он домой и прилег. А мать его стала ворчать:

— Тридцать лет твой отец занимался охотой и даже на хлеб не мог заработать. Умирая же, завещал спрятать от тебя охотничью снасть. Но я не сумела этого сделать... Посмотрим, чем все кончится.

Не поужинав, юноша заснул под ворчание матери. На другой день, еще солнице не вышло из-за гор, как он собрал охотничьи принадлежности и двинулся в путь, в степь. Расставил он тенета у того же родника и спрятался в зарослях. Словом, что там долго рассказывать, — поймал он, как и в прошлый раз, газель — подругу вчерашней. То был самец, а это — самка. Газели паслись в этой степи и всегда бывали вместе.

Сын охотника был несказанно рад. Привязал он газель на веревку и двинулся к городу. Дошел до городских ворот и опять встретил вчерашнего всадника — шахского везира. Всадник подъехал к юноше:

— Эй, юноша! Продаешь газель?

— Нет, не продаю.

— Сто туманов дам.

Короче говоря, дошел он до тысячи туманов, но юноша не согласился, а отправился прямо в царский дворец. Войдя, он низко поклонился шаханшаху и поднес ему газель-самку. Увидел шах газель, обрадовался:

— Чудесно! Ты привел прекрасную газель. Пусть войдет везир!

Вошел везир. Шаханшах радостно сказал:

— Говори же, везир, чем мы одарим его?

Пораскинул юный охотник умом и решил, что везир придумает новую хитрость. И в самом деле, везир сказал:

— Да буду я жертвой за вас! Жаль, если у шаханшаха, обладателя двух газелей с красивыми полосами и пятнами, не будет ласки. Пусть сын охотника принесет ласку, тогда мы подарим ему коня.

Шах сказал:

— Везир-то дело говорит. Пойди, юноша, добудь ласку. Тогда и будет тебе подарок.

И снова сын охотника покинул дворец со слезами на глазах и обидой в сердце. Придя домой, он не стал есть и сразу же заснул, удрученный заботами. А во сне увидел он пророка Хызра*, который спросил его:

— Отчего ты так горюешь, юноша?

— Да буду я жертвой за тебя! К чему слова, когда и так все ясно. Два дня подряд ходил я на охоту и каждый раз ловил по газели. Отвел я их шаханшаху, но он не вознаградил меня. Мало того, приказал он достать ласку.

— Не горюй, — отвечал пророк. — Завтра с восходом солнца отправляйся во дворец и скажи шаханшаху: «Вели дать мне два мана гороха и три мана изюма из кладовой везира. Если все это возьмут из запасов кого-нибудь другого, а не везира, то ласку поймать не удастся».

— Возьми с собой горох и изюм и, выйдя из городских ворот, начни их разбрасывать. Так иди, пока

*Хызр — пророк, помогающий людям, оказавшимся в бедственном положении.

не дойдешь до родника в четырех фарсангах* от города. Садись там и жди. Ласки будут приходить парами. Одну пару из них ты и принеси шаханшаху.

Рано утром юноша встал и отправился во дворец. Он попросил два мана черного гороха и три мана изюма, заявив:

— Все это должно быть выдано из личных запасов везира. Если же возьмут из кладовых кого-нибудь другого, то поймать ласку не удастся.

Дали ему все, что он попросил. Сын охотника все делал так, как велел ему святой Хызр. Как только вышел он из ворот, стал разбрасывать горох и изюм и продолжал это делать, пока не добрался до родника в четырех фарсангах от города. Там он заснул от усталости. А когда проснулся, видит — Аллах! — вся степь покрыта ласками. Каждая горошинка и изюминка по воле Хызра превратилась в пару ласок. Они шли вслед за ним, а теперь сгрудились все в одном месте.

Юноша отобрал лучшую пару ласок и вернулся в город. И опять у городских ворот он встретился с тем же всадником — везиром шаха. Тот закричал:

— Юноша! Ты не уступил мне газелей, так продай же мне ласок! Я отдам все, что тебе угодно, и похвалю тебя перед шаханшахом. Да еще посоветую дорого уплатить тебе за газелей. А для шаханшаха принесешь другую пару ласок.

Не согласился сын охотника, а везир пригрозил:

— Лучше не связывайся со мной, а то пожалеешь!

Пошел юноша во дворец к шаханшаху и отдал ему ласок. Посмотрел шах, удивился прекрасным ласкам и спросил:

— Везир, чем же мы одарим этого сына охотника?

Тот отвечал:

— Да буду я жертвой за шаханшаха, обладателя двух красивых газелей с пятнами и полосами и двух чудесных ласок. Жаль только, что у него нет трона из слоновой кости, скрепленного гвоздями из того же материала.

Приуныл сын охотника, понял, что везир этот не даст ему житья и все его труды пропадут даром.

*Ф а р с а н г — мера длины, равная приблизительно 6 км.

Шаханшах же, видя, что везир льет воду на его мельницу, сказал:

— Что ж, юноша, везир говорит правду. Даю тебе десять дней сроку. Ты должен раздобыть такой трон. Достанешь — отдам все, чего только твоя душа пожелает. Не достанешь — голова с плеч долой!

Видит сын охотника — незачем сюда больше ходить. Удрученный, побрел он из дворца. Едва он дошел до дома, как упал без памяти и заснул мертвым сном. Опять увидел он во сне святого Хызра и давай жаловаться. А Хызр стал утешать его:

— Не горюй и не плачь. Пойди завтра утром во дворец и скажи падишаху: «Если тебе нужен такой трон, какого нет ни у кого на свете, то исполни, что я тебе скажу. Прикажи предоставить в мое распоряжение семьсот верблюдов, нагруженных вином везира. Отдай под мое начало всех кузнецов и столяров страны. Топоры и пилы пусть им дадут золотые, а кузнецам инструмент — серебряный. Пусть пять тысяч погонщиков нагрузят ослов и мулов съестными припасами и сопровождают нас. Все припасы надо взять из кладовых везира. Если, не дай бог, будет там хоть на грош имущества другого человека, то трон из слоновой кости не достать».

— После этого, — продолжал Хызр, — отправляясь в Индию, там и водятся слоны. В одной пустыне в Индии бьет ключ, а рядом с ним — озеро. Вели людям отвести воду из этого озера и тотчас вылить туда вино, привезенное на верблюдах. При этом надо запрудить ручьи, впадающие в озеро, чтобы вино не смешалось с водой. Слоны вместо воды напьются вина, опьянеют и упадут без памяти. Вот тогда ты и прикажи столярам и кузнецам убить слонов и изготовить трон из слоновой кости.

Тут сын охотника проснулся и от радости не мог заснуть до самого утра. Рано утром отправился он во дворец и попросил у шаханшаха все, что велел ему Хызр:

— Отдай в мое распоряжение семьсот верблюдов, груженых вином везира, всех столяров и кузнецов страны с золотым и серебряным инструментом. Нас должны сопровождать пять тысяч погонщиков мулов и ослов со съестными припасами. Все это долж-

но быть взято из имущества везира. Тогда я раздобуду трон, который желает ваше величество.

Падишах приказал дать юноше из казны везира все, о чем он просил. И отправился сын охотника со всем этим в далекую Индию. Он шел по пути, указанному Хызром, пока не добрался до родника и озера. Тут он приказал отвести всю воду из озера и вылить туда вино. Слоны по обыкновению пришли к озеру на водопой, но, напившись вместо воды вина, опьянели и упали замертво. Набросились на них столяры и кузнецы, поубивали и смастерили трон, о котором говорил шах. Потом покинули они Индию и двинулись обратно в Иран.

Шли они, шли и прибыли к воротам столицы. Здесь юноша сполна рассчитался с мастерами, продал вьючных животных и инструмент. Все это он обратил в деньги, а себе оставил лишь десять верблюдов, чтобы погрузить на них эти деньги. Потом юноша отпустил всех мастеровых, оставив только двести человек, чтобы донести трон. Деньги он отослал матери, а сам с мастерами, которые несли трон на плечах, отправился во дворец.

— Вернулся сын охотника с троном, который ты велел раздобыть, — доложили падишаху.

Обрадовался шах и сказал везиру:

— Встречайте его, введите его во дворец со всеми почестями.

Все, кто был во дворце, — придворные, вельможи и везиры — вышли встречать сына охотника. Вступил юноша в тронный зал в блеске и великолепии, а за ним внесли трон и установили его в зале. Шах воссел на него и спросил везира:

— Чем же вознаградим мы этого охотника?

Поцеловал везир землю и ответил:

— Да буду я жертвой за шаханшаха, средоточие вселенной, обладателя пары пятнистых и полосатых газелей, пары ласок и престола из слоновой кости, скрепленного такими же гвоздями! Жаль только, что не женат шаханшах на дочери царя пери. Если бы этот охотник смог привезти для шаха дочь царя пери, то любая награда была бы мала. Если же он не сможет этого, то пусть все пропадет даром. Ведь коли доставит он сюда дочь царя пери, то ты станешь падишахом над всеми людьми и джиннами.

Падишах в душе одобрил эти слова: «До чего же у меня хороший везир! Он только тем и занят, что думает о моем величии и могуществе». А сыну охотника сказал:

— Через десять дней ты должен доставить мне дочь царя пери. И тогда ты станешь моим везиром правой руки.

И на этот раз юноша вернулся домой со слезами на глазах, с горечью в сердце. От горя он почти не притронулся к еде и вскоре заснул. А во сне увидел святого Хызра и стал плакать.

— Ну, сынок, а на этот раз о чем слезы? — обратился к нему Хызр.

Он ответил:

— О пророк! К чему слова, когда все и так ясно?

— Не горюй, — сказал Хызр, — завтра пойдешь к падишаху и скажешь: «Десяти дней мало. Дай срок в сорок дней». Как выйдешь ты за городские ворота и пойдешь по степи, встретится тебе человек с чоуганом* в одной руке и мячом — в другой. Бьет он чоуганом по мячу, мяч катится по степи, а человек догоняет его и снова ловит. Этот человек предложит тебе дружбу. Возьми его в спутники и отправляйся дальше. Пройдешь немного и увидишь старца, который стоит на одной ноге, а на плече держит целую скалу. Он тоже пойдет вместе с тобой. Затем ты подойдешь к реке шириной в два фарсанга. Чуть подалее русло ее сужается и вся вода уходит в землю через узкое отверстие. Попроси старика запрудить скалой реку в этом самом месте. Только из отверстия, в которое уходила река, выползут два муравья и также присоединятся к тебе. Муравьи начнут беседовать с тобой и дадут тебе пучок волос.

— Потом доберешься ты до города. Его жители голодают по вине одного человека, который пожирает всю муку на мельницах. Забери и его с собой. И только после этого ты прибудешь в город, где живет дочь царя пери. Тебе дадут пять поручений. Ты выполнишь их все с помощью своих спутников и добьешься своей цели.

Проснулся сын охотника и до утра не мог заснуть

*Ч о у г а н — род клюшки. Употребляется при игре в поло, распространенной в Иране.

от радости. А рано поутру отправился во дворец. Падишах продлил срок до сорока дней, а юноша обещал, что, как только пройдут эти сорок дней, он привезет дочь царя пери. А не привезет — так голова с плеч долой.

Отправился сын охотника в путь. Вышел он в степь, видит — и правда — сидит на земле мужчина, протянув длинные-предлинные ноги, и держит в одной руке мяч, а в другой — чоуган. Бьет он чоуганом по мячу, потом бежит за ним на другой край пустыни и успеваает подхватить этот мяч.

Подошел сын охотника, приветствовал его:

— Дружище, не хочешь ли быть моим спутником?

— Почему же нет? Пошли.

Отправились они вдвоем и встретились со старцем. Тот стоял на одной ноге и держал на плече скалу.

Подошел к нему юноша, приветствовал его и предложил:

— Отец, не хочешь ли быть моим спутником?

— Почему же нет?

Двинулись они втроем и так подошли к реке. Видят: большая, широкая река, а уходит в узкое отверстие.

Сын охотника предложил:

— Отец! Брось-ка скалу в эту реку и поверни воду в пустыню.

Старец сбросил в отверстие скалу с плеча, и вода потекла в пустыню. А из отверстия выползли два муравья. Они заговорили:

— О сын охотника, салам алейкум!

Ответил юноша на приветствие, а муравьи дали ему пучок волос и сказали:

— Коли будет тебе трудно — спали один волосок, и мы тотчас явимся.

Пошли они дальше и пришли к какому-то городу. Видят: все люди там бледные и худые, лица ни на ком нет. Обратились путники к первому встречному и спросили:

— Почему жители этого города такие бледные и истощенные?

А тот отвечает:

— Здесь появился какой-то человек. Он пожирает все съестное, что появляется в городе. Стоит только смолоть на мельнице зерно — он уже тут как

тут! Так и слижет языком всю муку прямо с жернова.

— Покажите-ка мне этого человека! — попросил юноша.

Забрал он его с собой, и отправились они вчетвером. Шли они, шли и наконец прибыли в город, где жила дочь царя пери. Посмотрел юноша и видит: у городских ворот высится несколько пирамид из человеческих черепов. Спросил он:

— Почему эти пирамиды сложены из черепов?

Ему ответили:

— Уже тысячи юношей сватались к дочери царя пери. Девушка дает ему несколько поручений и говорит: «Я выйду замуж за того, кто сумеет их выполнить. А не выполнит — так велю отрубить голову и уложить в пирамиду».

Сын охотника молвил: «Да поможет нам Аллах», — и вошел в город. Прибыв к дворцу девушки, он попросил разрешения войти. Когда ввели его, девушка сказала:

— О юноша! Разве не жаль тебе своей молодости? Ведь ты вступил на опасный путь! Знаешь ли ты, за каким делом пришел? Разве не видел сложенные из черепов пирамиды?

Юноша ответил:

— Да буду я жертвой за тебя! Видел я пирамиды и знаю, куда пришел. Я явился, чтобы посватать тебя за иранского шаха и увезти.

— Не будет так, — отвечала девушка, — ты вернешься ни с чем!

Слушай же дальше. Своих спутников юноша оставил на расстоянии фарсанга от города: и того, что с чоуганом, и того старика, который держал на плече целую скалу, и обжору, заставившего голодать целый город, сам же остался один.

Солнце уже склонялось к закату, когда царская дочь сказала ему:

— У меня есть несколько поручений. Во-первых, найди человека, который отвезет от меня послание к шаху Ирана и на заре вернется с ответом. Во-вторых, сумей до рассвета разобрать и засыпать отдельно в три закрома три тысячи манов пшеницы, ячменя и проса, которые я велю смешать вместе. Третье дело такое: в фарсанге от города стоит крепость, которую построил в давние времена чародей Бахман. По округности она тянется на це-

лый фарсанг, у нее тысяча и одна башня, высотой в тысячу локтей каждая. Отыщи-ка человека, который за ночь снесет эту крепость до основания. А четвертый мой приказ — приведи человека, который съест за ночь тысячу четыреста баранов, тысячу лепешек и тысячу манов вареного риса.

Подумал сын охотника немного и ответил:

— Хорошо, будет сделано.

Потом они уселись и стали беседовать. Прошла часть ночи, юноша сказал:

— А написала ты письмо к шаху Ирана? А то я хочу его отправить и получить ответ для тебя.

Девушка взяла калам*, составила письмо к иранскому шаху и отдала юноше, он в свою очередь отдал его человеку с чоуганом и сказал:

— Любимый друг мой! Прошу тебя, вернись с ответом до рассвета.

Девушка тем временем велела смешать по тысяче манов пшеницы, ячменя и проса в одном закроме. Затем она обратилась к юноше:

— До утра пшеницу, ячмень и просо нужно отделить друг от друга и засыпать в отдельные закрома.

— Хорошо, будет сделано,— ответил сын охотника.

А девушка тотчас вызвала главного повара и приказала:

— Сию же минуту изжарить тысячу четыреста баранов и сварить в масле тысячу манов риса! Держать все это наготове!

Сын охотника в тот же миг сжег один волосок из того пучка, что дали ему муравьи. И что же? Перед ним и правда появились два муравья и приветствовали его. Юноша взмолился:

— Друзья мои! Времени мало, а дел много. До утра нужно отделить друг от друга пшеницу, ячмень и просо и засыпать в разные закрома.

— Это пустяки! — ответили муравьи. — Зачем так торопиться? Здесь работы всего на час.

Они немедленно созвали всех муравьев тех мест, и часу не прошло, как пшеница, ячмень и просо были отделены друг от друга.

*К а л а м — тростниковое перо, которым писали прежде в Иране.

Тут к царской дочери вошел повар и доложил: — Все, что ты приказала, готово.

Обернулась девушка к охотнику:

— Господин! Пусть придет твой человек и съест все кушанья.

Вышел юноша и привел человека, заставившего голодать целый город. Он усадил его, говоря:

— О Али! Садись, ешь.

И тот уничтожил все, что только было приготовлено. Юноша и девушка между тем приятно проводили время за беседой и вином. Вдруг из кухни раздались громкие крики. Девушка спросила у главного повара:

— Эй, дядя, что там случилось?

Тот поклонился и ответил:

— Удивительный человек! Он сожрал все, что мы сварили, и еще просит. Он клянется, что не наелся.

Девушка сказала:

— Клянусь Аллахом, ты победил, сын охотника!

Юноша знал это заранее, но он хотел, чтобы царская дочь сама своими глазами убедилась во всем, и они вместе пошли на кухню.

Не успели они вернуться в покои девушки, как явился с ответом гонец, отправленный к шаху Ирана. Девушка знала почерк иранского шаха и, как только раскрыла письмо, признала его руку. А юноша предложил ей:

— Пойдем, посмотрим теперь, что стало с пшеницей, ячменем и просом.

Пришли они, видят, что пшеница, ячмень и просо лежат в отдельных закромах, как того требовала царская дочь.

Осталась крепость, которую надо было разрушить до утра. Но юноша еще вечером попросил того человека со скалой на плече снести крепость. А сам приятно проводил время за вином и беседой. И вот выбрал он минуту и предложил:

— Посмотрим, что с крепостью.

Вышли они из города и зашагали. Вдруг видят: человек, который должен был разрушить крепость, спит мертвым сном и храпит так, что на небесах слышно. Растолкал юноша старика, тот вскочил, огляделся по сторонам и направился к крепости. Поддел он ее плечом, поднял на двести локтей и отбросил на полфарсанга. Раздался страшный грохот,

на десять фарсангов вокруг земля зашаталась. Все думали, что произошло землетрясение.

Увидев такой оборот дела, царская дочь дотронулась до плеча юноши и воскликнула:

— Хвала тебе, ты достоин всех благ!

Они вернулись в город и провели целую неделю за вином и беседой. Через неделю юноша приказал собираться в Иран. Богатый и величественный караван двинулся в путь.

Когда до столицы остался один переход, шаханшаху Ирана сообщили:

— Сын охотника подъезжает во главе богатого каравана. Готовься к встрече.

Падишах приказал всем везирам и придворным встретить сына охотника и дочь царя пери. Юноша и царская дочь торжественно вступили в столицу. Целую неделю праздновали их прибытие. Потом шах вызвал везира и спросил:

— Этот сын охотника выполнил много моих поручений. Как же подобает наградить его?

Везир ответил:

— Если шаханшах, обладатель пары прекрасных газелей, пары ласок, трона из слоновой кости, взявший в жены дочь царя пери,— если такой государь будет знать кое-что, то не будет на земле равного ему по величию и мощи.

Падишах опять спросил:

— А что это за «кое-что», которое я должен знать?

Везир, недолго думая, молвил в ответ:

— Ты, конечно, знаешь, что везиром его величества твоего отца был мой отец. И если Аллах, слава ему, через этого юношу устроил другие наши дела, то неплохо бы нам знать, как поживают на том свете его величество, твой покойный отец, и мой отец. Этот сын охотника должен привезти с того света письмо о том, что они там делают. А уж после этого вели украсить город и справить свою свадьбу с дочерью царя пери.

Видит падишах: ладно он придумал. Ведь неплохо получить весть от покойного отца. Обратился он к сыну охотника и говорит:

— Ну, юноша, везир дело говорит. Нужно в кратчайший срок привезти с того света письмо от моего отца и его отца. Или хотя бы только от моего отца.

— Очень хорошо! Завтра принесу вести от них. А сейчас пойду готовиться к путешествию на тот свет.

Вернулся юноша вечером домой и занялся приготовлениями в трудный путь с помощью святого Хызра. Стал он жаловаться матери на свою долю:

— Слава Аллаху, у меня теперь есть все. Но, увы, у этого легковверного шаха — коварный везир. Он все время вредит мне, то и дело выдумывает новые козни.

И он рассказал матери обо всем от начала до конца: о полосатой и пятнистой газели, о ласке, о троне из слоновой кости, о дочери царя пери — и добавил:

— А теперь он такое от меня требует, что не под силу ни одному человеку. Придумал, чтобы я привез письма от их отцов с того света.

Помолчала мать, подумала, а потом сказала:

— Ох, сынок! Если ты исполнишь это желание, он придумает что-нибудь новое. Уж лучше ты сам что-нибудь придумай!

Сын лег в постель, только было ему не до сна. После долгих раздумий он решил избавиться от шаха и его везира. Встал он утром, пошел во дворец и попросил:

— Прикажите десять дней возить дрова на тысяче верблюдов и складывать их за городскими воротами.

Падишах согласился и велел, чтобы тысяча верблюдов десять дней возили дрова. На десятый день к вечеру юноша велел привести всех плотников страны. Явились плотники и по указанию сына охотника воздвигли на дровах трон. Юноша явился к шаху и сказал:

— Пусть все воины и вельможи выйдут за городские ворота.

Исполнили это. Вместе с придворными и войском явились музыканты и певцы. Тогда сын охотника обратился к шаху:

— Ваше величество, вам нужно вместе с везиром подняться на трон и сесть там вдвоем. Туда я принесу письма ваших отцов.

Падишах и везир поднялись наверх, сели на трон. Сын охотника поднялся за ними и попросил шаха:

— Прикажите певцам и музыкантам играть и петь, а воинам и вельможам пить вино за здоровье вашего величества. Скоро прибудет письмо.

Падишах по указанию юноши повелел:

— Певцы и музыканты! Играйте и пойте. Воины и вельможи! Пейте вино.

Тут сын охотника спустился вниз и велел, чтобы дровяную гору подпалили с четырех сторон. Шах и везир сгорели в пламени и сами отбыли к своим родителям.

А сын охотника направился во дворец и воссел на шахский трон. Он приказал семь дней украшать город, а потом сыграл свадьбу с дочерью царя пери. Он стал одним из лучших царей мира, так как испытал превратности судьбы, вкусил и зной, и холод. Да исполнятся наши чаяния так же, как исполнились желания сына охотника.

Сказка о купеческой дочери и сыне падишаха

Жил в давние времена один купец. Никто не мог сравниться с ним богатством. И была у него единственная дочь Нуш-Афарин. Еще был у него приемный сын по имени Ходадад, которого он подобрал ребенком на улице.

Купец очень любил свою дочь и специально для нее взял в дом учителя-муллу. А учитель этот был дурной и подлый человек. Он влюбился в девушку и, пользуясь своим положением, стал заигрывать с ней.

В это время купец по воле неба должен был отправиться путешествовать. Собрал он пожитки и двинулся в путь, повернувшись спиной к родному городу, лицом к чужим краям.

В отсутствие отца учитель почувствовал себя увереннее и стал приставать к девушке, обнаружил свои намерения. Та пыталась пристыдить его:

— Ты же нам вместо отца родного, ты мой наставник к тому же, что это за разговоры?

Но на низкого душой учителя это не подействовало. С каждым днем он становился все настойчивее, он начал даже угрожать девушке:

— Если будешь упорствовать, я напишу отцу, что ты завела с кем-нибудь шашни.

Но девушка не уступила: «Делай,— говорит,— что хочешь».

Тогда негодяй учитель и вправду написал купцу: «После вашего отъезда дочь предалась любов-

ным утехам с каким-то юношей и забыла ученье и уроки».

Купец в ответ прислал письмо Ходададу: «Отвези девушку по имени Нуш-Афарин в пустыню и убей ее там. А ее окровавленную рубашку пошли мне».

Ходадад забрал Нуш-Афарин и отправился в пустыню. Дорогой одолели его сомнения: «Кто знает, вдруг сестра невиновна? Зачем же мне брать на душу грех?»

И признался он во всем сестре. Потом подстрелил он из лука голубку, окропил ее кровью рубашку и, вернувшись домой, отправил отцу.

А бедная Нуш-Афарин осталась в пустыне. Питалась она ягодами, а по ночам спала на деревьях — так и жила. Она переходила с одного места на другое и наконец добрела до чистого родника. В жизни не видала она такой прозрачной воды. Понравилось ей там, и стала она днем собирать по рощам плоды, а на ночь залезала на старое дерево у родника. Она забиралась туда и в полуденный зной, спасаясь от жары.

И вот в один прекрасный день сын падишаха той страны вздумал поохотиться. Выехал он со свитой, слугами и охотничьим снаряжением и вдруг видит — бежит красивая пятнистая газель. Погнался за ней шахзаде, а сопровождать себя никому не велел. Вперед добыча, шахзаде — за ней, так они и скакали. Но вот газель исчезла из виду, а шахзаде и его конь выбились из сил.

Остановился шахзаде, и оказался он как раз у того самого родника. Сошел он с коня, а утолив жажду, взглянул в воду и увидел отражение девушки. А девушка была прекрасна, как полная луна. Поднял шахзаде голову и воскликнул:

— Кто ты? Джинн, ангел или человек?

А девушка ему в ответ:

— Не джинн я и не ангел, а просто человек.

— Спускайся вниз! — приказал шахзаде.

Девушка говорит:

— Дай мне платье, чтобы я могла одеться, тогда спущусь.

Подав ей шахзаде одежду, она оделась, сошла вниз, и юноша усадил ее позади себя на коня. Они присоединились к свите, а потом все вместе поехали в город. Шахзаде пошел к отцу и рассказал ему о

погоне за газелью на охоте и о девушке. А когда привел он ее к падишаху, тот сказал:

— Если будет на то воля Аллаха, пусть эта девушка станет твоей судьбой.

На другой же день устроили свадебное пиршество, и Нуш-Афарин сочеталась браком с шахзаде. Любили они друг друга, как Лейли и Меджнун*, и любовь их росла с каждым днем. Вскоре бог даровал им сына, через два года у них родился второй, и зажили они счастливо.

Однажды ночью шахзаде вернулся во дворец и увидел, что Нуш-Афарин чем-то огорчена и плачет. Он спросил:

— Что тебя печалит, о чем плачешь?

— Ведь у меня есть отец и мать, и я скучаю по ним,— сказала Нуш-Афарин,— я уже давно не видела их, ничего о них не слышала, никаких вестей от них нет.

Шахзаде ответил:

— Стоит ли из-за этого огорчаться и плакать? Я дам тебе все необходимое на дорогу, поезжай к своим родителям и оставайся у них сколько тебе захочется. А потом возвращайся домой.

Нуш-Афарин поблагодарила мужа и успокоилась.

Наутро собрали все, что было нужно в дорогу, и решил шахзаде отправить с женой своего везира и нескольких слуг, чтобы они сопровождали ее в пути.

Отъехали они несколько переходов от города, и вот однажды ночью, на стоянке, когда люди отдыхали, везир вошел в шатер Нуш-Афарин и заговорил о своей любви к ней.

— Что это за речи?— сказала Нуш-Афарин.— Шахзаде тебя облагодетельствовал, а ты хочешь отплатить ему черной неблагодарностью?

А везир отвечает:

— Это все пустые слова! Ты должна ответить на мою любовь. А не будет по-моему — отрублю головы твоим сыновьям.

— Все равно не бывать этому!— воскликнула Нуш-Афарин.— Делай, что хочешь!

*Меджнун — арабский юноша, потерявший рассудок от любви к Лейли. Его имя стало символом безумно влюбленного. О любви Меджнуна и Лейли на протяжении многих веков слагали песни и поэмы.

И бессердечный везир отсек головы обоим невинным мальчикам. Но Нуш-Афарин не уступила, и везир продолжал настаивать:

— Если будешь медлить, то и твоя голова так же слетит!

Видит Нуш-Афарин, что выхода нет, и ответила:

— Подожди немного, я совершу омовение и приду к тебе.

Собрала она потихоньку сколько могла денег и драгоценных камней и вышла из шатра будто на омовение. Была темная ночь, и Нуш-Афарин пошла в степь — куда глаза глядят.

Шла она до утра, шла весь следующий день и не знала — куда идет.

К вечеру набрела она на стадо овец, подозвала пастуха и попросила:

— Зарежь овцу и зажарь шашлык.

Пастух сначала было не соглашался, но она дала ему много денег и уговорила. Он зарезал овцу и зажарил шашлык, и Нуш-Афарин поела. Потом попросила она пастуха выпотрошить и вымыть бараний сычуг. Натянула Нуш-Афарин его на голову вместо шапки и сказала пастуху:

— Давай поменяемся платьем!

Пастух согласился, и она надела его платье и пошла дальше.

Шла она, шла и пришла в родной город. Постучала в двери родительского дома и спросила:

— Вам слуга не нужен?

Ей ответили:

— Если ты умеешь искусно готовить — оставайся.

Так осталась она в доме отца за повара и стала готовить вкусные блюда.

А теперь послушай, что произошло с шахзаде, везиром и пастухом.

Утром везир понял, что Нуш-Афарин никогда не вернется. Он разорвал на себе одежду и начал громко причитать:

— Ночью напали разбойники, унесли все богатства, убили мальчиков, а заодно увели и их мать.

Вернувшись в город, он рассказал то же самое шахзаде.

Шахзаде долго горевал, а затем сказал:

— О везир! Я не успокоюсь, пока я не найду и не накажу этих разбойников!

— Я всюду с тобой!— ответил ему везир.

Они облачились в одежды дервишей, покинули родной город и двинулись в пустыню. Шли, шли и остановились на ночь в каком-то караван-сараяе.

А послушай-ка, что было с пастухом. Как только Нуш-Афарин ушла, пастух бросил стадо на произвол судьбы, а сам отправился в путь. Шел он, шел и очутился около того же караван-сарая, где остановились шахзаде и везир. Увидев двух дервишей, он подошел к ним с приветствием:

— О любимцы Аллаха! Куда путь держите?

— Мы бедные дервиши, странствуем по белу свету. Оставайся с нами эту ночь!

Пастух согласился. Уселись шахзаде, везир и пастух в кружок, и шахзаде обратился к пастуху.

— Давай рассказывать о своих приключениях. Тогда нам не будет скучно.

— Начните лучше вы,— ответил пастух.

И шахзаде рассказал, как он поехал на охоту, увидел у родника девушку и привез ее в город. Поведал он и о женитьбе на этой девушке, и о том, как у них родилось двое мальчиков. «Но однажды,— продолжал он,— я застал жену плачущей. Она тосковала по родителям. Пришлось мне отпустить ее вместе с детьми к родителям, а везира я послал сопровождать ее. Но вскоре тот вернулся и сказал, что разбойники убили детей, ограбили караван и увели жену».

Второй дервиш начал свою историю с того дня, как он стал везиром. Он рассказал о том, как сопровождал жену и детей шахзаде, как напали разбойники, убили мальчиков, ограбили караван и увели их мать.

Пастух сказал:

— Днем я пас овец, что были у жителей села, а по вечерам пригонял стадо в селение. Долго я жил так, но вот недавно пригнал я на пастбище овец и здесь предстала передо мной девушка, прекрасная, как полная луна. Она сказала, что голодна, и дала мне денег. Я зарезал овцу, приготовил шашлык, она поела, а потом нахлобучила на голову вместо шапки бараний сычуг, поменялась со мной одеждой и ушла. А мне невмоготу стало пасти овец. Бросил я стадо и с тех пор странствую: может, удастся еще хоть один разок взглянуть на эту девушку. То ли

это был джинн или пери, то ли небесный ангел, так она была прекрасна и так щедра. За одну овцу, продавая цену которой пять туманов, она заплатила ему туманов. Да вдобавок свое богатое платье обменяла на мои ветхие и грязные лохмотья. Обезумел я от любви к ней, пустился странствовать по пустыням и вот здесь встретился с вами.

Тут шахзаде предложил ему:

— Любимец Аллаха, пойдем вместе с нами!

Утром двинулись они в путь втроем. Шли они, шли и прибыли в тот самый город, где жил купеческий старшина. Остановились на главной площади и начали уличное представление.

По городу быстро прошел слух, что трое дервишей показывают на площади всякие зрелища. И как-то Нуш-Афарин взбрело в голову: «Пойду-ка, посмотрю на этих дервишей».

Пришла она на площадь. Как увидела их, так сразу узнала и, вернувшись домой, попросила хозяина:

— Разреши мне на один вечер пригласить в гости этих дервишей.

— Ладно, делай так, как тебе хочется,— разрешил купец.— Иди и приглашай!

Нуш-Афарин отправилась на площадь и попросила дервишей прийти вечером в гости. И вот вечером они явились в дом купца и уселись в кружок. Повели беседу о том о сем, тут Нуш-Афарин ввязалась в разговор и предложила:

— Рассказали бы вы о своих приключениях!

А надо вам сказать, что подлый учитель-мулла все еще жил у купца. Он только и делал, что ел да спал без просыпа. Он тоже подсел в круг и вступил в беседу.

Девушка снова предложила:

— Пусть каждый вечер кто-нибудь рассказывает о своих злоключениях. Начнем с хозяина дома — господина купеческого старшины.

Начал купец:

— Была у меня единственная дочь. Был и сын, которого я подобрал на улице, усыновил и назвал Холададом. Для дочки я даже взял учителя, уж очень я любил ее. Неожиданно пришлось мне отправиться по торговым делам в дальние страны. И вот однажды получил я письмо от учителя: «От прежней

скромности и целомудренности твоей дочери ничего не осталось. Она ведет дурную жизнь и предается наслаждениям». Словом, писал он, что дочь моя стала блудницей. Тогда я написал Хоодададу, чтобы отвел он девушку в поле, убил ее и прислал мне ее окровавленную рубашку. И Хоодадад, повинувшись моей воле, отвел девушку в степь, убил ее, а окровавленную рубашку прислал мне. С тех пор я не перестаю горевать и лить слезы по дочери, днем и ночью только думаю о ней, страдаю из-за ее гибели.

Подумай-ка, а этот подлый учитель сидел тут же и слушал.

Прошел этот вечер, наступил следующий. На этот раз очередь рассказывать была за учителем. И он начал:

— Я как раз и есть учитель той девушки. Я жил в доме господина купеческого старшины, ел за его столом. Когда дочь, которую отец так лелеял, что даже взял специально для нее учителя, стала проявлять склонность к разврату, я из преданности написал купцу. Он же написал Хоодададу и велел наказывать распутную дочь по заслугам. Хоодадад, по воле отца, отвел ее в пустыню, убил и отослал отцу окровавленную рубашку.

Прошла и эта ночь. Настал третий вечер. Начал свой рассказ шахзаде, облаченный в дервишеские одежды:

— Да будет вам известно, что я — второй сын падишаха восточной страны. Однажды захотелось мне поохотиться. Отправился на охоту, взяв все необходимое. На охоте увидел я газель удивительной красоты и захотел поймать ее живой. Погнался я за ней, а спутникам не разрешил следовать за собой. Впереди газель, за нею — я, так мы и скакали по степи, пока не очутился я перед родником у подножья какой-то горы. Слез я с коня, чтобы напиться, подошел к роднику, взглянул на воду и увидел девушку, прекрасную, как пери, как ангел. Посмотрел на дерево, вижу — там сидит эта девушка. Это, оказывается, ее отражение было в воде. Я сказал ей:

— Кто ты, девушка? Слезай скорей!

Но она попросила у меня какую-нибудь одежду. Я подал ей все, что было можно, она оделась и слезла с дерева. Тут я отказался от охоты, вернее, охоту на газель заменил охотой на девушку. Усадил ее

вместе с собой на коня и поскакал к спутникам, и все вместе мы вернулись в город. Я пошел, рассказал обо всем отцу и показал ему девушку. Понравилась она ему, и нашел он ее достойной быть моей женой. Разукрасили город на целых семь дней, и сыграл я свадьбу с девушкой, которую звали Нуш-Афарин. Любил я ее больше жизни. По воле Аллаха родились у нас два сына.

Но однажды ночью вижу я — плачет жена горькими слезами — все глаза выплакала. Стал я спрашивать, о чем она горюет, а она говорит:

— Ведь у меня есть и отец и мать, а я многие годы ничего о них не слышала. Я тоскую о них. Я ей ответил:

— Слезы делу не помогут. Все готово, собирайся утром и поезжай к родителям.

Собралась она в дорогу, а у меня был везир, которому я доверял, как себе. Велел я ему вместе с нукерами и рабами сопровождать жену. Выехали они, но через несколько дней везир вернулся в разорванных одеждах и, плача, рассказал, что ночью на караван напали разбойники. По его словам, разбойники убили детей, забрали все легкое по весу и дорогое по цене и увели Нуш-Афарин. Услышал я это, надел дервишескую одежду и отправился странствовать вместе с везиром.

Думал я напасть на следы этих разбойников, наказать их и вернуть жену.

Кончил шахзаде свой рассказ, подивились все присутствующие, но ничего не сказали.

Прошла и эта ночь, настал четвертый вечер. Пришла очередь везира. Он так же подробно рассказал свою историю, начиная от службы у шахзаде.

На пятый вечер очередь дошла до пастуха. Он рассказал от начала до конца всю свою историю и довел до того, как оказался он в этом собрании.

Прошла пятая ночь, настал шестой вечер. Наступила очередь Нуш-Афарин. И рассказала она всю свою историю от начала до конца. Мулла и везир пришли в замешательство и стали было возражать:

— Не надо дальше рассказывать!

Но шахзаде и купец, которые уже собирались схватить их, не согласились. И девушка продолжала свой рассказ и дошла до последнего дня. Тут все так удивились, что слова молвить не могли. А надо

вам сказать, что среди них присутствовали кадий* и правитель города. Окончила Нуш-Афарин свой рассказ и обратилась к кадию и градоправителю:

— Чего заслуживает тот, кто предал своего благодетеля, забыв его хлеб-соль?

И постановили те казнить двух предателей.

На другой день муллу и везира вывели на городскую площадь и повесили там, а на лбу у них написали: «Такова участь всякого, кто предаст своего благодетеля и забудет его хлеб-соль».

Купец совершил благодарственную молитву, обнял и поцеловал дочь. Пастуха купец наградил, шахзаде также получил богатые подарки от купца и от градоправителя. И отправился он вместе с женой, которая опять оделась в женское платье, в родные края.

Да исполнятся волею Аллаха чаяния всех!

Плешивый пастух и дочь кедхуды

Жил-был плешивый пастух, пас он коров. Утром он угонял сельский скот в степь, а вечером пригонял обратно в селение. Каждый вечер жители давали ему что-нибудь в плату.

Однажды дочь кедхуды** пошла с кувшином на плече за водой. Увидел ее плешивый пастух и влюбился будто не одним, а сотнею сердец. А девушка попросила его:

— Подойди-ка, помоги мне поднять кувшин на плечо!

Пастух так обрадовался, что и сказать нельзя. Стал помогать ей поднять кувшин, взял да и поцеловал ее. Вернулась девушка домой и говорит матери:

— Сегодня плешивый пастух поцеловал меня в губы.

А мать ее была мудрой женщиной. Она сказала:

— Ну, душенька! Не было этого.

Слушай же, что было с плешивым. Вернулся он

*Ка д и й — судья.

**К е д х у д а — сельский староста.

и селение, пригнал коров хозяевам, потом пришел домой и говорит матери:

— Матушка, я люблю дочь кедхуды. Пойди посватай ее.

Сколько мать ни твердила: «Сынок, ведь это дочь кедхуды, а мы бедняки, у которых ничего нет», — плешивый стоял на своем:

— Как только завтра взойдет солнце, ты должна пойти и посватать за меня дочь кедхуды!

И бедной женщине ничего не оставалось, как согласиться:

— Хорошо, пусть только настанет утро.

А у жителей этой деревни был такой обычай. У кедхуды среди двора лежал большой камень. Если кто-нибудь из селенья собирался жениться или свататься, он приходил и садился на этот камень. И люди уже знали, что человек хочет жениться или пришел сватать.

Мать плешивого сдержала слово и, как только сын угнал коров в степь; села на тот самый камень. А жена кедхуды была женщина разумная и сообразительная. Она помнила вчерашние слова дочери о том, что ее поцеловал плешивый пастух. Увидела на камне мать пастуха и подумала: «Понятно! Вчера поцеловал дочь, а сегодня прислал мать сватать ее».

Она вызвала слуг и приказала:

— Нет ли остатков вчерашнего ужина? Отнесите их матери плешивого пастуха да прибавьте еще два риала*.

И вот слуги принесли матери плешивого пастуха деньги и остатки ужина. Бедная женщина не осмелилась сказать, зачем приходила, поднялась и ушла несолоно хлебавши. Вечером плешивый, едва вернулся с пастбища, первым делом спросил:

— Ну, чем меня обрадуешь? Согласна дочь кедхуды?

Мать опять стала его отговаривать:

— Ведь мы, сынок, бедные. Недаром говорят: по одежке протягивай ножки. Давай-ка пойду я завтра и посватаю тебе дочь твоего дяди.

Но плешивый показал ей палку и пригрозил:

* Р и а л — серебряная монета 4,1 г.

— Если завтра не пойдешь и не посватаешь дочь кедхуды, то я образумлю тебя вот этой штукой!

И беззащитная женщина поневоле согласилась.

Рано поутру она направилась к дому кедхуды, села опять на камень, и на этот раз ей удалось изложить свою просьбу. Жена кедхуды была женщиной не только рассудительной, но и ласковой. Она ответила:

— Я-то со своей стороны согласна, но надо получить согласие кедхуды.

Вечером, когда кедхуда пришел домой, жена и говорит ему:

— Кедхуда, приходила мать плешивого пастуха сватать нашу дочь. Я дала согласие, теперь все зависит от тебя. Не мешает тебе знать, что плешивый очень влюблен и к тому же поцеловал девушку. Это не шуточное дело, и отвязаться будет не так-то легко.

Кедхуда был человек добрый и сострадательный. Он ответил жене:

— Плешивый беден, у него нет ничего за душой: ни дома, ни имущества, ни достатка. Мы не скажем ему «нет», а попросим заработать денег, построить дом — словом, обеспечить жизнь. Тогда пусть и забирает девушку.

Плешивому дали знать, как обстоит дело. Обрадовался он так, что и сказать нельзя. На другой день не стал пасти коров и сказал матери:

— Я иду странствовать, зарабатывать деньги!

Как ни просила мать: «Не покидай меня, старуху, на произвол судьбы, оставайся здесь, Аллах милостив», — плешивый только отвечал:

— Нет, это невозможно.

Так он покинул родные края и отправился бродить по белу свету. Странствовал он, странствовал и вот однажды встретился с каким-то дервишем. Спрашивает его дервиш:

— Куда идешь, плешивый? Хочешь быть моим слугой?

— Хочу!

— А сколько возьмешь за день?

— Сколько тебе не жалко!

— Что ж, пошли!

Шли они, шли и остановились у родника. Тут дервиш говорит плешивому:

— Ты постой здесь, а я зайду к себе домой и вернусь.

И видит плешивый: сказал дервиш какое-то заклинание, спустился в родник и исчез. Спустя некоторое время дервиш высунулся из родника и говорит:

— Плешивый, пошли!

Тот спрашивает:

— Куда идти-то?

А дервиш ему в ответ:

— Закрой глаза!

Тут прочитал он заклинание и говорит:

— Теперь пойдем со мной!

Плешивый повторил заклинание и вместе с дервишем погрузился в родник. Раскрыл он глаза и видит: чудесное место — сад и роща, каких он никогда не видел. А дервиш говорит плешивому:

— Смотри хорошенько и сопровождай меня повсюду.

Пошли они вместе, пришли ко дворцу. И увидел там плешивый девушку, прекрасную, как полная луна. Дервиш принес какую-то книгу и говорит девушке:

— Я отлучусь из дому на сорок дней, пойду на охоту. До моего возвращения обучай плешивого по этой книге, чтобы он мог легко читать ее.

— Хорошо, — ответила девушка.

В то же мгновение дервиш исчез. А девушка стала умело обучать плешивого. И вот однажды говорит она ему:

— Если отец узнает, что ты хорошо выучил эту книгу — он погубит тебя.

— Что же мне делать? — говорит плешивый.

А девушка в ответ:

— Вернется отец и спросит тебя: «Выучил книгу?» Ты отвечай «да». Но когда он велит прочесть тебе, ты читай все наоборот: встретишь «алиф», говори «ба»*. И он решит, что ты ничему не научился.

Прошло сорок дней. Дервиш пронесся, как вихрь, и появился перед ними. Первым делом он обратился к дочери:

— Выучил плешивый книгу?

А девушка ответила:

*А ли ф» и «ба» — названия первой и второй букв арабско-персидского алфавита.

— Удивительный человек! Как его ни учи, все равно ничего до него не доходит.

Дервиш ткнул пальцем на букву «алиф»:

— Это что?

Плешивый ответил:

— Это «ба».

Дервиш спросил у него много букв и убедился, что плешивый так ничему и не выучился. Повернулся дервиш к дочери и говорит:

— Этот для нас не годится. Принеси кошель с деньгами, я рассчитаюсь с ним, пусть себе идет на все четыре стороны.

И он дал ему сто туманов.

— Ты нам не подходишь.

А теперь послушай, что это была за книга. Эта книга была о магии, все в ней было, а плешивый выучил ее наизусть. Вернулся он в родное селение и говорит матери:

— Матушка, возьми эти деньги, позови зодчего и мастеров, пусть строят дом. На остальные расходы я дам денег в скором времени.

И занялся плешивый постройкой дома, а он захватил с собой план дворца дервиша. Никто в мире не видел ничего подобного! Плешивый велел построить дом по образцу этого дворца.

Ночью, оставшись с матерью наедине, он долго беседовал с ней и, наконец, сказал:

— Матушка! Завтра с восходом солнца я превращусь в верблюда. А ты возьми меня за уздечку, отведи на базар и продай за сто туманов. Но ни за что не отдавай уздечки. Даже за тысячу туманов не отдавай.

Настал день, и плешивый превратился в верблюда. Мать взяла его за уздечку, отвела на базар и продала за сто туманов. А уздечку оставила у себя. Возвращается она вечером домой, а навстречу ей идет плешивый и говорит:

— Отдай сто туманов зодчему.

Поздно ночью, оставшись вдвоем, они стали мирно беседовать. Перед сном плешивый сказал матери:

— Матушка! Завтра с восходом солнца я превращусь в мула. Отведи меня на базар и продай за тысячу туманов. И ни за что не отдавай уздечку.

Поднялась старуха рано утром, — а плешивый уж

превратился в мула. Мать взяла его за уздечку и повела. Пришла она на базар, а навстречу ей идет из бани купец. Купец видит — ведут великодушного мула, выступающего горделиво, как павлин. Спрашивает купец старуху:

— Матушка, сколько просишь за мула?

— Тысячу туманов.

Удивился купец.

— Эй, старуха! До простит бог грехи твоего отца. У меня сто мулов и ни за одного я не заплатил более тридцати-сорока туманов. Твой мул очень хорош, я дам тебе сто туманов, но не тысячу.

Старуха же ответила:

— О купец! Этот мул стоит две тысячи туманов. За один час он доставит тебя до любого уголка земли и обратно.

Еще больше удивился купец:

— Не может этого быть! Но если это правда, то я даю две тысячи туманов.

— Так испытай,— говорит старуха,— отправляйся на нем в Туркестан.

Купец привел старуху с мулом к себе домой и дал ей расписку: «Если мул за один час вернется из Рума*, я обязуюсь отдать две тысячи туманов».

А в Руме у купца был брат. И захотелось ему узнать, как этому брату там живется. Позвал он жену и говорит ей:

— Изжарь-ка поскорей яичницу!

А сам он тем временем набросал письмо.

Яичницу изжарили и положили в сундук. Купец запечатал письмо, отдал нукеру:

— Садись на мула. Этот мул за час должен доскакать до Рума и вернуться обратно.

Не успел нукер как следует стать ногой в стремя, как очутился в незнакомом городе. Спрашивает он:

— Дружище, что это за город?

— Это город Рум,— отвечают ему.

— А где находится такой-то караван-сарай?

Ему показали, и он вошел в комнату брата хозяина. Посмотрел тот и удивился: буквы не успели еще как следует высохнуть. А затем спросил:

— Эй, нукер, что у тебя еще?

* Рум — первоначально так называлась на Востоке Византийская империя, позднее — Малая Азия, Турция. В средние века то же название носил город Конья в Малой Азии.

Нукер отдал сундук с яичницей. Видит: теплая еще яичница. Поел, написал ответ брату, нукер снова сел на мула и, вскоре очутился на базаре перед домом хозяина. Увидел купец его и пришел в замешательство. Он хорошо отблагодарил нукера, дал ему много денег и сказал:

— Ни за что никому не говори о том, что у меня такой мул.

А старухе он сказал:

— Матушка! Ты просила за мула тысячу туманов. Вот тебе сверх этого еще пятьсот.

Старушка получила деньги и вернулась домой.

А купец приказал кучеру постелить под ноги мула ковер и давать ему вместо соломы и сена сахар и пряности.

Прошло несколько дней. Однажды ночью жена говорит купцу:

— Да будет радостен твой дом! Тебе попался такой мул, а ты ни разу не взглянул на него, не убрал за ним.

— Верно говоришь, — ответил купец. — Утром я пойду в конюшню и сам присмотрю за мулом.

Пришел он рано утром в конюшню, подошел к мулу. И что же он видит? О Аллах! Мул стоит прекрасный, как павлин, распустивший хвост. Расчесал купец ему гриву и вдруг заметил — мул тычется мордой в какую-то дыру. Купец закричал нукеру:

— Ты что, перестал ухаживать за мулом?

— Как перестал?

И вдруг купец видит: морда мула стала делаться все тоньше и влезать в отверстие.

— Что это случилось с мулом? — закричал он.

Смотрят — голова мула уже целиком пролезла в дыру. Поднялся тут шум и крик, глядят — и шея мула исчезла в дыре. Все стали кричать:

— Что это с мулом?

Но тут и туловище мула стало тонким и скрылось в дыре. Купец закричал:

— Эй, нукеры! Бегите, хватайте мула. Он весь влез в дыру.

Ухватились они за хвост мула и оторвали его. А тут и дыра в стене исчезла.

Купец кричит:

— Немедленно ломайте стену!

А нукер отвечает:

— Я, хозяин, не каменщик! Давай-ка лучше никому об этом не рассказывать, ведь все равно никто не поверит. Да еще скажут, что ты сошел с ума.

А теперь вернемся к матери плешивого. Видит она, прошло ужé несколько дней, а сына все нет. Стала она горевать, тут в один прекрасный день и появился плешивый, идет, улыбается.

— Сынок, да буду я жертвой за тебя, где ты пропал? Я очень беспокоилась.

А постройка дома тем временем подходила к концу. Плешивый и говорит матери:

— Матушка, завтра встань пораньше. Я обернусь боевым бараном, а ты отведи меня на базар и продай за двести туманов. Но смотри, не продавай ошейника!

Рано утром старуха с бараном направилась на рынок. Пришла она туда, и вдруг подходит к ней дервиш-колдун. Баран от страха задрожал, как ивовый лист, и подумал: «Горе мне! Этот дервиш изрежет меня на куски!»

Обратился дервиш к старухе:

— Мать! Сколько просишь за барана?

— Двести туманов.

— Бери двести туманов и отдай мне барана вместе с ошейником.

— Барана продаю, а ошейник нет,— ответила старуха.

— Ладно, набавь цену за ошейник. Почему бы тебе не продать его?

Собралась толпа. Стали люди говорить старухе:

— Мать, ведь ошейнику-то грош цена.

Надоело старухе спорить, и она уступила, выговорив себе прибавку. А дервиш схватился за ошейник, заскрипел от гнева зубами и двинулся в путь вместе с бараном. Шли они, шли, пока не пришли к тому роднику. Дервиш опустил в родник, пришел во дворец и говорит дочери:

— Ах ты бесстыдница! Ты, оказывается, лгала мне. Вы сговорились с этим проклятым плешивым, и ты научила его моему колдовскому искусству! Уж я вам воздам по заслугам. Иди, неси нож!

Девушка пошла, но вместо ножа принесла лохань. А он говорит ей:

— Иди, неси кинжал!

Но девушка и на этот раз принесла что-то другое. Короче говоря, чего бы ни просил дервиш, де-

вушка приносила совсем не то. Наконец дервиш так разгневался, что собрался было сам пойти за ножом, чтобы зарезать барана, и выпустил из рук ошейник. Баран в тот же миг превратился в голубя и взлетел в воздух. Дервиш обернулся ястребом и погнался за ним. Летят они — впереди голубь, позади ястреб. Нагоняет ястреб голубя, хочет схватить его, но тут голубь обернулся букетом цветов. А в это самое время сидела на краю водоема дочь купца. Букет упал как раз в подол ее платья. Ястреб же снова стал дервишем, остановился перед тем домом и стал громко читать молитвы:

— О Али, помоги! Цветы в подоле девушки — мои.

Девушка отвечает:

— Хорошо, дервиш. Я уплачу тебе за цветы.

Но дервиш не соглашался. Тогда рассердилась девушка и бросила букет дервишу. А цветы превратились в целый ман проса и рассыпались по всему дому и саду. Дервиш же обернулея курицей с цыплятами и склевали они все зернышки.

Но одно зерно затерялось в лепестках розы. Сколько ни искала курица, не нашла его. А тут уж люди собрались, смотрят, дивятся. Как вдруг уцелевшее зернышко стало лисой. Накинулась она на курицу с цыплятами и съела их. Тогда купец крикнул:

— Хватайте лису!

Ее схватили и стали заклинать:

— Во имя Аллаха, который даровал тебе такую силу и умение, раскрой нам свою тайну!

Превратилась лиса в плешивого пастуха, и рассказал он им всю свою историю с того времени, когда пас он коров. Рассказал, как влюбился в дочь кедхуды, бросил свое занятие и отправился странствовать. Рассказал о встрече с дервишем и обо всем, что произошло после того, даже о своем колдовском искусстве, которому его научила дочь дервиша.

Оттуда плешивый пошел к себе домой. Теперь он уже был богат, так богат, что ударит рукой по земле, — посыплется жемчуга. К тому времени и дом был построен. Собрались все старики селения и устроили свадьбу такую пышную, что пиршество продолжалось несколько дней.

Так же, как исполнилось желание плешивого пастуха, да исполняются все чаяния страждущих.

Лоточник

Было ли так или не было, а жил в давние времена лоточник. Были у него жена да сын, которого звали Бахрамом. Сынишку еще не отняли от груди, как отец его скончался. Вдова не стала выходить замуж и отдала все свои силы на воспитание сына. И вот юноше исполнилось восемнадцать лет. К этому времени мать продала все, что было накоплено мужем, и у них ничего не оставалось, кроме кошелька с тремя сотнями дирхемов*. Эти деньги были отложены на черный день.

Проснулась мать как-то утром и разбудила Бахрама:

— Сынок! Вот уже шестнадцать лет, как твой отец приказал долго жить. Твоя мать осталась вдовой ради тебя. С помощью Аллаха, смилив свои желания, я не помышляла о новом замужестве и вот вырастила тебя. Теперь тебе пора начинать самостоятельную жизнь. Займись-ка ремеслом отца! Пойди на базар, купи что-нибудь и перепродай — так и заработаешь на жизнь.

Сказала она это, поднялась, взяла с полки кошелек, вытряхнула из него сотню дирхемов и вручила Бахраму со словами:

— Возьми, уповай на Аллаха и иди торговать.

Бахрам взял деньги и кошель и вышел из дому. Прошел он городской майдан, вышел на базар, осмотрелся по сторонам — что бы ему такое купить? И тут видит он: завязали мальчишки в мешок кошку и собираются утопить ее в реке. Кошка в мешке мяукала, и Бахраму стало жаль ее. Он подошел к ребятишкам и сказал:

— Зачем зря обижаете тварь? Развяжите мешок, пускай себе идет куда ей хочется!

— Если тебе жаль ее, — ответили они, — выкладывай сто дирхемов, и кошка будет твоей!

Бахрам отдал им сто дирхемов и выпустил кошку из мешка. А кошка, как только очутилась на свободе, поцеловала ногу юноши, потерлась о нее и сказала:

* Д и р х е м — серебряная монета весом около 3 г.

— Добро не будет забыто!

И пошла, оглядываясь на Бахрама.

Вечером, когда Бахрам вернулся домой с пустыми руками, мать спросила его:

— Ну, что ты делал? Что купил, что продал?

Бахрам рассказал обо всем, а мать в ответ только промолчала.

Утром она пришла к нему и так сказала:

— Сынок! Ты спас животное, это хорошо. Животные появились на свете раньше нас и облегчили нам жизнь. Мы обязаны помогать в беде тем из них, которые не вредят нам. Но ведь надо подумать и о собственной жизни. Я дам тебе и сегодня сто дирхемов. Иди, начинай торговать!

— Ладно, — ответил Бахрам, взял деньги и вышел из дому.

Не дошел он еще до городского майдана, как увидел: надели ребята ошейник на собаку, бьют ее и волокут, чтобы сбросить с городской стены. Бахрам пожалел собаку, подошел к мальчишкам и стал просить:

— Не обижайте ее! Ведь собака — преданное животное! Снимите ошейник, и пусть идет куда глаза глядят.

— Если тебе так ее жаль, — купи ее и освободи.

Бахрам заплатил сто дирхемов и освободил собаку. Собака повертелась вокруг Бахрама, повиляла хвостом и заговорила:

— О человек! Ты, верно, сын благородной матери, ты совершил добро — добро и пожнешь!

И пошла, оглядываясь на Бахрама.

Как и вчера, Бахрам вернулся домой пристыженный, с опущенной головой, с пустыми руками. Он выслушал от матери те же упреки, но на этот раз мать была построже.

И на третий день мать опять дала ему сто дирхемов и напутствовала:

— Сегодня надо, наконец, заняться куплей-продажей!

Взял Бахрам деньги и вышел из дому. До вечера бродил он по базару, а ничего не купил и не продал, устал и сел у стены, чтобы немножко отдохнуть. И вдруг видит он: несколько человек разводят огонь и собираются сжечь на нем какой-то ящичек. Подошел он к ним и спросил:

— А что в этом ящичке? Зачем вы хотите сжечь его?

— В нем красивое и изящное животное.

— Так не сжигайте его, пусть идет своей дорогой!

А те ему в ответ:

— Если тебе так жаль эту тварь, то отдай сто дирхемов, и ящик будет твой. Тогда делай, что хочешь.

Бахраму ничего не оставалось, как заплатить деньги. Хотел он было приоткрыть крышку ящичка, а люди говорят:

— Нельзя его здесь открывать! Отнеси за город.

Понес Бахрам ящичек за город, открыл его — и что же? Оттуда выползла змея. Он испугался и хотел бежать, но тут змея заговорила:

— Куда бежишь? Ты не сделал мне зла, а наоборот, спас от огня и смерти. Мы, змеи, никогда не кусаем и не жалим того, кто спас нас. Иди себе своей дорогой!

Тут Бахрам сел в сторонке и схватился за голову. Ведь он отдал последние сто дирхемов, чтоб освободить змею. Сидит он, удрученный, и не знает, что ж ему сказать матери?

Увидела змея юношу в такой печали, догадалась, что есть у него свое горе, и спросила:

— Почему ты такой невеселый и хмурый?

Рассказал ей Бахрам обо всем, а змея и говорит:

— Я тебя вознагражу. Мой отец — змеиный царь, а я — его единственный сын, и он меня любит больше жизни. Подожди здесь, я приведу его и расскажу, как ты меня спас. «Не будь тебя, — скажу, — я превратилась бы в золу и очаг твой погас бы». — Когда я кончу, отец спросит у тебя: «Чем отблагодарить тебя за твою доброту?» Ты попроси печать Сулеймана. Ни на что другое не соглашайся, только это проси.

И вот змея рассказала отцу обо всем, ничего не тая. Змеиный царь несказанно обрадовался, что его сын остался жив, и говорит Бахраму:

— Проси у меня за свое доброе дело чего пожелаешь!

Тут Бахрам и ответил:

— Если хочешь наградить меня — подари мне печать Сулеймана.

А печатью Сулеймана, скажу я вам, называют перстень Сулеймана, потому что на камне этого перстня написаны заклинания.

— Кто тебе рассказал о перстне Сулеймана? — спросил змеиный царь. — Он переходил после Сулеймана от отца к сыну и, наконец, достался мне. А переходит он из одних рук в другие с наказом не отдавать его неблагородному человеку, потому что, если узнает об этом злой див, он завладеет перстнем и перевернет весь мир. Перстнем должен владеть человек храбрый и с чистым сердцем.

— Может быть, я подойду, — говорит Бахрам.

Долго продолжалась их беседа, и в конце концов змеиный царь отдал Бахраму перстень, но предостерег его:

— Не вздумай проболтаться кому-нибудь о перстне! Носи его всегда с собой и храни так, чтобы никто о нем не узнал.

Бахрам взял перстень, попрощался со змеиным царем и пошел. Догнала его змея:

— Юноша! А ты спросил, что это за перстень?

— Нет, — говорит Бахрам.

— Так вот, надень его на средний палец, потри — и выскочит оттуда черный человек. Что ты ему ни прикажешь, — все достанет, будь то даже птичье молоко.

Обрадовался Бахрам и, так как был голоден, тут же стал пробовать. Надел перстень на средний палец, потер и попросил плова. Тотчас из перстня выскочил черный раб с блюдом плова. Наелся Бахрам досыта и отправился домой.

Мать очень беспокоилась, что сына долго нет, и, увидев его, засыпала вопросами:

— Почему ты так поздно пришел? Где пропадал до сих пор?

Бахрам в подробностях рассказал матери о своих приключениях и кончил словами:

— Отныне мы будем как сыр в масле кататься. Мать очень обрадовалась.

— Чем же ты теперь займешься?

— А вот сломаю эту хижину и построю большой дворец.

— Нет, сынок. Пусть хижина стоит на память —

ведь в ней мы жили с твоим отцом. А дворец можно построить рядом — я останусь здесь, а ты поселишься во дворце.

— Ну, так и быть, — отвечал Бахрам.

И вот для него был построен дворец и обставлен всем, что нужно. Потекла его жизнь в достатке. И сыт он был, и одет — только жены ему не хватало. И вот как-то проходил он мимо шахского дворца, увидел царскую дочь и подумал: «Лишь она достойна меня!»

Вернувшись домой, он послал мать сватать царевну. Та отправилась во дворец, и стража пропустила ее к управителю. Но женщина попросила допустить ее к падишаху. Впустили ее к падишаху, тот спросил:

— Чего ты хочешь?

— Я пришла сватать твою дочь за своего сына.

— А кто твой сын? — спросил шах.

— Мой сын — юноша достойный!

— Да разве я выдам дочь за первого встречного? — разгневался шах и хотел было казнить старуху, но потом подумал и послал за везиром.

— Что мне делать с ней? — спросил он везира.

— О падишах! — отвечал везир. — Брось на ее пути камень, которого она не сможет поднять. Назначь такой выкуп, который она не сможет уплатить, и тогда она сама откажется.

— Верно ты придумал, — ответил падишах и обратился к женщине: — У того, кто просит мою дочь, должно быть немало добра. Он должен отдать семь верблюдов, нагруженных золотом и серебром, за материнское молоко, семь алмазов — на диадему невесте, семь жбанов с царским золотом выкупа, семь кусков златотканой парчи с жемчугами для брачной комнаты.

— О падишах! — отвечала женщина. — Это же пустяки. Замени число семь хоть на семьдесят! Можешь даже и еще что-нибудь прибавить!

— Так неси выкуп и забирай дочь! — сказал ей шах.

Бахрам при помощи перстня приготовил все, что от него требовали. Невесту привели в дом жениха и семь дней и семь ночей праздновали свадьбу. Город украсили, зажгли факелы, и Бахрам стал зятем шаха.

А теперь оставим их и поговорим о сыне туранского* шаха. Он тоже был влюблен в эту принцессу и даже несколько раз посылал к ней сватов. Он любил ее, как безумный, и все знали об этом. Услышав, что девушку выдали за какого-то лоточника, шахзаде очень опечалился. А потом начал допытываться и доискиваться, что это за юноша и почему падишах выдал свою дочь за мелкого торговца. И выяснил, что юноша уплатил золотом и серебром огромный выкуп, назначенный падишахом.

«Надо узнать, как он раздобыл все это», — сказал себе шахзаде и решил во что бы то ни стало отнять принцессу.

И вот он послал в этот город старую колдунью. Он дал старухе много денег и напутствовал:

— Отправляйся, разузнай как следует, откуда у него такие сокровища. Если приведешь ко мне девушку, то заплачу тебе столько серебра, сколько ты сама весишь!

Колдунья отправилась в путь и прибыла в тот город. Она отыскала дом Бахрама, запомнила его, пришла туда через несколько дней и постучала. Слуги открыли дверь и спросили:

— Кого тебе нужно?

— Хозяина этого дома.

Ее провели к принцессе, и она начала:

— Я странствую по белу свету и вот прибыла в ваш город. Дозволь мне отдохнуть в твоём доме, а потом я снова двинусь в путь.

— Прекрасно, — отвечала принцесса, — оставайся сколько тебе захочется.

И вот колдунья лестью и хитростью опутала ее и постепенно стала ее наставницей, и принцесса делилась с нею всеми своими тайнами. Когда старуха вошла в полное доверие, она приступила к делу.

— Хотя твой отец и падишах, но уступает богатством твоему мужу, простому лоточнику. Ты не знаешь, откуда у него такие сокровища? — спросила она принцессу.

— Нет, — ответила она.

— Так надо узнать. Спроси его об этом — не то пожалеешь когда-нибудь.

* Туран — старое название страны, лежащей к востоку от реки Амударья, Туркестан.

Ночью в постели жена стала выпрашивать у Бахрама:

— Ты — сын лоточника, и только. Откуда же у тебя эти сокровища?

Рассердился муж:

— Тебе не положено это знать.

Но с этого времени жена стала хуже с ним обращаться, все меньше выказывала любви. В конце концов Бахраму ничего не оставалось, как рассказать ей о перстне.

— А сейчас,— добавил он,— перстень лежит на полке в нашей спальне.

Тут он строго наказал ей об этом никому не говорить.

А жена рассказала старухе. И вот однажды, когда все были заняты, колдунья вошла в спальню, взяла с полки перстень и отнесла сыну туранского шаха. Тот надел перстень на палец, потерял его и приказал:

— Принеси сюда дворец и принцессу.

Негр выполнил его приказание.

Увидел туранский шахзаде принцессу и возликовал. Он тут же хотел сыграть свадьбу, но принцесса не соглашалась. Она попросила отсрочку в сорок дней.

А теперь оставим их и поговорим о Бахраме.

В тот день, когда старая колдунья украла перстень и дворец с принцессой был перенесен в Туран, Бахрам верхом возвращался домой. Едет он и видит — нет ни дворца, ни принцессы. Пошел Бахрам в домик матери, стал расспрашивать ее. Понял он, что перстень похитили и что это дело рук туранского шахзаде. Огорчился Бахрам и испугался. Вышел он из города, сел у развалин какого-то дворца, голову повесил. Сидит, раздумывает.

И вот как раз в это время змея, собака и кошка пришли навестить его — они иногда приходили к нему. Поняли они, в какую беду попал Бахрам. Тут змея сказала собаке и кошке:

— Этот человек сделал нам много добра, спас от смерти. Я хорошо вознаградил его. Теперь ваша очередь. Отправляйтесь-ка в Туран и принесите перстень.

Собака и кошка двинулись в путь. За ними пошел и Бахрам. Через несколько дней они прибыли

в Туран и разыскали сад туранского шахзаде. Собака осталась в саду, а кошка вошла во дворец и нашла принцессу в покоях шахзаде. Та сказала кошке:

— Сын падишаха носит перстень за пазухой. Когда он ложится спать, перстень кладет в рот, чтобы никто не смог его похитить. До того, как пройдут сорок дней, нужно во что бы то ни стало похитить перстень.

Кошка передала это собаке, а та научила ее, как украсть перстень.

На следующую ночь собака и кошка пробрались во дворец. Собака спряталась в дальнем углу, а кошка, по ее совету, села в засаду на кухне. Вскоре поймала она мышь и говорит ей:

— Видишь, я могу откусить тебе голову, уничтожить тебя. Если ты хочешь жить -- должна оказать мне одну услугу. Пойди, опусти свой хвост в перец, а потом мы пойдем в спальню шахзаде, ты поднесешь свой хвост к его носу, и он чихнет.

Мышь, готовая ради спасения жизни на все, ответила:

— Ладно, все будет сделано.

Кошка пошла впереди, открыла дверь, а сама вышла. Собака и мышь вошли в комнату, видят — сын падишаха спит. Мышь осторожно взобралась к нему на грудь и поднесла свой хвост к его носу. Чихнул шахзаде, да так, что перстень выпал. Собака на лету подхватила его и побежала в сад, а мышь скрылась в свою норку. Кошка уже ждала в саду, и вместе с собакой они выбежали из городских ворот, выбежал вслед за ними и Бахрам. Тут собака и отдала ему перстень.

Бахрам был вне себя от радости. Он надел перстень на средний палец и приказал отнести на прежнее место дворец, себя с женой и друзьями.

А сын туранского падишаха не успел закрыть грот, как видит: ни перстня нет, ни принцессы. Тут он понял, что его одурачили, похитили перстень прямо изо рта.

Спросил Бахрам жену:

— Кто обманул тебя?

Рассказала она ему обо всем, а Бахрам говорит:

— Не нужно поддаваться лести всяких старух, не то и ты и я попадем в беду.

Огорчилась принцесса и пообещала:

— Больше этого не будет!

Бахрам запас все, что нужно было, на всю жизнь, а перстень бросил в глубокое море, чтобы им не мог завладеть подлый человек.

Тут и конец сказке о лоточнике и перстне Сулеймана. Ее рассказывают старики, а я рассказал вам, чтобы запомнили и передали другим.

Сказка о шахзаде Исмаиле и Араб-Занги

Жил в давние времена юный шахзаде Исмаил. Он был заядлым охотником и проводил большую часть временей на охоте. А был он храбр и бесстрашен.

И вот однажды увидел он во сне девушку, прекрасную, как полная луна, и сразу же влюбился в нее. Проснулся он утром и стал плакать. Утешала его мать, утешала, но тщетно. Не пьет, не ест шахзаде, только тоскует да горюет.

А был у него конь под кличкой Камар, прославившийся среди знати и черни. Встал Исмаил однажды утром, сел на коня Камара, поскакал в степь.

— Пока не найду свою возлюбленную, не вернусь, — сказал он.

Как ни просила, как ни плакала мать: «Сынок, куда же ты уходишь? Зачем обрекаешь меня на разлуку?» — ничего не помогло: покинул шахзаде родные края и отправился странствовать по белу свету.

Ехал он, ехал и остановился в горном ущелье. А на вершине одной горы стоял дворец, да такой, что ни во сне, ни наяву не увидишь. У подножья горы — родник.

Шахзаде сошел с коня, накормил его ячменем, напоил чистой водой и сел у воды.

А теперь послушай, что это был за дворец. Это была крепость Араб-Занги. А у Араб-Занги в подчинении было сорок храбрецов, и кто бы ни проезжал мимо крепости — одинокий ли путник или целый караван, — они нападали на него и грабили. И как раз в тот момент, когда шахзаде Исмаил остановился у подножья горы у родника, на башне стоял сам Араб-Занги, высматривал, не появится ли кто-нибудь на дороге. А надо вам сказать, что эти сорок храбре-

цов по очереди дежурили на башне, каждый по два часа.

И видит Араб-Занги: к роднику у подножья горы подъехал на крупном коне рослый юноша, остановился у родника и спешился. Араб-Занги вызвал трех храбрецов и сказал:

— Идите к роднику и разузнайте, кто этот юноша, чего он хочет. Спросите, как он смеет останавливаться и отдыхать здесь. Поднимите его с места и приволоките сюда.

Пошли они втроем к роднику, спросили Исмаила:

— Эй, юноша, кто ты, куда держишь путь? Как дерзнул ты ехать этой дорогой? Разве ты не знаешь, что здесь властвует Араб-Занги? Даже лев не смеет показываться в этих местах: кто является сюда, тот не уходит живым.

Шахзаде притворился глухонемым и объяснил жестами:

— Я не слышу, подойдите поближе и растолкуйте.

Те подъехали почти вплотную. Тогда шахзаде схватил двух из них, как котят, за шиворот, стукнул лбами друг о друга и раскроил им черепа. А третьему он отрезал ухо и положил на ладонь со словами:

— Пойди, сообщи обо всем своему господину.

У Араб-Занги от этого зрелища глаза на лоб полезли. Он сам сел на коня, надел латы и с тридцатью храбрецами поскакал к роднику. А шахзаде Исмаил сел на Камара, обнажил саблю и преградил им дорогу, как лев:

— Я один, а вас тридцать. Не геройство для тридцати выйти против одного. Выходите по одному!

Видит Араб-Занги — правду говорит шахзаде — и согласился. Десять воинов один за другим выходили на ристалище и всех убивал Исмаил. Тогда выступил сам Араб-Занги.

Сначала они обменялись ударами копий, затем стали бороться. Семь дней подряд они боролись. На восьмой день шахзаде Исмаил ударил Араб-Занги оземь и сел ему на грудь. Он собирался уже отрубить ему голову, но вдруг увидел — плачет враг. Шахзаде спросил:

— О юноша, зачем ты плачешь? Если хочешь что-нибудь завещать — скажи.

Араб-Занги отвечал:

— Не юноша я, а девушка! Вот уже двадцать лет

и разбойничаю здесь. Я сражалась и боролась со многими доблестными юными мужами. Всех я одолевала и дала клятву перед богом, что выйду замуж за того, кто сумеет бросить меня оземь. До сих пор я одолевала триста храбрых мужей. А ты хочешь убить меня, даже не узнав, кто я!

Она подняла рубашку и показала грудь, подобную прекрасным хрустальным шарам. Затем она сняла шлем, и тугие косы ее упали до пояса. Видит шахзаде — это и вправду девушка. Освободил он ее, поцеловал и стал упрекать:

— Почему же ты сразу все не сказала?

— Ну, что было, то прошло!

Взялись они за руки, поднялись во дворец, сели и стали есть, пить и веселиться. Они очень любили друг друга, вместе ходили на охоту, а вечером опять веселились.

Так прошло несколько лет. И вот как-то ночью шахзаде снова приснилась та самая пери, ради которой он покинул дом. Наутро он простился с Араб-Занги и сел на Камара. Сколько Араб-Занги ни упрашивала:

— Друг мой, куда ты уходишь, что случилось? Оставайся здесь! Чего бы ты ни пожелал — хоть птичьего молока — все раздобуду!

Шахзаде ей только отвечал:

— О Араб-Занги! Захочет бог — и мы снова встретимся с тобой. Я потерял кое-что и должен найти, а до этого я не смогу успокоиться.

Сел он на коня Камара, покинул дворец Араб-Занги и поскакал через пустыню. Несколько дней и ночей ехал он пустыней, где не было ни воды, ни травы. Наконец он подъехал к какому-то городу. На ночь шахзаде остался за городской стеной и разбил маленький походный шатер, который всегда возил с собой.

На другой день дочери падишаха этой страны захотелось поохотиться. И она с охотничьим снаряжением, свитой и слугами отправилась на охоту. Не успела она выехать из города, видит — у ворот стоит маленький походный шатер. «Это какой-нибудь путешественник», — решила она и подозвала к себе одного человека из свиты:

— Пойди и узнай, кто это.

Сама же стала наблюдать издали. Посланец подъехал к палатке и спросил:

— Кто ты? Куда держишь путь?

— Я путешественник, странствую по свету.

Вернулся посланец к царской дочери и доложил о том, что слышал. Она велела привести шахзаде, и тот предстал перед ней.

Слушай же теперь, что произошло дальше! По воле неба, одновременно с Исмаилом та красавица также видела сон. Ей приснился Исмаил, и она тоже влюбилась. Посмотрели шахзаде и принцесса друг на друга один раз и уж не могли глаз отвести — принцесса ведь и была та девушка! Они переговаривались взглядами, словно уже много лет были знакомы и давно влюблены.

Девушка не хотела, чтобы кто-нибудь догадался об этой тайне, и велела шахзаде спрятаться у ее старой няни. Попрощались они и расстались. Девушка поехала на охоту, а шахзаде отправился в свой шатер.

На закате девушка вернулась с охоты во дворец. А шахзаде вошел в город и стал разыскивать дом няни принцессы. Ему указали этот дом, он постучал в дверь и попросился переночевать. Сначала ему отказали, но он раскрыл кошель с деньгами. Нянька увидела золотые монеты и уступила:

— Прошу, дорогой!

Впустила она его, отвела в лучшую комнату в доме. В полночь шахзаде оделся, взял саблю и направился во дворец принцессы. Приблизился он к дворцу и видит — стоит стража из десяти человек с обнаженными мечами. Он выхватил саблю, уложил всех десятерых и вошел во дворец.

Девушка увидела Исмаила, обняла его, поцеловала, и сели они пировать. И вот во время пира она сказала шахзаде:

— Надо нам хорошенько все обдумать. Ведь как только отец узнает об этом, он велит изрубить нас в куски. Самое дурное, что ты убил стражников, — одна беда на другую.

Призадумалась девушка и сказала:

— Один только выход есть — отдаться на милость няни.

Тут же среди ночи послали за ней, привели и попросили помочь в беде.

— Положитесь целиком на меня, — ответила нянька, — и предавайтесь веселью.

Промолвила она так и вышла. А утром надела чадру и вошла к падишаху:

— Да буду я жертвой за тебя, благословенный шах! Этим десяти неблагоприятным стражникам у дворца принцессы отрубили головы. Никому не известно, кто это сделал, а отрубила-то я!

Шах удивился:

— Расскажи-ка, как это произошло!

— Так вот, стражники уже давно договорились между собой похитить принцессу. Я узнала об их гнусных намерениях, подружилась с ними и стала жаловаться им: «Я так настрадалась с ней, что прошу вас избавить меня от нее. Я сделаю все, что вы потребуете». Так я их успокоила, и мы договорились на вчерашнюю ночь. Напоила я их сверх всякой меры, и повалились они мертвецки пьяными. Потом я их оттащила в сторону и отрубила им головы.

Услышал падишах это, поблагодарил старуху и одарил ее как следует. После этого няня стала старшей в гареме и все время просиживала там, никуда не отлучаясь, — то-то была она довольна!

Каждую ночь после первой стражи она приводила шахзаде во дворец принцессы, а наутро уводила к себе. И вот как-то ночью шахзаде загрустил по родной стране и сказал девушке:

— Ведь у меня в родном краю есть дом и достаток, близкие и родные. Так до каких же пор мне тайком, ночью, с тысячью предосторожностей пробираться сюда из дома няни? Давай отправимся в мою страну.

Девушка одобрила его слова. Утром она вызвала главного конюшего и приказала оседлать будто для охоты двух самых резвых шахских коней. Конюший сделал все, как ему было велено. Принцесса же вошла в сокровищницу, забрала оттуда самое легкое по весу, но дорогое по цене. Потом шахзаде и принцесса сели на коней, покинули город и поскакали через пустыню.

Ехали они, ехали и наконец достигли горы, где был родник. Остановились они и условились отдыхать и нести стражу поочередно. Так они и поступили. И вот, когда спал шахзаде, положив голову на колени принцессы, взглянула она — о Аллах! Что это

такое? Всюду, насколько видит глаз, по пустыне в погоне за ними скачут всадники.

Слушай же дальше. В то утро, когда убежали шахзаде и принцесса, шаху доложили, что шахзаде Исмаил провел в городе несколько дней и увез принцессу. Шах приказал послать погоню из десяти тысяч воинов с десятью военачальниками во главе каждой тысячи.

Увидела девушка погоню, заплакала, и горючие слезы стали капать на лицо шахзаде. Исмаил проснулся и увидел, что девушка плачет. Спрашивает он ее о причине слез, а она только рукой машет в сторону пустыни. Оглянулся Исмаил, увидел всадников и говорит:

— Не горюй, с нами Аллах!

Потом выхватил саблю, вложил ноги в стремя и бросился на всадников. Он разгромил их и погнал назад — до самых городских ворот. Потом вернулся к принцессе, и они вдвоем поехали ко дворцу Араб-Занги, а та, узнав о прибытии шахзаде Исмаила и принцессы, выехала навстречу и встретила их со всей торжественностью. Все они прибыли во дворец Араб-Занги и провели там целый год, пируя и веселясь.

А шахзаде снова загрустил по родной стране и обратился к Араб-Занги и Биби-Пери (так звали принцессу):

— Уже долгие годы я не был в родной стране, поедем к нам!

И та и другая согласились. Покинули они втроем дворец Араб-Занги и направились в страну Исмаила.

Когда подъехали они к городу, падишаху сообщили:

— Шахзаде Исмаил едет вместе с Араб-Занги и Биби-Пери.

Шах приказал встретить их достойно, и их торжественно, с почетом ввели в город.

Прошло немного времени, и падишах влюбился в Араб-Занги, да будто не одним, а ста сердцами. Поведал он об этой тайне везиру, а везир тот был человек подлый и к тому же ненавидел шахзаде. Сказал он шаху:

— Пока жив шахзаде Исмаил, Араб-Занги для тебя недоступна. Сначала надо расправиться с шахзаде, а затем уже подумать о своих желаниях.

И решил шах погубить сына. Как-то раз он приказал приготовить особое кушанье для себя и шахзаде, а в тарелку сына велел насыпать яду. Но Араб-Занги была женщиной очень догадливой и прозорливой. Она всей душой любила шахзаде, и они во всем советовались друг с другом. И вот Араб-Занги говорит ему:

— Пойдешь сегодня вечером в гости к отцу — будь осторожен. Если тебе положат кушанья, которого еще никто не попробовал — не ешь!

Вечером по распоряжению шаха принесли два блюда какого-то особого кушанья. А шахзаде есть не стал, дал сначала кусочек кошке отведать. Она тут же распухла, упала и околела. Встал шахзаде и сказал в гневе:

— Это что — гостеприимство?

Покинул он вместе с Биби-Пери и Араб-Занги дворец, и поселились они в крепости, что была в двух фарсангах от города. А везир не переставал нашептывать шаху всякие подозрения и сомнения:

— Шахзаде поселился в этой крепости и поднял против тебя восстание! Надо послать палача, чтобы тот выколол шахзаде глаза и вложил их ему в руку. А потом пусть отравляется куда ему заблагорассудится!

Легковерный шах так и поступил: отправил главного палача, и тот выколол Исмаилу глаза и вложил их ему в руку. Так и побрел несчастный шахзаде по пустыне, не зная сам, куда идет. Шел он, шел и остановился у родника, заснул, потом проснулся и опять уснул. Лежит он так, не спит, не бодрствует и вдруг слышит разговор двух голубок. Одна другой говорит:

— Сестрица, знаешь ты этого юношу? Это шахзаде Исмаил. Отец его, влюбившись в Араб-Занги, поддался лживым наговорам коварного везира и велел выколоть глаза сыну. И вот он держит глаза свои в руках! А теперь, если он спит, то пусть проснется, а если бодрствует, пусть будет помышленнее. Упадут сейчас с дерева два лепестка. Если искрошить их, натереть ими глаза, а затем вложить их на место, — прозреет шахзаде.

Они не кончили еще ворковать, как раздался шелест падающих листьев. Шахзаде тут же поднял их и сделал так, как советовала голубка. И сразу же он

прозрел. Только поспешил он и вложил правый глаз на место левого, левый — на место правого, и оказались глаза косыми. Но Исмаил был рад и этому!

Несколько дней шахзаде не прикасался к пище, так голодным и двинулся в путь. Шел он, шел и дошел до какой-то мельницы и обратился к хозяину:

— Отец, не примешь ли гостя?

— Гость глаза дороже! — отвечает мельник.

— Отец, — говорит тогда шахзаде, — я уже несколько дней ничего не ел и вот-вот умру от голода!

Мельник слыл человеком бывалым и знал, что человеку, не евшему несколько дней, нельзя сразу давать много еды — иначе он заболит. Первый день он дал ему немного пищи, на другой — чуть больше. И только через три-четыре дня, когда шахзаде оправился, он накормил его как следует.

Однажды шахзаде спросил у мельника:

— Отец, у тебя есть сын?

— Нету.

— Хочешь усыновить меня?

— Конечно, я усыновлю!

А шахзаде при этом говорит:

— Но с одним условием: будешь кормить меня досыта.

— Сколько же тебе надо? — спрашивает мельник.

— В день барашка, ман пшеницы, два мана лепешек из пшеничной муки.

У мельника не было детей, и он согласился. Зажили они на диво! Только однажды видит шахзаде: сидит мельник и плачет.

— Отец, о чем ты плачешь? — спросил он.

— Как же мне не плакать? У падишаха был сын по имени Исмаил, а у того — две жены, прекрасных, как луна. Одну звали Араб-Занги, другую — Биби-Пери. Шах влюбился в Араб-Занги и хотел взять ее себе. Но сын стоял на его пути. Тогда он велел ослепить его и прогнать из столицы. А Араб-Занги, узнав об этом, восстала и собрала войско. Вот уже сколько времени вместе с Биби-Пери ведут они войну против шаха! Все юноши убиты, и вот вышел указ о новом наборе в войско: тот, у кого нет сына, должен сам выступить на войну. И вот явились сегодня стражи, схватили меня за шиворот и требуют — пошли, мол, сына на войну, а нет, так сам иди!

Обрадовался шахзаде этим вестям, в особенности же верности Араб-Занги, и говорит:

— Отец, что пользы лить слезы! Пойди лучше раздобудь коня да меч и не тужи ни о чем.

Пошел мельник, нашел клячу и ржавую саблю и принес ее шахзаде. Сел тот на коня и поехал на поле брани.

И что ж он видит? Араб-Занги сражается, как львица! Она смешала правый и левый фланги, центр и тыл вражеского войска. Из сраженных ею образовались целые курганы. Посмотрела она в пылу битвы на другой край и вдруг видит — едет верхом юноша, похожий на шахзаде Исмаила. Не поверила Араб-Занги своим глазам, посмотрела еще раз попристальнее — и верно, едет ее возлюбленный, только глаза у него косые.

Шахзаде же в это время стал петь газели*, чтобы Араб-Занги совсем убедилась, что это он.

Наконец они встретились и условились, что завяжут притворный бой друг с другом, а потом разойдутся. Затем Араб-Занги расправится с шахом, а шахзаде — с везиром.

Так и поступили. Араб-Занги вместе с частью воинов поскакала во дворец. Там они убили шаха. А шахзаде отправился к дому везира и наказал его по заслугам. Затем они вышли к народу и велели украсить город. Потом сорок дней и ночей шахзаде праздновал свадьбу с Араб-Занги. А после этого сорок дней и ночей справляли его свадьбу и с Биби-Пери. А как только шахзаде воссел на престол, вызвал он мельника и сделал его везиром правой руки. Затем Исмаил веселился и пировал, творил правый суд и царствовал справедливо.

Да исполнит Аллах желания всех страждущих!

Джастик из горошинки

Б ыло так или нет — жили-были муж с женой, бездетные. Что они ни делали — так и не было у них ребеночка. В один прекрасный день приходит к ним какой-то дервиш и говорит:

* Газель — лирическое стихотворение-песня.

— Возьмите ман гороха, насыпьте в котел, поставьте котел в танур — через несколько дней каждая горошина превратится в ребеночка.

Жена взяла ман крупного гороха, насыпала в котел, поставила в танур. Прошло два-три дня, взглянула она в котел и видит: все горошины уже сами перекатываются. Вынула котел, поставила посреди комнаты, а горошины вдруг высыпались оттуда.

Жена обрадовалась, а муж испугался и говорит:

— Что я буду делать со всеми этими детьми? Послезавтра одному понадобятся туфли, другому — шапка, третьей — косынка, четвертому — рубашка! Где я все раздобуду, чтобы их кормить и одевать?

Взял метлу да и вымел весь горох вон из дома. Все горошины покатались в разные стороны, и только одна осталась лежать около танура. Жена как увидела, что весь горох выметен вон, закричала:

— Не мог ты хоть горошину оставить?

Муж отвечает:

— Верно, а я и не подумал.

Тут горошина, лежавшая около танура, услышала это и сказала:

— Батюшка! Я здесь!

Подошли они, подобрали ее. Горошина раскололась, и из нее выскочил малюсенький ребеночек. Отец и мать назвали его Джастик.

Однажды Джастик заметил, что мать его призадумалась. Спрашивает:

— О чем ты думаешь?

Мать отвечает:

— Погонщик ослов не пришел сегодня, обед твоего отца остался здесь.

Джастик говорит:

— Давай я ему отвезу.

Удивилась мать:

— Да разве ты сможешь?

— Очень даже смогу, — отвечает Джастик.

И он настаивал, пока мать не положила отцовский обед в переметную суму, не надела суму на осла и не посадила Джастика ослу на шею. Осел пошел тропкой, которой ходил каждый день. Когда замедлял он шаг, Джастик кусал его за ухо, и осел

шел быстрее, пока не пришел на поле, к отцу Джастика. Отец пахал. Джастик закричал:

— Батюшка! Я тебе обед привез! Иди сюда, сними меня с осла.

Подошел отец, снял его с осла и принялся за обед. А Джастик пошел к пашне и говорит:

— Батюшка, обед я тебе привез, а теперь давай за тебя пахать буду.

Отец говорит:

— Да разве ты можешь?

— Очень даже могу, — отвечает Джастик.

Только начал Джастик пахать, нога быка сразу провалилась в землю. Спустился он посмотреть, в чем дело и увидел: нога быка попала в зарытый кувшин. Быстро разрыл он вокруг землю и видит, что кувшин полон ашрафи.

Закричал он:

— Батюшка, иди сюда, я клад нашел!

Отец подошел, видит — верно. Говорит:

— Кувшин-то полон ашрафи.

Откопал его и отнес домой.

А Джастик спрашивает:

— Батюшка, разве это золото не принадлежит падишаху? Живо давай его сюда, я отнесу.

Отец отвечает:

— Зачем ему? Это все наше, падишах в золоте не нуждается.

Не согласился Джастик, поднял крик. Мать поняла, что он их осрамит, и говорит:

— Сейчас уже вечер, а утром я тебе все отдам, ты и отнесешь.

Утро еще не наступило, а уж Джастик открыл глаза и сказал:

— Матушка, живо неси золото.

Делать нечего, мать пошла, взяла кошель, набрала железок, медных денег, битого стекла и насыпала туда. Потом говорит Джастик:

— Ну вот, бери, неси падишаху.

Тот подумал, что это золото, взял кошель и сказал:

— Матушка, дай мне еще хлебец и кислого молока, чтобы мне поесть, если проголодаюсь.

— Ладно, — отвечает мать.

Дала ему хлебец и кислого молока. Джастик пустился в путь и шел, пока не разыскал дворец пади-

шаха. Увидел он великолепное здание, толпы телохранителей и рабов и подумал: «Я-то воображал — падишах такой же, как мы, а оказалось совсем не так. Дам ему половину золота, не больше».

Развязал кошель, чтобы поделить золото, и видит: матушка-то провела его, в этом кошелье золота как раз и нет. Закричал он:

— Эй, падишах! Эй, падишах!

Несколько рабов выбежали и спрашивают:

— Что кричишь?

Отвечает:

— Разве вы все, пять вас тут или шесть, падишахи?

— Нет, — говорят, — мы и все, кого ты здесь видишь, его рабы и слуги. А падишах восседает на золотом троне.

— Хочу я его видеть, — говорит Джастик.

Пошли те к падишаху и сказали ему:

— Тут пришел малюсенький человечек, хочет вас видеть.

Падишах согласился:

— Пусть войдет.

Джастик вошел к падишаху, видит: сидит падишах на золотом троне, у пояса — сабля в дорогой оправе, на голове — усыпанная жемчугами корона, на груди — не меньше трех манов драгоценных камней нашито, по правую и левую руку от него стоят ряды рабов с серебряными булавами. Шах его спрашивает:

— Ну-ка, говори, пострел, какое у тебя ко мне дело?

Джастик растерялся, не знал, что сказать, и ответил:

— Матушка мне дала с собой хлебец и кислого молока, вот я принес, давай вместе покушаем.

Как сказал он это, телохранители стали дивиться:

— Разве шах ест хлеб и кислое молоко?

— Так что же он ест? — спрашивает Джастик.

Говорят:

— Плов с курицей, мясо, жареную курицу — вот что-нибудь такое.

А шах между тем разгневался, велел бросить Джастика в тюрьму. Сидит бедный Джастик в тюрьме и шепчет:

— Хорошо бы пойти к падишаху, поговорить с ним. Сейчас пойду к падишаху, поговорю.

Тюремщик пришел к падишаху и сказал ему, что Джастик такие слова бормочет. Падишах велел: — Приведите его.

И Джастика снова привели к падишаху. Сказал падишах:

— О чем это ты хотел со мной поговорить?

Джастик прямо на ухо ему зашептал:

— Ты меня в тюрьму бросил, смотри, другой раз так не делай!

Падишах рассердился и говорит:

— Прогоните этого невежу!

Джастик пришел домой и обо всем от начала до конца рассказал отцу с матерью. На следующий день Джастик обратился к матери:

— Матушка, давай я отнесу отцу обед в поле.

Взял и отнес. Когда отец принялся за обед, Джастик, как прошлый раз, стал пахать. Но на этот раз бык сразу испачкал ему лицо землей. Он побежал к отцу и спрашивает:

— Батюшка! Где тут вода, лицо помыть?

Отец показал ему вдали родник и сказал:

— Иди туда, помой лицо, но смотри, головы не поднимай.

Это он потому так сказал, что там была яблоня, и если бы Джастик ее увидел, он влез бы на нее, сорвал яблоко и попался бы владельцу яблони. Джастик пошел мыть лицо к роднику, а там яблоки и яблоня отражались в воде. Как он это увидел, поднял голову и полез на дерево. Сорвал яблоко, хотел его съесть, но тут подбежал владелец яблони, который оказался косматым дивом. Как увидел он Джастика, так закричал:

— Ты чего на чужое дерево залез? Давай сюда яблоко!

Джастик спустился с дерева, чтобы своими руками отдать яблоко. Див схватил его, положил в карман, принес домой, отдал своей матери и говорит ей:

— Зажарь его на вертеле! Когда приду, я его съем.

Мать дива развела огонь в тануре, дала Джастика две золотые игральные кости и сказала:

— Играй с ними, но смотри, не бросай их в танур!

А кости эти были не простые. Всякий, кто брал

их в руки и играл ими, с каждой минутой рос, пока не становился ростом и обличьем, как див. Джастик, как взял кости, так сразу нарочно бросил их в танур. Потом пошел к матери дива и говорит:

— Я не знаю, как это получилось, но кости выскользнули у меня из рук и упали в танур.

Мать дива растерялась, побежала вынимать кости из танура, а Джастик поддал ей сзади, и она туда упала. Джастик быстро задвинул заслонку танура и влез на столб, который там был. Тут как раз вошел див. Почуял: пахнет жареным. Отодвинул он заслонку танура, поел немного и говорит:

— Хе-хе! Вкусно! Я так и думал, что из этого постреленка получится хорошее жаркое!

Джастик на столбе рассмеялся и кричит:

— Ты ел сейчас жаркое не из постреленка, а из своей матери!

Ошалел див и спрашивает:

— Как ты туда забрался?

Тот отвечает:

— У меня крылья выросли.

Див опять спрашивает:

— Как же это они у тебя выросли?

— Да я натер тело нефтью, а потом подошел к огню — они и выросли.

Поверил див, пошел, намазал все тело нефтью, сунулся в устье танура и, конечно, сразу весь вспыхнул. Закричал:

— Ой, я горю!

А Джастик говорит:

— Ну и гори!

Короче говоря, див сгорел, Джастик спустился со столба, собрал деньги и драгоценные камни дива и отнес батюшке с матушкой — обрадовал их тем, что у них сын проворный, хоть и ростом меньше поларшина.

Корова с белой метинкой на лбу

У одного человека был сын, Гургин по имени, и очень он этого сына любил. Мальчик еще не умел отличать левую руку от правой, когда его мать умерла. Прошел год после смерти матери, и отец Гургина взял другую жену. Через девять месяцев эта

женщина родила мальчика, и у Гургина появился сводный брат. .

С того дня, когда этот мальчик родился, и особенно когда он подрос, и эта женщина прочно обосновалась, как говорится, пустила корни в доме, она начала преследовать и мучить Гургина. Больше всего ее злило то, что насколько Гургин был рослым, красивым, белым и розовым, настолько ее сын был низеньким, безобразным, желтым и слабым. В конце концов Гургин стал у нее в доме мальчиком на побегушках. Всю работу по дому она взвалила на него. Кормила его черствым, заплесневелым хлебом, одевала в лохмотья. А отец Гургина все не решался сказать жене: «Ах ты нечестивая! Это мой сын, не смей его мучить!»

Эта женщина дошла до того, что заставила несчастного Гургина, как пастуха, каждое утро выгонять на пастбище стадо коров и овец и вечером пригонять их обратно. В дом она его не пускала, спал он в стойле и смотрел за коровами, овцами и ослами. А своему сыну она говорила, что ниже его достоинства разговаривать с Гургином, и не велела ему ни в чем уступать. Гургин все это видел и слышал и удивлялся малодушию своего отца.

Однажды в поле, около полудня, Гургин проголодался, сунул руку в суму, хотел взять хлеба и поест и увидел: хлеб так зачерствел, что превратился в камень. Сколько он ни держал его во рту, как ни пытался разжевать, хлеб не становился мягче. Вынул он кусок хлеба изо рта, бросил на землю, сел и задумался.

А в стаде была корова с белой метинкой на лбу, которая очень любила Гургина. Когда эта корова увидела, что Гургин призадумался, она замычала, подошла к нему и сказала человеческим голосом:

— Эй, Гургин! О чем ты думаешь?

Он ответил:

— О своей злой доле!

Она опять спросила:

— А в чем дело?

И Гургин рассказал корове с белой метинкой на лбу все от начала до конца. Выслушала корова и говорит:

— Не огорчайся! На свете так плохо не бывает. А сейчас встань, вымой хорошенько мои рога, при-

ложи губы к моему правому рогу и попей оттуда, сколько душа пожелает, меда, а из левого рога — масла.

Гургин сказал: «Хорошо», — и так и сделал. Населся из рогов коровы такого меда и такого масла, какого никогда и не пробовал. Когда он насытился, корова сказала:

— Как проголодаешься, так же делай, но только, чтобы об этом никто не знал. Если узнают, мы с тобой пропадем.

И пошла у Гургина хорошая жизнь. Каждый день, как проголодается, прикладывает он губы то к правому, то к левому рогу коровы и пьет мед и масло. От такой еды стал он розовый и белый, кровь с молоком. Мачеха удивляется, почему Гургин спит в стойле, пасет стадо, ест черствый хлеб, а лицо у него — как яблоко, а ее сын не работает, ест все жирное и сладкое, а лицо у него — как гнилой лимон. От этих мыслей и огорчений у нее чуть чахотка не сделалась. В конце концов стала она подозревать: на пастбище что-то неладно. Кто-то там помогает Гургину, подкармливает его. Чтобы разузнать, в чем дело, говорит она однажды сыну:

— Отправляйся сегодня вместе с Гургином на пастбище и гляди в оба, что он там делает и что ест в полдень.

Приготовила много еды, завернула и дала сыну. Пришли они оба на пастбище. Наступил полдень и мальчишка говорит Гургину:

— Обедать будешь?

Отвечает:

— Нет, мне не хочется, а ты, если хочешь, ешь и на меня не обращай внимания.

Мальчишка съел свой обед, собрал посуду и стал высматривать, что будет есть Гургин. Прошло около часа, и он увидел, как Гургин пошел в середину стада, выбрал одну корову, вымыл ей рога и стал рога сосать. Когда они вечером вернулись домой, мальчишка обо всем рассказал матери. Мать сказала:

— Раз так, ты завтра опять пойдешь с ним, если увидишь, что он не обедает, ты тоже не обедай; что он ни сделает, ты делай то же самое и обязательно пососи рога той коровы.

Мальчишка согласился. На следующий день отправились они с Гургином в путь, пришли на паст-

бище, и, когда наступил полдень, мальчишка говорит:

— Обедать будешь?

Гургин отвечает:

— Не буду, ты ешь и не обращай на меня внимания.

Но тот не стал есть и ждал, пока не увидел, что Гургин, как вчера, пошел, вымыл корове рога и стал их сосать. Через некоторое время Гургин наелся вдоволь и пошел к ручью попить, а мальчишка между тем подошел к корове, чтобы тоже пососать из рога, но корова его крепко лягнула, и он полетел на землю. Он сейчас же вскочил и не подал вида, что обо всем догадался, пока не пришел вечером домой и не рассказал обо всем матери. Мать поняла, что все идет от коровы, и стала следить за коровой и Гургином.

Однажды ночью Гургин проголодался и пошел в стойло к корове пососать меда, а мачеха отправилась за ним. Как только он приложил губы к рогу коровы, мачеха схватила его за руку и закричала:

— Ты что делаешь?

Отвечает:

— Ничего особенного, мою корове голову.

Мачеха тут говорит:

— Хорошо! Ты любишь эту корову? Так я ж тебе покажу!

Сказала это, пошла в свою комнату, легла на постель и притворилась больной. Послала тут же врачу письмо и написала ему: «Когда ко мне приведут, ты скажи, что единственное средство от моей болезни — мясо коровы с белой метинкой на лбу».

Под вечер отцу Гургина на городском базаре говорят:

— Что ты тут сидишь? Твоей жене совсем плохо, она стонет так, что на небе слышно!

Тот перепугался и тут же послал за врачом. Врач пришел и сказал:

— Она тяжело больна. Нужно зажарить сердце и печень коровы с белой метинкой на лбу и дать ей съесть.

Отец Гургина говорит:

— Ладно, завтра утром зарежем корову с белой

метинкой на лбу, мясо сами будем есть, а сердце и печенку дадим ей.

Гургин, когда это услышал, так огорчился, будто все горе мира стало камнем и легло ему на сердце. Через час немного пришел в себя, встал и отправился в коровник, чтобы проститься с коровой до встречи в день воскресения из мертвых и последний раз пососать меда и масла. Но только он вошел в стойло, не выдержал и стал лить слезы обильно, как весенняя туча. Корова говорит:

— Почему ты плачешь?

Отвечает:

— Как же мне не плакать, когда тебя завтра убьют, а я без тебя жить не могу.

Корова спрашивает:

— Почему же меня хотят убить?

Тут он ей все рассказал, а она говорит:

— Не плачь, меня не могут убить! Я тебя только вот о чем попрошу: когда тебе велят принести веревку, чтобы связать мне ноги, ты принеси гнилую веревку, а в том месте на огороде, где меня хотят резать, насыпь кучку золы. Когда увидишь, что я встала с земли, вскакивай мне на загривок и хватай меня за рога. До остального тебе дела нет.

Гургин согласился. Утром все проснулись, и отец Гургина говорит ему:

— Принеси веревку!

Тот пошел и принес из коровника гнилую веревку. Не забыл и золы насыпать на огороде. Потом отец сказал Гургину:

— Пока я буду точить нож, вы с братом мне помогите, свяжите корове ноги.

Гургин с братом связали корове ноги и повалили ее на землю около кучи золы. Отец Гургина наточил нож и подошел к корове. Как только он поднял руку, чтобы вонзить ей нож в горло, корова рванулась, разорвала гнилую веревку, ударила всеми четырьмя ногами в кучу золы и запорошила ею глаза всем стоящим вокруг. Гургин тут же вскочил корове на спину, она вылетела из ворот и понеслась как ветер в поле, к тростниковым зарослям. Там она опустила Гургина на землю и говорит:

— Сорви тростинку и сделай из нее флейту с семью отверстиями. Я тебя оставляю на опушке этого леса, а сама уйду. Как с тобой что-нибудь случится

или ты проголодаешься, поиграй на флейте, и я тут же приду и все для тебя сделаю.

Она ушла, а Гургин остался там. Раз в день он играл на флейте, корова приходила, поила его медом и маслом и уходила.

Но послушайте, что это был за лес. Лес принадлежал падишаху той страны, а падишах подарил его своей дочери, чтобы она, как ей надоест гулять в саду, приходила туда. Прошло два-три дня после появления там Гургина, и дочь падишаха, которую звали Роушанак, пришла в тот лес погулять со своими сверстницами. Гургин, как увидел их издали, сразу залез на дерево. Девушки собрались около этого дерева, танцевали, бегали вокруг, играли в кошки-мышки, и не знаю уж, как случилось, но Роушанак вдруг заметила на дереве Гургина.

Видит: ну и юноша! Ну и молодец! Ну и богатырь! Такого красавца она еще не видывала! Она побледнела, ноги у нее подкосились, она потеряла сознание и упала. Девушки подумали: «С ней что-то случилось», стали ее трясти и растирать. Как она очнулась, повели ее домой во дворец. Но Роушанак все время думала о Гургине и была как зачарованная.

Роушанак была настолько прекрасна, что слухи о ее красоте распространялись по многим городам. Сыновья падишахов со всех сторон приезжали просить ее руки, привозили подарки, но она всем отказывала, и отец ей говорил:

— Почему ты так поступаешь, дочь моя? В один прекрасный день ты все равно должна будешь стать чьей-нибудь женой, и чем скорее пойдешь в дом мужа, тем лучше!

Роушанак отвечала:

— Мне ни один из них не нравится, я к тому пойду, кто похитит сперва мое сердце!

В тот день, когда она увидела Гургина, она сказала отцу:

— Отец! Мне снилось, что кто-то мне говорит: «Твой будущий муж — в твоём собственном лесу, на дереве». Только его руки я прошу у тебя.

Отец сказал:

— Кто посмеет войти в этот лес?

Она ответила:

— Я не зря этот сон видела!

На следующий день после разговора с Роушанак падишах послал в лес десять своих телохранителей. Они отправились туда. Когда Гургин их увидел, он влез на дерево. Они подошли к этому дереву и говорят:

— Эй, юноша! Живо слезай! Тебя требует к себе падишах.

Гургин отвечает:

— Я не слезу.

Телохранители рассердились:

— Ах ты не слезешь? Так мы тебя сейчас оттуда стащим!

Только они собрались лезть на дерево, как Гургин заиграл на флейте, и появилась корова с белой метинкой на лбу. Двух или трех боднула рогами, и они разбежались, пошли к падишаху и все ему рассказали. Падишах говорит:

— Пойдите захватите его врасплох!

И телохранители однажды ночью, когда Гургин спал под деревом, напали на него, выхватили у него из кармана флейту и притащили его к падишаху. А падишаху Гургин очень понравился, он благословил свою дочь и велел готовить свадьбу. Но Гургин ему сказал:

— Я возьму твою дочь в жены только при том условии, если мне отдадут мою флейту.

Падишах велел принести флейту, и Гургин заиграл на ней. Появилась корова с белой метинкой на лбу. Гургин все ей рассказал и прибавил:

— Я хочу, чтобы на моей свадьбе был также и мой отец.

Корова пошла и привела отца. Когда он пришел, начали праздновать свадьбу. Семь суток весь город был разукрашен. Жениха и невесту посадили на слона и возили по городу. Падишах усыновил Гургина, и, так как он не имел сыновей, Гургин стал его наследником.

С неба на землю упало четыре ароматных яблока: одно для Гургина, одно для Роушанак, одно, чтобы эта сказка дошла до нас, и одно, чтобы эта сказка распространилась по всему свету.

Ходжа Бу-Али

Было ли это так или не было, в давние времена жил в Хорасане* один человек и звали его Абдаллах из Балха. У этого человека был сын по имени Бу-Али, которого считали большим лодырем и бездельником. Днем и ночью он шатался по улицам, обителям дервишей и расспрашивал всех, кого видел, о том о сем, но все это не приносило ему ни копейки дохода, и люди не ставили его ни в грош. Сколько ни уговаривали Бу-Али его родные и близкие, друзья и приятели заняться каким-нибудь ремеслом, научиться зарабатывать себе на хлеб насущный, ничего не помогало.

Однажды Бу-Али пришел к отцу и сказал ему:

— Отец, я больше не могу оставаться в этом городе. Я хочу отправиться в путешествие, посмотреть новые города и узнать, что там есть такого, чего нет в нашем краю.

— То, что ты знаешь, — отвечал отец, — достаточно для тебя. Только Аллаху суждено знать все, и никто не может знать столько, сколько он.

— Да, правда твоя, — говорит Бу-Али, — и я не сомневаюсь, что никто не достигнет такого совершенства в знаниях, как сам господь бог. Но человек может превзойти всех других тварей в мудрости и учености...

Много ли, мало ли прошло после того разговора, только как-то Бу-Али пришел опять к отцу и сказал ему:

— Сегодня ночью я видел сон: будто сижу я верхом на облаке и мчусь по небу. Наконец достиг я молочного моря, прилег на его берегу, напился молока вдоволь и сразу так потолстел, что тесно мне стало в мире.

— Ты ездил во сне верхом на облаке, — рассудил отец, — значит, тебе предстоит путешествие, молочное море — это знание, ты пил молоко из этого моря и стал толстым — значит, ты станешь большим ученым, и слава о тебе разнесется по всей земле. Давай-ка поедем с тобой в другой город, там я поручу тебя какому-нибудь ученому, и он научит тебя всему, что сам знает.

*Х о р а с а н — северно-восточная часть Ирана.

Взял он Бу-Али за руку и вышел из города. Прошли они два-три фарсанга по сухой и знойной пустыне, очень устали и тут издали увидели родник, вокруг которого росли огромные старые деревья. Подошли они к этому роднику, напились воды, умылись и легли отдохнуть под деревьями. Лежит отец Бу-Али на земле да кричит: «Ох!»

Вдруг из дупла одного дерева вылез какой-то безбородый человек и говорит:

— Что тебе надо от меня, зачем ты меня зовешь?

— Я никого не зову, — отвечает Абдаллах. — Устал я, умылся, прилег сюда отдохнуть, да и сказал: «Ох!»

— А я подумал, что ты меня зовешь! — говорит безбородый. — Скажи-ка, кто вы такие, чего вы ищете, что вас привело сюда?

Старик из Балха ответил:

— Этот мальчик — мой сын. Он не желает заниматься никаким ремеслом, хочет только знать все, что есть в мире, совать свой нос в каждую дыру, выискивать что-нибудь новое, запоминать виденное.

Безбородый внимательно оглядел Бу-Али, видит, мальчик может ему пригодиться.

— Если это так, как ты говоришь, пусть мальчик останется у меня, — говорит он отцу, — я его научу всему тому, что сам знаю.

Абдаллах согласился, оставил Бу-Али под деревом и воротился в город.

А безбородый взял Бу-Али за руку и втащил его через дупло внутрь дерева. Там он провел мальчика через какие-то двери в огромный сад, а в саду стояло много домов. Безбородый провел юношу в одну из комнат и сказал ему:

— Вот твоя комната, ты будешь жить здесь; в другие комнаты дома ты не должен ходить. Я знаток «кимия» и «симия» и буду учить тебя этим наукам. Если ты окажешься усердным и хорошо запомнишь все, что я буду тебе рассказывать и, как говорится, сумешь из воды выйти сухим, я оставлю тебя здесь у себя, а если нет — прогоню тебя так, что и духа твоего здесь не останется.

Выслушал это Бу-Али и очень обрадовался. «Это место, — подумал он про себя, — и есть то море, что снилось мне!»

Остался Бу-Али там и начал прилежно учиться.

Прошло несколько дней. Однажды безбородый отправился в пустыню, а Бу-Али один-одинешенек сидел в своей комнате. Вдруг открылась дверь и вошла девушка, до того красивая и прелестная, что, казалось, она говорит луне: «Незачем тебе всходить — ведь я уже здесь!» Идет она, величаво да плавно, а Бу-Али от удивления рот раскрыл, сидит, будто к месту пригвожденный. «Что это за девушка, — думает он, — как она здесь появилась?»

Наконец пришел он в себя и спрашивает:

— Девушка, кто ты такая и что ты здесь делаешь?

— Я — дочь безбородого! — отвечает девушка. — С первого же дня, как только ты пришел сюда, к моему отцу, я влюбилась в тебя! Запала мне в сердце любовь к тебе, и я очень беспокоюсь за твою судьбу. Сегодня я пришла сюда раскрыть тебе одну тайну — вот она: если ты хочешь уйти отсюда целым и невредимым, хорошенько запоминай все, чему бы ни учил тебя отец, но и виду не подавай, что все это понял и запомнил. Притворяйся простофилей и прикидывайся дурачком. Ты ему говори: «Мне трудно, я не понимаю того, чему вы меня учите; у меня ничего не выходит. Лучше покажите мне что-нибудь полегче, чтобы я мог запомнить!» А сам будь начеку и запоминай хорошенько все — это пригодится тебе в жизни. Если мой отец узнает, что ты запомнил и понял все, чему он учил тебя, и твоя голова хорошо соображает, он возьмет да и бросит тебя в одну из бочек, наполненных кислотой. Эти бочки находятся в подземных складах, а подземные склады — где-то под этими комнатами, а может быть, под его собственной комнатой. Там внизу стоят тысячи бочек с кислотой, и в каждой бочке заключен какой-нибудь юноша, и я не знаю, что отец хочет делать с ними.

Однажды я спросила его, для чего он все это делает? А он ответил, что хочет укрепить, сделать сильными и более здоровыми сердца, мозг и души всех этих юношей, потом привить их души к своей душе и таким образом сделаться бессмертным и вечно оставаться живым. Но он говорил, что еще не успел довести этого опыта до конца. Итак, ты запоминай все, чему бы он тебя ни учил, но не говори, что ты запоминаешь.

Бу-Али девушка тоже полюбилась. Он внима-

тельно выслушал ее добрые советы и каждый день разными хитростями выпытывал что-нибудь у безбородого. Девушка тоже помогала Бу-Али, он и у нее учился разным премудростям.

Однажды, когда безбородый опять отправился в пустыню, девушка пришла к Бу-Али и принесла ему все книги отца.

— Все знания мой отец берет отсюда, — сказала она юноше.

Бу-Али прочитал и хорошенько запомнил все, что было написано в этих книгах, и в скором времени превзошел безбородого в знаниях и мудрости.

Стал он все чаще подумывать, как бы избавиться от участи тех юношей, что находились в бочках с кислотой, и уйти из дома безбородого восвояси. Он все прикидывался дурачком и притворялся, что совсем не разбирается в науках, которым учил его безбородый. Долго безбородый ничего не мог поделаться с Бу-Али. Наконец он совсем выбился из сил и сказал юноше:

— В тот день, когда я встретил тебя с твоим отцом, мне показалось, что ты человек смысленный и сможешь пригодиться мне, но, как видно, мои надежды не оправдались, а мои труды и уроки пропали даром!

Затем он взял Бу-Али за руку, вывел из дома, провел через дерево и оставил в безводной пустыне. Безбородый думал, что Бу-Али умрет там от голода и жажды.

А родители Бу-Али тем временем сидели у себя дома и вспоминали сына.

— Как долго мы не видели нашего сына! — говорили они.

И в это самое время в дверях показался Бу-Али. Все обрадовались, начали его обнимать и целовать, а потом спрашивают:

— Надолго ли ты пришел?

— Насовсем, — отвечает Бу-Али. — Я пришел помогать вам, стать вашей опорой и поддержкой, положить на пользу людям то, чему я научился.

Затем он обратился к отцу:

— Знай, что я не тот Бу-Али, что прежде. Я теперь столько знаю, что вы просто не поверите, пока сами не убедитесь.

Прошло несколько дней, и Бу-Али сказал отцу:

— Батюшка мой, говорят, в нашем городе старший кадий очень любит оленей. Я приму облик оленя, а ты поведи меня к нему и продай за триста ашрафи, но смотри, ни в коем случае не отдавай недоуздка. Если отдашь недоуздок, — мы пропали. И не забудь сказать судье, что олень не ест, как другие, траву и зелень, а питается сахаром и сладостями.

Отец Бу-Али так и сделал. Он привел оленя к дому старшего кадия, и тот, как только вышел из дому и увидел оленя, сразу решил купить его — олень ему очень понравился. Он подошел к отцу Бу-Али и спросил:

— Почему продаешь оленя?

— Отдам за триста ашрафи, — отвечал старик. — Но знай: олень питается леденцами и сахаром, а травы не ест.

Кадий заплатил триста ашрафи и купил оленя. Абдаллах собирался было снять с шеи оленя недоуздок, но кадий остановил его. Абдаллах говорит:

— Я продаю оленя без недоуздка.

— Оленей всегда продают вместе с недоуздками, — возразил кадий.

— Наш обычай таков! — отвечал Абдаллах. — Хочешь — покупай, хочешь — нет!

Кадью ничего не оставалось делать, как согласиться. Он передал оленя своим слугам, и те повели его на конюшню, поручили конюху и строго-настрого наказали ему:

— Олень не ест травы. Вместо клевера и соломы давай ему сахар и леденцы.

— Вот тебе на! — удивился конюх. — Где это видано, чтобы оленя кормили сахаром и леденцами? Самим-то никогда не достается ни сахару, ни леденцов, а тут оленю давай — еще чего не хватало!

Слуги кадия и все, кто там был, говорят конюху:

— Не болтай глупостей! Олень старшего кадия — старший кадий среди оленей, и поэтому он будет питаться леденцами и сахаром.

Волей-неволей конюх повел оленя в конюшню.

— Ну, — прикрикнул он на оленя, — прежде чем дать тебе леденцов и сахару, я угощу тебя кнутом!

Сказал это конюх и начал искать кнут. Нашел, замахнулся на оленя — но не тут-то было! Подпрыгнул олень, да так, что вся конюшня наполнилась

пылью из-под копыт, взлетел в воздух и при этом так боднул конюха, что тот растянулся на земле. Когда осела пыль, конюх еле живой поднялся на ноги, глядь, а оленя уж и след простыл. Начал он тут кричать:

— Где олень, где олень? Куда делся олень?

Затрясся конюх от страха, побежал к кадию и еле-еле выговорил:

— Я повел оленя в конюшню. Вдруг он сорвался с места, боднул меня, потом взлетел в воздух и исчез.

— Врешь, собака! — говорит кадий грозно. — Олень не может взлететь и скрыться из глаз! А ну, признавайся, что ты сделал с оленем?

— Раз или два я хлестнул его кнутом, — сказал конюх, — вот тогда он подпрыгнул, поднял страшную пыль и исчез. Я больше не видел его.

— Что ж, — ответил кадий, — я привяжу тебя в конюшне вместо оленя.

Так он и сделал.

А отец Бу-Али вернулся домой и давай считать и пересчитывать деньги. В это время вошел Бу-Али и сказал отцу:

— Завтра я превращусь в красивого коня, и ты поведешь меня к дому градоправителя — он, говорят, любит лошадей. Продай меня за пятьсот ашрафи, но не забудь забрать назад уздечку! Если отдашь уздечку, — мы пропали, и ты больше никогда не увидишь меня.

— Хорошо, — согласился отец Бу-Али и на следующее утро повел к дому градоправителя прекрасного коня, подобного которому не сыскать в целом городе. Главный конюх градоправителя, как увидел коня, раскрыл рот от удивления. Он подошел к Абдаллаху и хотел уж прицениться, чтобы купить коня для своего хозяина, как вдруг, откуда ни возьми, очутился рядом безбородый. А он изменил свой облик, и Абдаллах, отец Бу-Али, не узнал его. Но безбородый узнал их и понял, что Бу-Али обвел его вокруг пальца. Подошел он к Абдаллаху и спрашивает:

— Сколько просишь за коня?

— Пятьсот ашрафи без уздечки! — отвечает тот.

— Так и быть, возьми шестьсот ашрафи и отдай мне коня вместе с уздечкой! — говорит безбородый.

Словом, торговались они, торговались, и, наконец,

безбородый предложил отцу Бу-Али тысячу ашрафи. Не выдержал тот — очень уж любил он деньги — и уступил ему коня вместе с уздечкой.

А Бу-Али сразу узнал безбородого и понял, что если тому удастся заполучить его, то не будет ему спасения и придется ему расстаться с жизнью. Но как он ни смотрел на своего отца, как ни подмигивал ему — не отдавай, мол, уздечку! — ничего не помогло. Отец Бу-Али ничего не понял, а может, и не хотел понимать.

И вот безбородый повел Бу-Али в облике коня домой, а дорогой говорит ему:

— Здорово тебе удалось притвориться простофилей и дурачком! Вскружил ты, видно, голову моей дочери, что она показала тебе дорогу и подземные ходы и научила тебя всему, что я знаю! Но знай, что я всему этому научился не для того, чтобы так легковерно и так просто передать это человеку и открыть ему тайны всех вещей.

Наконец дошли они до дома безбородого, позвал тот дочь и говорит:

— Эй ты, подлая, ты раскрыла тайны моих книг этому человеку, чтобы он стал моим соперником и сжил меня со свету! Живо принеси мне острый нож!

Девушка подумала: «О Аллах, он хочет убить такого красивого юношу!»

Пошла она, взяла нож, направилась к отцу и тут вдруг упала на землю и притворно закричала: «Ой, ой, я сломала себе ногу!» Безбородый растерялся, испугался и подбежал к дочери, чтобы помочь ей подняться. Тут конь стряхнул с морды уздечку, обернулся голубем и взлетел ввысь. Увидел это безбородый, превратился в сокола и полетел за голубем. Голубь видит, что сокол настигает его, опустился на землю около дворца падишаха, превратился в алмаз и пристал к короне падишаха.

Сокол же принял облик дервиша, подошел к трону падишаха и поцеловал перед ним землю.

— Чего ты хочешь? — спросил его падишах.

— Вон тот алмаз, что пристал к твоей короне.

— На что тебе алмаз, старик? — удивился падишах. — Лучше я дам тебе кошелек золота.

— Нет, — отвечает дервиш, — если хочешь одарить меня, то лучше дай то, что я прошу!

— Что ж, забирай алмаз, возьми его! — согласился падишах.

Дервиш подошел снять камень с короны падишаха, а алмаз упал на пол и превратился в гранатовые зернышки.

Дервиш обернулся петухом и начал клевать зернышки, но одно из зернышек превратилось в шакала, и тот задушил петуха.

Смотрят все — глаз не могут отвести, рты от удивления раскрыли — что будет дальше? Вдруг шакал исчез, а на его месте появился высокий, стройный, красивый юноша.

— Кто ты такой? — спрашивает падишах. — И что означает все то, что мы видели?

Бу-Али рассказал им свои приключения от начала до конца — от корочки до корочки.

Обрадовался падишах, что в его стране появился такой мудрец, и говорит:

— О, ходжа* Бу-Али, если бы я нашел невесту для своего сына — девушку красивую и умную, то сегодня же отдал бы свою дочь за тебя. Но я дал слово, что, пока не женю сына, не выдам замуж и дочери. Вот ты, я вижу, знаешь все, ты большой мудрец, помоги-ка найти умную, знающую, но при этом красивую девушку.

— Что ж, я знаю такую девушку! — сказал Бу-Али.

Пошел он и привел дочь безбородого. Падишах увидел ее и сразу понял, что это как раз такая девушка, которая нужна его сыну, — красивая и ученая.

Падишах велел украсить город. Он отдал свою дочь Бу-Али, а на дочери безбородого женил своего сына. Семь дней и семь ночей праздновали свадьбу и жгли праздничные огни.

А Бу-Али все стали называть «ходжа Бу-Али» — ведь он был знатоком всех наук и премудростей.

Вот и вся сказка о Бу-Али, который овладел тайнами наук и передал другим людям.

Да достигнете вы исполнения своих желаний, как он достиг исполнения своих.

*Х о д ж а — (почтительное обращение) — учитель, мудрец, господин.

Заколдованный замок

Было так или нет, у падишаха страны Хаверан* было три сына. Старшего звали Афруз, среднего — Шахруз, а младшего — Бехруз. Однажды они сидели со своими приближенными и говорили о том о сем, пока речь не зашла об удивительных местах на земле и городах, которые стоит посмотреть. Тут всем трем сыновьям падишаха очень захотелось отправиться вместе в дальнюю дорогу, побродить по белу свету, посмотреть удивительное и невиданное. На том они и порешили. Пошли к отцу, поцеловали перед ним землю и попросили у него разрешения отправиться в дальние страны. Падишах им ответил:

— Хорошо вы это задумали! Ведь недаром наши мудрые старцы говорили: «Лучше странствовать, чем зря дома сидеть». Объехать весь свет—очень хорошо, человек при этом видит много интересного и запоминает то, что ему потом пригодится. Поезжайте, погуляйте, посмотрите разные страны, поговорите с мудрыми, многоопытными людьми и от каждого чему-нибудь научитесь. Как говорят мудрецы: «С каждого хирмана** возьмите колос, чтобы ваш хирман был больше любого другого». Но если вы поедете и в вашем путешествии достигнете стоящего на самой границе города Нигаристан, не заезжайте в него и поскорее поворачивайте оттуда, потому что это нехороший город, и всякий, кто туда приедет, становится несчастным. Хуже всего то, что неподалеку от города, на холме, за каменной стеной, стоит дворец, который называется «Заколдованный замок». Всякий, кто в него войдет, все потеряет. Десятки юношей не слушали советов стариков и ходили туда. Они теряли жизнь и богатство, и до сих пор еще так не бывало, чтобы кто-нибудь приехал в город Нигаристан и не пошел бы в заколдованный замок. Еще раз говорю: сыновья мои! Будьте начеку, не дай бог, чтобы ваша нога ступила в город Нигаристан и вы пошли в заколдованный замок!

* Хаверан — сказочная страна.

** Хирман — ток, гумно, площадка, на которой ссыпают зерно, складывают хлопок и т. д.

Сыновья низко ему поклонились, облобызали перед ним землю и сказали:

— Повинуемся! Душой и сердцем внемлем приказу падишаха!

Падишах расцеловал каждого и молвил:

— Поезжайте, будьте здоровы, да хранит вас бог!

На следующий день утром сыновья встали пораньше, сели на добрых коней, выехали из ворот города и поехали по дороге. Но каждый раз, когда они вспоминали речи отца и его строгий наказ, они начинали думать: «Такое ли уж опасное место город Нигаристан и заколдованный замок? Почему отец не велел нам туда ехать? Откуда он все это знает? Сам там был, слышал от кого-нибудь или в книге прочитал? Почему он не сказал нам больше, не объяснил, что за город Нигаристан и что это за заколдованный замок?»

Такие соблазнительные мысли приходили им все время в голову и лишали их покоя.

Проходили дни, проходили месяцы, они проезжали через города и деревни, ехали из города в город, из деревни в деревню, пока однажды не выехали на зеленую, веселую равнину, которая издали манила пышными садами. Можно было догадаться, что за садами скрывается город, обильный водой и благодатный. Они проехали еще немного, въехали в сады и меж деревьев увидели зубцы и башни городских стен, вздымавшиеся к небесам. Навстречу стали попадаться люди, шедшие из города. Сыновья падишаха у них спросили:

— Что это за город?

Им ответили:

— Это город Нигаристан.

Тут все трое вспомнили речь отца, вздрогнули и застыли на месте... Наконец Афруз сказал:

— Это тот самый город, стоящий на границе. Отец строго наказывал нам не ездить в эти места. Однако же, как видно, город стоит посмотреть. Да и сама судьба привела нас сюда. Не знаю, что нам делать, входить в город или не входить?

Младший брат, Бехруз, ему ответил:

— Как это ты не знаешь, что делать? Нужно выполнить наказ отца и, не взглянув на этот город, сейчас же повернуть назад!

Средний брат сказал:

— Раз мы уже здесь, неплохо бы подъехать к городским воротам и заглянуть туда, а потом уехать.

Тут опять заговорил старший брат:

— Я не думаю, что это тот самый город, куда нам не велел ездить отец. Тот город должен лежать в развалинах, а в этот, такой красивый и цветущий, по-моему, всякий может войти. Мы уехали из дома, чтобы видеть все достойное обозрения, а этот город, конечно, стоит того, чтобы на него посмотреть. Я полагаю, нам надо туда заехать, и, если это тот самый Нигаристан, о котором говорил отец, мы в заколдованный замок не пойдем, ночевать в городе не будем, верхом въедем в эти ворота и, не сходя с коней, из других ворот выедем...

Долго они так спорили, пока вдруг не заметили, что уже подъехали к самым городским воротам. Как увидели ворота и украшения над ними, так и прикусили от удивления пальцы. А как заглянули через ворота в самый город — прямо остолбенели... Видят: да, это тот самый город Нигаристан, стоящий на границе, о котором говорил отец.

Афруз, самый старший брат, сказал:

— Наш отец не велел нам ездить в этот город. Но он или не знал, что это за город, или думал, что мы еще беспомощные дети и если кто на нас нападет, то мы будем побеждены и попадем в плен. Он не знает, что, если кто столкнется с нами лицом к лицу, ему несдобровать. Каждый из нас в стрельбе из лука, владении мечом и борьбе стоит десяти богатырей!

Сказал и еще прибавил:

— Будь что будет! Я еду в город!

Средний брат молвил:

— Я еду с тобой!

А самый младший говорит:

— Я поневоле еду с вами, ведь мы едем вместе. Если перед нами дорога — надо вместе по ней ехать, а если перед нами яма — надо вместе туда падать!

И вот все три брата вступили в город. Такого они еще никогда не видывали! Дворцы и дома, сады и цветники поражают взор, над каждой дверью, на каждом перекрестке, на каждой стене такие картины нарисованы — глаз не оторвать! Но послушайте, какие там люди! Они — белые, розовые, крепкие, одеты они в новые красивые одежды, говорят, смеют-

ся, веселы, с вечера до утра у них праздник, горя не знают. Эти веселые и красивые чаще всего встречаются на улицах, а другие, которых гораздо больше, чем первых, работают на них, и они, несчастные, голодные, оборванные, худые, живут в полуразвалившихся домишках на окраинах, никто на них и внимания не обращает.

Братьям очень понравился город, и они решили в нем провести несколько дней. Два или три дня там пробыли и совсем другие стали — точно охмелели. Ни о чем не заботились, веселились и только и хотели, что петь и плясать.

Однажды, находясь в веселом расположении духа, старший брат Афруз сказал двум младшим:

— Я все думаю о том, почему отец не хотел, чтобы мы поехали в этот город. Разве он завидовал нашим удовольствиям?

Средний брат ответил:

— Может быть, этот город был раньше разрушен и отец с тех времен об этом знает, а о сегодняшнем дне никто не знает?

Младший брат сказал:

— Может быть, он знает о чем-нибудь плохом в этом городе, с чем мы еще не встречались?

Не буду вас утруждать передачей их разговора, но долго они разговаривали. В конце концов они совсем прижились в городе.

Однажды Афруз говорит:

— Братья! Место здесь неплохое и, вероятно, заколдованный замок такой же, а отец просто зря наказывал нам не ходить туда. Надо нам в него тоже заглянуть, а если вы со мной не пойдете, я один пойду и скоро вернусь.

Шахруз ответил:

— Я в замок не войду, но до его подножья с тобой поеду.

Бехруз сказал:

— Если уж вы оба пойдете, то и я с вами.

Встали тут братья, сели на коней и отправились искать заколдованный замок. Но у кого они ни спрашивали, как к нему проехать, все показывали дорогу, а потом давали один и тот же совет: «Туда лучше не ездите, это, говорят, плохое место; из юношей, ходивших туда, никто не возвращался таким же, каким уходил». И каждый житель города Нигаристана, по-

падавшийся им навстречу, сообщал о заколдованном замке что-нибудь новое. Один говорил:

— Зимой там вместо снега и дождя падают с неба камни и молнии, а летом из дверей и окон бьет пламя.

Другой говорил:

— Падишах дивов заточил в этот замок дочь шаха пери и хочет ее уговорить стать его женой. Но падишах боится, что, если дорогу в замок отыщет какой-нибудь богатырь, он увезет красавицу, и потому на всякого, кто приходит к замку, нападают дивы.

Многие говорили:

— Дочь китайского императора похитили и держат там в цепях. К ней приставлена крепкая стража, чтобы ее никто не мог освободить.

Иные говорили:

— В том замке, в подземелье, заточена девушка по имени Чильгис (Сорок кос). Ее привязали за косы к столбу, чтобы не убежала. Она там будет, пока не придет богатырь Джахантиг и не освободит ее.

Один или два человека сказали:

— Этот замок принадлежит дочери китайского императора. Она очень красива, но ни за кого не идет замуж и пойдет только за того, кто ответит на все ее вопросы. До сих пор никто еще не смог ответить ей на все вопросы, а тем, кто сватался, но на вопросы не ответил, отрубают головы, насаживают на пики и выставляют их головы на зубцах крепостных стен. Кроме того, многих юношей там околдовали, и некоторые из них окаменели до пояса, а иные — с головы до ног.

Встречные рассказывали трем братьям обо всем этом, а им все больше и больше хотелось увидеть заколдованный замок. Пересказывать тут все — долго, и, короче говоря, Афруз спросил у тех людей, которые рассказывали о замке:

— Все, о чем говорите, вы видели своими глазами?

Ответили:

— Нет! От отцов слышали, а из нас никто туда не ходил, потому что там — китайская граница и крепость за знаменитой китайской стеной.

В конце концов Афруз, Шахруз и Бехруз выехали из города Нигаристан по направлению к заколдованному замку. Издали увидели они на холме за мощной каменной стеной замок, вздымающийся к не-

бу... Добрались до вершины холма. У самой стены сошли с коней и привязали их к дереву. С великими трудностями взобрались на стену, спустились с нее и оказались по ту сторону стены у подножия замка. Ворота замка были закрыты, и никого там не было. Братьев почему-то вдруг охватил страх, они хотели уже вернуться, но Афруз подумал и сказал:

— Раз мы сюда приехали, надо все-таки заглянуть в замок. Если вы боитесь, оставайтесь здесь и ждите меня. Я туда схожу и быстро вернусь.

Шахруз и Бехруз сказали:

— Нет, брат, давай уйдем отсюда! Мы не можем войти туда, этот замок нагоняет на нас страх, давай же уйдем отсюда!

Афруз ответил:

— Нет уж, как сказал мужчина, так он и должен поступать. Будьте здесь, я скоро вернусь.

Концом меча поднял засов, раскрыл ворота и вошел в замок. Шахруз и Бехруз, дрожа от страха, ждали его у ворот замка. Прошло два или три часа, а его все нет. Они встревожились. Шахруз сказал:

— По-моему, с нашим братом случилось несчастье. Побудь здесь, а я схожу в замок. Если мы вернемся оттуда с ним вместе, сразу уедем, а если я войду в замок и тоже не вернусь,— ты не ходи за мной, сразу отправляйся в наш город, к отцу, и все ему расскажи.

Бехруз спросил:

— Почему же мне не пойти за тобой, если ты не вернешься?

Шахруз ответил:

— Потому что я боюсь, ты тоже пропадешь с нами, и к горю отца прибавится еще одно горе, он останется совсем без сыновей, дом его опустеет, очаг погаснет. Во всяком случае ты один должен у него остаться, чтобы в старости у него была поддержка!

С этими словами Шахруз вошел в ворота замка и тоже пропал... Бехруз, когда увидел, что средний брат тоже не появляется, хотел поступить, как он сказал, и вернуться к отцу, но потом подумал: «Это было бы неблагородно! Пойду-ка я в замок, и, если они попали в плен, я, может быть, смогу их освободить!»

Вошел Бехруз в ворота замка и видит: стоит огромное здание, в нем много айванов* и комнат, стены всюду покрыты росписью, полы — из мрамора и порфира. Очень ему сперва понравилось на все это смотреть, но потом он вдруг подумал: «Я ведь пришел за своими братьями и сейчас же потерял голову перед этими картинами, да так, что и забыл о братьях! Стою как околдованный! Вот уж правильно прозвали этот замок заколдованным!»

Двинулся с места и пошел искать братьев. Переходил с айвана на айван, из комнаты в комнату, пока не дошел до комнаты, которая была больше других, и увидел: его братья стоят там смятенные, прикусив от удивления палец, перед какой-то картиной. Обрадовался он при виде братьев. Посмотрел вокруг и видит: что за прекрасные картины! Про себя сказал: «Здесь нужен знаток, чтобы во всем этом разобраться! Похоже, эти картины начертала рука самого пророка Мани!»**

Потом подошел к братьям и взглянул на то изображение, на которое они смотрели. Тут сердце у него упало, и он тоже оцепенел от удивления. Все трое смотрели на картину, пока не стемнело. Ночь провели там же, в замке, страдая от голода и жажды. Когда взошло солнце и стало совсем светло, снова подошли к картине. На этот раз Бехруз осмотрел ее и увидел рядом с ней надпись на китайском языке, шедшую сверху вниз: «Мей-Куй-Гуль, дочь китайского императора». Как прочитал, повернулся к братьям и говорит:

— Это портрет дочери китайского падишаха, и она сама сейчас находится в этой стране, а мы неизвестно чего остолбенели здесь перед ее лишенным души изображением!

Афруз на это сказал:

— Правильно ты говоришь! Я влюбился в ту, что здесь нарисована, и пока я не приду к ее порогу, сладостный напиток жизни будет мне горек! Будь что будет, а я сейчас же сажусь на коня и буду день и

* Айван — крытая терраса.

** Мани — полулегендарный пророк, основатель религии манихейства (III в. н. э.) Манихейские храмы были украшены настенной живописью, и потому самого Мани считали искусным художником.

ночь гнать его, пока не доберусь до Китая. Там я пойду к китайскому императору и скажу ему, что я — царевич и прошу руки его дочери, и прибавлю: или возьми этот меч и отсеки мне голову, или отдай мне твою дочь! А вы оба сейчас же возвращайтесь отсюда к нашему отцу и все ему обо мне расскажите.

Младшие братья сами влюбились в ту девушку, но они не смели сказать об этом открыто и потому промолвили:

— Нет, мы не можем допустить, чтобы ты поехал один. Мы едем с тобой.

Сколько он ни уговаривал их не ездить, они отвечали:

— Мы должны ехать!

В конце концов все трое направились из заколдованного замка в сторону китайской столицы. Много они разных городов проехали, пока не добрались до столицы Китая и не остановились там в караван-сарае. На следующий день Афруз пошел в баню, хорошенько вымылся, умастил волосы, надел новые одежды, приготовил подарки и собрался идти к императору. Но тут средний брат Шахруз ему сказал:

— И так у тебя ничего не получится. Ведь император, наверное, не захочет отдать дочь какому-то пришельцу. Ты лучше проберись к его дочери и заставь ее полюбить тебя. Когда ты ее приманишь и поймаешь в силки, тогда — согласится ее отец или не согласится — все равно она станет твоей женой.

Афруз на это ответил:

— Нет, я так не поступлю. Я знаю, что никто не может пробраться к этой девушке.

Короче говоря, пошел он во дворец китайского императора, представился главному придворному и попросил разрешения видеть императора. А тот мало кого пускал к себе и придворному ответил:

— Разузнай, проверь хорошенько, правду ли он говорит, что он сын шаха. Спроси у него, привез он мне послание от отца или отец на него разгневался и он сюда приехал просить моего посредничества, чтобы я их помирил. Или, может быть, он ищет убежища в моем дворце? Во всяком случае, если он привез какое-нибудь послание, отбери и принеси мне.

Когда придворный вышел к Афрузу и стал его обо всем расспрашивать, тот огорчился и сказал:

— Все это не то и не так! Я возмечтал поехать в

Китай и повидать там императора. Есть у меня, конечно, к нему просьба, но я не могу никому, кроме него, об этой просьбе сказать.

Долго они вели переговоры. В конце концов император разрешил Афрузу прийти. Тот пришел, низко поклонился, сложил к ногам императора подарки, постарался, насколько можно, быть сладкоречивым и выказать покорность. Когда император увидел, что Афруз говорит правду, что он действительно царский сын, стал обходиться с ним очень милостиво и сказал:

— Ты мне вроде как племянник. Раз ты приехал ко мне, не подобает, чтобы ты останавливался в караван-сараяе. Я велю приготовить для тебя целый дом.

Потом обратился к слуге:

— Приготовь для шахзаде один из моих домов с садом, рабами, служанками, привратником и евнухами, чтобы он не оставался в караван-сараяе.

Афруз согласился, но не сказал, что он не один, а с братьями, которые тоже остановились в караван-сараяе. Несколько дней он прожил в том доме, который ему отвели. За это время он подружился с рабами и служанками и стал их потихоньку расспрашивать о Мей-Куй: какая она, собирается ли замуж или нет? Влюблена ли в кого-нибудь или кто-нибудь в нее влюблен? Есть ли у нее нареченный жених? Насчет этого одна из служанок, которая все хорошо знала о Мей-Куй, сказала ему:

— Царевна во всей обширной китайской стране по красоте не имеет себе равной, и насколько она прекрасна, настолько же разумна. Она хочет выбрать такого жениха, который ей понравился бы. Много царевичей приезжало свататься, но ни одного из них она не пожелала, и даже сын индийского падишаха ей не понравился.

Афруз спросил:

— А ее отец что говорит об этом?

Ответила девушка:

— С отцом она так условилась, что всякого, кто к ней посватается, она хорошенько порасспросит и, если он окажется разумным, станет его женой, хотя бы он был нищий, а если он невежда — не пойдет за него, хотя бы он был падишахом.

Оставим пока Афруза и поговорим теперь о Шахрузе и Бехрузе.

Когда они оба увидели, что старший брат не является три или четыре дня, они забеспокоились и подумали: «А что если, не дай бог, император рассердился на Афруза и его убил или бросил в темницу?»

Огорченные, встревоженные, разыскали они дворец китайского императора, пришли к главному придворному и спросили его о брате:

— Что стало с тем человеком, который несколько дней назад приходил сюда?

Тот им ответил:

— Император предоставил в его распоряжение дом с садом, рабами и служанками. Ему хорошо живется.

Братья попросили у него, если можно, разрешить им пойти повидать Афруза. Придворный спросил:

— Разве вы ему родственники?

Те говорят:

— Да, он наш старший брат.

Тогда придворный провел их к Афрузу. Тому их приход был очень неприятен. Младшие же братья, как увидели, что старший жив и здоров, очень обрадовались. Посидели с ним часа два, поговорили и ушли. Рассказал придворный китайскому императору об этом посещении, и тому не понравился поступок Афруза: почему он ничего не сказал о братьях, почему оставил их в караван-сараяе? После этого император перестал принимать Афруза с прежним почетом и уважением, совсем иначе стал к нему относиться.

В конце концов терпение Афруза кончилось, и он однажды спросил придворного:

— Если я попрошу о чем-нибудь императора, он не рассердится? Можно мне все прямо ему сказать или надо сказать сперва кому-нибудь другому, чтобы ему потом передали?

Придворный ответил:

— Нет, он не рассердится. Но нужно сперва спросить у него разрешения, а потом уже обращаться с просьбой.

Афруз спросил разрешения и пошел к императору. Вошел, поклонился в землю, облобызал порог. А император был в тот день в хорошем настроении. Двух людей, которых он считал колючками на своем пути,

ему удалось устранить хитростью, две-три добрые вести о подобных делах пришли с разных концов страны, да к тому же из Кашмира, из Индии, привезли красивую рабыню. И он был не прочь поговорить с кем-нибудь или исполнить чью-нибудь просьбу.

Царевич как увидел, что император весел, подумал: «Судьба благоприятствует исполнению моего желания!»

Прежде чем говорить, еще раз поклонился в землю и снова попросил разрешения. Император у него спросил:

— Почему в тот день, когда ты к нам приехал, ты не сказал, что с тобой еще два брата, и не попросил, чтобы я их поместил у себя? Ведь эти братья не хотели оставить тебя одного, с другого конца света пришли с тобой, в трудную минуту были около тебя. Почему ты покинул их, когда тебе повезло? Мне не нравится этот твой поступок!

Афруз тут понял, почему император с ним не так милостив, как прежде. А тот ему еще сказал:

— Говори, чего ты от меня хочешь? Денег? Почестей?

Афруз ответил:

— Я прошу у тебя того, что выше всего этого, того, чтобы ты меня сделал рабом своего порога!

Император обратился к придворному и говорит:

— Он, очевидно, просит руки Мей-Куй? Объясни ему хорошенько, какая она, моя дочь Мей-Куй. У меня ведь с ней большое несогласие. Я хочу, чтобы она стала женой падишаха или шахзаде, богатого, а она не соглашается, хочет, чтобы ее будущий муж был умный и разумный. Говорит: «Я стану женой умного нищего, но не стану женой глупого падишаха». Пять лет назад, когда умерла ее мать и она была в большом горе, я ей обещал, что отдам ее только за того, кого она сама полюбит, с тех пор ее и не неволю. Скажите этому шахзаде: если он очень хочет взять мою дочь в жены, пусть пойдет к ней, чтобы она на него посмотрела и кое о чем его спросила. Если он сможет ей на все вопросы ответить — его желание будет исполнено, а если нет, — ни за что дочь не отдам.

Афруз выслушал, поклонился в землю и вышел из дворца. На следующий день он возложил на

голову усыпанную изумрудами корону, надел тканые золотом одежды, опоясался мечом в драгоценной оправе и направился к дому Мей-Куй, который примыкал к императорскому дворцу. Видит: место тихое и покойное, у дверей стоит всего один привратник, голосов не слышно. Вошел он в комнату, где находилась та девушка. Как посмотрел на нее, так сразу потерял сознание и упал. Принесли розовой воды, брызнули ему в лицо, он очнулся и увидел: она во сто раз прекраснее, чем ее изображение в заколдованном замке! Опять потерял сознание, пришел в себя, поднялся и, задыхаясь, бледный, подошел к ней.

Девушка не подала виду и милостиво его приветствовала. Но когда она увидела, что он совсем не может ей отвечать, она вышла из комнаты и позвала служанку.

— Сестрица, принеси этому царевичу апельсинового шербета, чтобы он пришел в себя.

В тот день она больше не выходила к Афрузу и велела передать, чтобы шахзаде приходил завтра и что на этот раз она не будет его больше тревожить.

Несколько дней подряд Афруз приходил на час, на два в дом дочери императора и понемногу стал привыкать к ней, мог теперь уже держать себя в руках. Тогда Мей-Куй его спросила:

— Чего вы от меня хотите?

Афруз стыдливо опустил голову и начал рассказывать о себе, как он захотел объехать всю землю, попросил у отца на это разрешения, а тот ему сказал: «Поезжай куда хочешь, но только не в город Нигаристан и не в заколдованный замок». Потом он рассказал, как он увидел в заколдованном замке портрет, и как сердце его стеснилось от любви, и с какими трудностями он добрался сюда. Все он о себе рассказал и прибавил:

— Я хочу, чтобы вы согласились стать моей женой.

Девушка ответила:

— О шахзаде! Знай и ведай, что я одна-единственная, любимая-драгоценная дочь отца. Когда мне исполнилось одиннадцать-двенадцать лет, со всех концов света стали приезжать ко мне свататься падишахи и шахзаде. Отец хотел отдать меня в жены какому-нибудь богатому и всесильному пади-

шаху, но моя мать сказала: «Двенадцатилетней девочке рано выходить замуж», — и не разрешила отцу меня выдавать. Пять лет назад она тяжело заболела. Когда поняла, что не будет жить, сказала мне: «Доченька! Я покидаю тебя, и вот, что я должна тебе сказать на прощанье: не обольщайся пышностью и богатством жизни, которую ты ведешь у отца! Если захочешь выходить замуж, выходи за человека разумного, хотя бы он был низкого происхождения. В дом неразумного человека не вступай, хотя бы он был падишахом над всеми падишахами. Хоть я и жена императора, но мне эта жизнь никогда не нравилась. Я всегда жила точно соловей, заточенный в золотую клетку, украшенную драгоценными камнями. Пусть клетка стоит десять тысяч ашрафи — что толку?»

Договорила моя мать все это и скончалась... После ее смерти я день и ночь плакала. Отец меня спросил:

— Почему ты плачешь?

Я ответила:

— Потому что матери, моей заступницы, не стало. Я теперь боюсь, ведь все ко мне сватаются, ты меня кому захочешь, тому и отдашь в жены, продашь меня за богатство, власть, воды и земли! И я на всю жизнь погружусь в безысходную печаль!

Тогда отец промолвил:

— Разве ты совсем не хочешь выходить замуж?

Я сказала:

— Хочу, но мне не хочется стать женой неразумного человека!

Отца огорчили мои слова, но я так много плакала, что он надо мной сжалился и сказал:

— Будь покойна, я тебя ни за кого не стану выдавать насильно; как тебе кто-нибудь понравится, за него и выйдешь замуж.

Потом отец, чтобы разумные, но бедные люди не нашли ко мне пути, повелел построить у китайской стены семь городов и семь замков и в каждом замке повесить мой портрет. Он надеется, что среди тех, кто будет просить моей руки, найдется один — разумный и вместе с тем богатый.

Каждый год приходит ко мне несколько человек. Я им задаю вопросы, и когда вижу, что они не могут на них ответить, я им отказываю. Теперь твой черед. Я задам тебе несколько вопросов. Если ты

на них сможешь ответить, я стану твоей женой, если же не ответишь — должен будешь расстаться с короной и головой.

Афруз ей сказал:

— Хорошо, я согласен: спрашивай, что хочешь! Девушка задала ему вопросы, но Афруз ответил на них неправильно. Тогда она промолвила:

— Ты проиграл! Уходи той же дорогой, которой пришел!

Афруз в смятении и великом горе пошел к главному придворному императора, обо всем ему рассказал и прибавил:

— Я хочу, чтобы император поговорил обо мне с дочерью, сказал ей: пусть она, несмотря ни на что, станет моей женой.

Придворный ответил:

— Я не думаю, чтобы император согласился сказать ей это.

Так оно и вышло. Назавтра Афруз пошел к императору и изложил ему свою просьбу, а тот ему отказал. Когда Афруз отчаялся и увидел, что никто уже ему ничем не сможет помочь, он не выдержал, тут же рухнул на землю и отдал богу душу.

* * *

А иные люди все совсем иначе рассказывают. Так, говорят: когда царевич Афруз пришел в дом дочери китайского падишаха и сказал ей: «Я хочу взять тебя в жены», она ему ответила:

— Многие приходили и просили моей руки. Я им всем говорила: совершите три подвига. Если совершите, — хорошо, я стану вашей женой, а если нет — я велю вам отрубить голову и выставить ее на стене замка.

Теперь я тебе скажу: пожалей лучше свою молодость и возвращайся домой. А если не хочешь, соверши три таких подвига: во-первых, возьми эту хрустальную чашу, наполни ее водой в царском источнике, к которому ведут сорок ступеней, и принеси мне, не пролив ни единой капли. Во-вторых, из кувшина, простоявшего семь лет, выпей семь чаш вина и при этом не опьяней. В-третьих, сыграй с нашими знатоками семь партий в шахматы и ни одной не проиграй.

Старший сын падишаха и средний сын не смогли этого сделать и были убиты. Но младший сын, когда девушка все это ему сказала, попросил сорок дней отсрочки, вышел из дворца и направился к некоему старцу. Старец его спросил:

— О юноша! Что тебя тревожит?

Шахзаде обо всем ему рассказал. А старец владел волшебным перстнем царя Сулеймана. Дал он царевичу перстень и говорит:

— С помощью перстня царя Сулеймана ты можешь все это сделать.

Юноша все три подвига совершил, взял девушку в жены и привез домой к отцу...

А иные еще иначе рассказывают.

Говорят: когда три сына падишаха вошли в тот замок и увидели изображение дочери китайского императора, — всем сердцем, нет, сотней сердец ее полюбили. Отправились в Китай, чтобы ее увидеть. Ехали по дорогам, переносили тяготы, пока не прибыли в китайскую столицу. Сразу пошли к тамошнему падишаху, представились ему и говорят:

— Мы — сыновья такого-то падишаха.

Китайский падишах был к ним очень милостив, но когда он догадался, что старший царевич собирается посвататься к его дочери, тяжело вздохнул и промолвил:

— Моя дочь — в заточении, в таком-то замке, и никто ее не сможет увидеть, кроме человека храброго и отчаянного. На его челе должно быть начертано: мне суждено освободить эту девушку. Вы же лучше откажитесь от этого дела, ведь иначе вы все погибнете!

Старший брат не послушал совета китайского падишаха и вместе с двумя младшими братьями поехал к названному замку. Оставил их обоих у ворот, а сам вошел в замок, чтобы посмотреть, что там такое. Вошел он в замок и увидел огромное здание. В нем много разных комнат. Переходил он из комнаты в комнату, пока не дошел до одной, в которой увидел девушку. Девушка сидела там одиноко на троне и на ногах у нее были колодки. Когда она увидела вошедшего шахзаде, она сказала:

— Юноша! Зачем ты сюда пришел? Берегись, не подходи ко мне, уходи лучше! Если не уйдешь, сейчас сюда ворвутся дивы, схватят тебя и убьют!

Юноша ее не послушал и подошел к девушке. Тогда она сказала:

— Раз уж ты подошел ко мне, я задам тебе три вопроса. Если ответишь на них,— меня освободишь и сам спасешься, а если не ответишь,— будешь заточен в темное подземелье!

Задала ему три вопроса. Он на них не ответил. Ей пришлось хлопнуть в ладоши, чтобы пришли люди и увели его в темное подземелье.

Когда младшие братья увидели, что старший долго не выходит из замка, средний пошел за ним и со средним случилась та же беда, что и со старшим. Дошел черед до самого младшего брата. Когда он вошел в замок, в комнаты не пошел, решил сперва походить по саду. А в саду он увидел старуху. Подошел к ней, поздоровался и все что нужно было, у нее спросил. Потом пошел в комнаты, к девушке. Та сперва сказала ему то же, что говорила двум старшим братьям, а потом спросила его:

— Скажи-ка, что в этой накрытой покрывалом клетке?

Юноша ответил:

— Попугай.

Она опять спросила:

— Какое животное, прикованное цепью, спит под моим тронном?

Он ответил:

— Лев.

А она его еще раз спросила:

— Кто прав, роза или сосна?

Юноша ей ответил:

— Права сосна, потому что роза ее предала.

И рассказал ей сказку о розе и сосне. (Я, сказочник, расскажу вам ее потом, потому что это совсем особая история.) Когда он ответил и на третий вопрос, девушка очень обрадовалась, и колодки с ее ног спали сами собой. Она протянула руку под трон, сняла с хвоста льва связку ключей, дала ее юноше и сказала:

— Пойди возьми из такого-то сундука меч, принеси его и стань с этим мечом около меня. Всякому, кто ко мне подойдет, руби голову.

Юноша так и сделал. Появился косматый див, и он прикончил дива одним ударом. Взял тут юноша девушку за руку, освободил своих братьев, и они

все вместе отправились во дворец китайского падишаха. Падишах обрадовался и отдал свою дочь в жены младшему брату. Семь дней и ночей весь город был украшен, жгли плошки. Через сорок дней три брата вместе с дочерью китайского шаха отправились к своему отцу.

Теперь, когда вы все это узнали, вернемся к нашему рассказу. Где же мы остановились? О чем говорили? Ах, да! Мы сказали: Афруз пришел в отчаяние, увидел, что никто ничем не сможет ему помочь, не выдержал, тут же упал и отдал богу душу.

* * *

Китайский император позвал придворного и сказал ему:

— Пойди приведи одного из братьев этого царевича, пусть он увидит, что случилось с его старшим братом!

Придворный пошел и привел среднего брата Шахруза к телу старшего брата Афруза. Шахруз долго рыдал и плакал, потом с помощью слуг императора вынес тело брата из дворца и предал его земле.

Прошло несколько дней, и Шахруз стал понемногу забывать о своей горе. Тут запало ему в душу желание увидеть Мей-Куй и посвататься к ней. Встал, приготовил подарки и пошел в дом дочери китайского императора.

Не буду я вас утомлять длинным рассказом, но с ним случилось то же несчастье, что и с Афрузом, и он также скончался перед императорским тронem. Послали за Бехрузом. Он пришел и предал тело Шахруза земле. Остался теперь Бехруз один-одинешенек и не знал сперва, что ему делать. Возвратиться в родную страну Хаверан и поведать отцу о гибели его двух старших сыновей? Или остаться здесь, чем-нибудь заняться и провести тут быстротечную жизнь? Или тоже просить руки царевны и разделить горестную судьбу братьев? Или попытаться за них отомстить? Целыми днями думал он об этом и в конце концов решил: «Я ведь тоже стремлюсь к этой девушке. Пойду-ка попрошу ее руки. Но я-то уж сумею ее добиться!»

Встал, пошел к придворному и попросил разрешения повидать дочь императора. Придворный ей все передал, она разрешила, и Бехруз отправился в дом Мей-Куй. Как увидел ее красоту, так остолбенел, прикусил от удивления палец. Потом собрал все силы, низко ей поклонился и сказал:

— Я младший сын падишаха страны Хаверан, брат Афруза и Шахруза. Я пришел сюда и надеюсь, что понравлюсь дочери императора и она согласится стать моей женой.

Девушка промолвила:

— Что я говорила другим, то скажу и тебе. Сперва расскажешь мне все о своей жизни, потом ответишь на мои вопросы. После этого я дам тебе испытание. Если сможешь пройти через все это — стану цветком твоего сада.

Бехруз ей все о себе рассказал, ничего не утаил. Когда он кончил, Мей-Куй стала задавать ему вопросы.

* * *

В этом месте иные сказочники рассказывают, что, когда дочь китайского императора задала ему вопросы, Бехруз попросил сорок дней отсрочки для ответа. Она разрешила, он вышел из дворца и отправился искать птицу Симуург Премудрый*. Ему сказали: «Симуург Премудрый живет на краю света, на горе Каф**». Пришлось ему надеть железные сапоги, взять железный посох и пойти к горе Каф. День и ночь шел. Дошел до Кашмира. Там, в долине, приглянулся ему высокий кипарис, он решил под ним отдохнуть. Только положил голову на землю, сразу вскочил от птичьего щебета и видит: на одной из ветвей дерева гнездо, а в гнезде — птенцы Симуурга. Огромный змей ползет вверх по дереву и хочет этих птенцов проглотить. Бехруз пожалел птенцов, выхватил меч из ножен и рассек змею живот. Потом спокойно заснул под деревом. Между тем Симуург прилетел, увидел под деревом спящего человека и сразу подумал, что

* С и м у р г — легендарная птица.

** Г о р а К а ф — мифическая горная цепь, которая по мусульманским представлениям окружает землю.

это враг его птенцов. Полетел, взял в когти большой камень и хотел бросить его с высоты на голову Бехруза, но птенцы завопили:

— Не бросай! Он нам не враг! Он ведь уничтожил нашего врага!

Симург обрадовался и стал ждать, когда Бехруз проснется. Когда же тот проснулся, Симург его спросил:

— Говори, чего ты хочешь за то доброе дело, которое ты совершил?

Бехруз ответил:

— Если можешь, подними меня в воздух и отнеси на гору Каф. Мне надо там повидать птицу Симург Премудрый и кое о чем ее спросить.

Симург согласился, поднял Бехруза в воздух и опустил на землю на горе Каф перед Симургом Премудрым. Бехруз спросил у него все, о чем спрашивала Мей-Куй, получил на все вопросы ответы, снова сел на Симурга и вернулся поскорее в Китай, так как сорокадневная отсрочка уже истекала. Прямо с дороги явился к Мей-Куй — пусть она, мол, спрашивает, что хочет.

* * *

Первый вопрос был такой:

— Скажи-ка, без чего ни одно растение, ни одно животное, ни один человек не могут жить? Мало этого — оно дает жизнь, много этого — оно убивает.

Бехруз ответил:

— Это вода.

Тогда она спросила:

— Что такое: сколько ни несетя, никуда не приходит?

— Это ветер,— отвечает Бехруз.

Она опять спрашивает:

— Что такое: каждая частица этого дает рост, а сама меньше не становится?

— Земля.

Мей-Куй еще спрашивает:

— Что такое: как его ни много, а станет меньше, потом совсем исчезнет?

Отвечает:

— Огонь.

Она опять спрашивает:

— Какой это город построен из четырех вещей и стоит на двух столбах? В нем есть властелин, а у властелина — два смотрителя. В верхнем квартале города — семь ворот и один сторож, есть там еще два доносчика и двое караульных?

Отвечает:

— Город — это человек, который создан из воды, воздуха, земли и огня и стоит на двух ногах. Душа — его властелин, смотрители — два глаза, верхний квартал — голова, семь ворот — семь отверстий глаз, ушей, носа и рта, сторож — разум, который оберегает человека от дурных поступков, два доносчика — два уха, два караульных — две руки, которые охраняют тело.

И еще раз она его спросила:

— Кто друг человека, который не имеет языка, не ищет превосходства и прямо в глаза говорит хорошее и плохое?

Бехруз отвечает:

— Зеркало.

О чем она ни спрашивала, на все получала ответы. В конце концов она сказала:

— Молодец! Хорошо на все ответил, теперь еще тебе осталось завтра и послезавтра пройти через два испытания. Сейчас уходи, а завтра придешь.

Бехруз ушел и на следующий день пришел снова. Видит: девушка сидит на троне и ничего не говорит. Служанка, которая стояла около трона, ему объяснила:

— О шахзаде! Сегодня тебе будет такое испытание: Мей-Куй будет молчать и ничего не скажет, пока на небе не взойдет первая звезда. Если есть у тебя доблесть, сделай что-нибудь необыкновенное, чтобы Мей-Куй по собственному желанию заговорила, промолвила хоть одно слово.

Бехруз ничего на это не ответил. Прошло немного времени, и он сказал:

— Послушай, служанка, тебе говорю, к тебе обращаюсь, у тебя спрашиваю. Выслушай этот рассказ и рассуди по правде и справедливости.

— В некие времена три друга, столяр, портной и дервиш, отправились вместе в дальнюю дорогу. Они хотели побывать в разных городах, повидать то, на что стоит посмотреть. Шли они, шли и пришли в темное и страшное ущелье. Очень они устали и

решили там заночевать. После ужина дервиш сказал:

— Друзья! Я больше вашего видел и слышал в жизни, и я вам наверное скажу, что здесь водятся воры. Нам надо по очереди караулить ночью наши вещи. Давайте разделим ночь на три стражи, и в каждую кто-нибудь один из нас не будет спать и будет сторожить наши котомки, чтобы воры их не унесли.

Те двое согласились. В первую стражу должен был бодрствовать столяр, во вторую — портной, а в третью — дервиш. Два друга легли спать, а третий, столяр, остался караулить. Посидел он, посидел и стал клевать носом. Испугался, что заснет, и стал думать: «Как мне быть, чтобы не уснуть?» Догадался, вынул из котомки топор, рубанок, молоток и другие инструменты, срубил сук и выточил из него фигурку девушки, даже глаза и брови ей сделал. Пока он этим занимался, кончилось время его стражи. Он разбудил портного, а сам улегся спать. Портной с трудом проснулся, сидел заспанный. Потом стал понемногу дремать. Начал он думать, как ему быть, чтобы разогнать сон. Увидел то, что сделал до него столяр, и обрадовался. Вынул из своей котомки иголку, нитки, наперсток, ножницы, материю, раскроил по мерке той деревянной фигурке кофточку, юбочку и шаровары, сшил все это и надел на нее. Пока он с этим возился, кончилась его стража. Он разбудил дервиша, а сам лег спать. Дервиш проснулся и видит: столяр сделал из дерева человечка, а портной человечка одел в златотканые одежды. Пригляделся и увидел: оба они показали свое мастерство лучшим образом. Если бы кто-нибудь увидел издали, никогда бы не подумал, что это деревянная фигурка. Тут дервиш сказал про себя: «Хорошо бы было, если бы я смог дать ей еще душу. Тогда, чтобы лучше сторожить и не уснуть, я мог бы пока поучить ее полезным вещам, которые ейгодились бы в жизни». Прочел он заклинание, дунул на нее, и девушка ожила. Дервиш стал ее воспитывать и успел научить ее многим хорошим вещам, пока солнце не поднялось над горами, не заглянуло в ущелье и два его друга не проснулись.

Как они обрадовались, как они удивились, когда увидели девушку живой, чистой, целомудренной,

красивой, воспитанной и доброй! Но тут столяр стал спорить с портным. Каждый из них говорил:

— Эта девушка существует благодаря мне! Она моя!

А дервиш пока молчал.

Кончив рассказ, Бехруз обратился к служанке:

— Послушай-ка, тебя спрашиваю, если бы ты была дервишем, как бы ты рассудила, кому должна принадлежать девушка?

Служанка тотчас же ответила:

— Конечно, столяру! Ведь ему первому пришло в голову выточить ее из дерева!

Служанка еще договорить не успела, как Мей-Куй закричала:

— Не болтай глупостей! Девушка, конечно, должна принадлежать дервишу, который дал ей жизнь, научил добру и воспитал ее!

— Правильно! — говорит Бехруз. — Когда три друга пришли к самому справедливому судье, тот решил: девушка принадлежит дервишу.

Сказав это, Бехруз, собравшись уходить, встал с места, а Мей-Куй промолвила:

— Ты выиграл, заставил-таки меня заговорить! Завтра последний день испытаний, сейчас уходи, а завтра снова придешь.

На следующий день Бехруз пришел и видит: девушка одета в простые одежды, ни золота, ни украшений на ней нет, лицо даже не подкрашено. Как увидела она Бехруза, сказала:

— О юноша! Ты с твоей силой, ростом и стройностью можешь найти девушку лучше, чем я. В этом саду гуляет девушка, которая в сто раз меня красивее, пойдди, посмотри на нее из окна и возьми ее в жены вместо меня!

Бехруз не повернул головы, не посмотрел в окно и сказал:

— Может быть, на свете есть девушка, которая в тысячу раз красивее, чем ты. Но я тебя хочу взять в жены. Ведь сердце — не голубь, это голубь может каждый день сидеть на другой крыше!

Когда Бехруз произнес эти слова, дочь китайского императора без страха встала, обняла его за шею и молвила:

— Знай и ведай, что никакой девушки в саду не было. Я это сказала только, чтобы тебя испытать.

Братьям твоим говорила, но они оказались плохими. Как жаль, что с самого первого дня я не начала тебя испытывать!..

Короче говоря, пора нам кончать наш рассказ. Сообщили императору, что его дочь избрала в мужа Бехруза. Император разрешил им пожениться. Семь дней и семь ночей город был украшен, и все праздновали эту свадьбу. У императора не было сыновей, и он назначил Бехруза своим наследником, а так как у падишаха страны Хаверан не осталось сыновей, кроме Бехруза, он стал также наследником и в Хаверане. Через сорок дней после свадьбы Бехруз и Мей-Куй поехали в страну Хаверан, в город Нигаристан. Когда они проезжали мимо заколдованного замка, велели разрушить его стены, картины уничтожить, а для бедных людей построить дома. Потом они вступили на землю Хаверана. Тут все люди как один сказали: надо по всему миру распространить добрые обычаи любви и дружбы. Сломали все копья, перековали мечи на серпы. Любовь и мир установили повсюду, люди жили в покое, каждый занимался своим делом.

Кончилась сказка о заколдованном замке, которая много лет передавалась из уст в уста, пока сегодня не попала к нам и мы ее для вас не записали. И мы надеемся, что как в те времена люди добились исполнения желаний, так и вы тоже добьетесь.

Одежда, которую кто ни наденет — сто лет проживет

Было так или нет, в давние времена в некоем городе жил богатый купец. У купца был один-единственный сын, с которым мало кто мог сравниться по уму и способностям. Днем сын купца обычно гулял один в саду, а иногда садился на коня и ехал на охоту. Вернувшись с прогулки или охоты, он обедал, немного отдыхал и шел к своему учителю заниматься.

Однажды вечером в дом купца пришел незнакомый человек. По виду этого человека можно было предположить, что он многое повидал на своем веку и испытал всевозможные превратности судьбы.

Купец принял его ласково и велел подать угощение. Когда ужин был съеден и скатерть убрана, купец, его сын и гость облокотились на мягкие подушки и стали разговаривать.

Незнакомец между прочим сказал:

— Во время того путешествия, из которого я сейчас возвращаюсь, я попал по дороге в дремучий лес. Деревья в этом лесу тянулись вершинами до самого неба, а их ветви сплетались, образуя сплошной покров. На деревьях свили себе гнезда разные птицы. Они перекликались, каждая своим голосом и напевом, и как будто поверяли друг другу сокровенные тайны. В самой середине леса я наткнулся на красивую зеленую хижину. Заглянул туда. Там сидела на корточках древняя, сгорбленная старуха, и перед ней стоял небольшой ткацкий станок. Старуха вырывала из головы волосы и ткала из них мягкую, нежную ткань. Самое удивительное было то, что, сколько она ни вырывала из головы волос, на их месте сейчас же вырастали другие, еще белее и нежнее. Остолбнев от удивления, я долго смотрел на ее работу. Потом спросил у нее:

— Послушай, бабушка, для чего ты ткешь эту мягкую ткань?

Она подняла голову и ответила:

— Всякий, кто сошьет из этой ткани одежду и наденет ее, проживет сто лет.

Выслушал все это купец и задумался. Он любил жизнь и мирские блага и тут же решил любимым способом добраться до той старухи и купить у нее по любой цене несколько аршин волшебной ткани. Стал он спрашивать незнакомца:

— А далеко ли от нашего города тот лес? И в какой части леса стоит хижина старухи?

Незнакомец ответил:

— Лес в двадцати дневных переходах отсюда.

Купец сказал:

— Как бы там ни было, я сам поеду и добуду волшебной ткани.

В ту ночь купец не мог уснуть до утра и все думал о старухе и волшебной ткани. Как только взошло солнце, он сел на коня и поехал искать лес. Как ни старались сын и слуги купца отговорить его, не пустить — ничего не получилось. В конце концов один из слуг сказал потихоньку другим:

— Пусть себе едет. В лесу его сожрут хищные звери, и мы тогда спокойно поделим между собой его богатство.

Ехал купец, ехал, пока не доехал до леса. И с того времени, как вступил он в лес, вестей о нем больше не было. Прошел месяц, другой, третий со дня отъезда купца, и слуги уверились в том, что его разорвал в лесу тигр или барс. Они сели в кружок, поделили между собой имущество купца и стали бойко торговать на его деньги.

Увидел сын купца, что ему ничего не досталось и имуществом отца завладели слуги. Позвал он своего личного слугу и сказал ему:

— Пойди принеси мне поесть.

Слуга рассмеялся и ответил:

— Ваши распоряжения я больше выполнять не буду. До сегодняшнего дня вы были нашим хозяином, а теперь мы ваши хозяева и этот дом принадлежит нам. Живо вставай и гони овец на пастбище! Попаси их, а к вечеру возвращайся.

Сын купца посмотрел на слугу и скрепя сердце ничего ему не ответил. Он боялся, что, если станет он возражать, его убьют. Поневоле, опечаленный, выгнал он овец и пошел с ними на пастбище. А сыновья слуг пошли, забрали одежду, вещи и игрушки сына купца и стали играть и веселиться.

Когда наступил вечер, купеческий сын, утомленный и огорченный, пригнал овец домой, загнал их в хлев, съел скудный ужин и уснул в каморке, в которой раньше жил привратник. Проходили дни, недели, месяцы, и он, голодный, обиженный, должен был молчать и все сносить от распоясавшихся слуг. В конце концов чаша его терпения переполнилась, и он однажды решил оставить овец на пастбище и убежать в лес в надежде отыскать там отца или по крайней мере найти его кости.

Так он и сделал. Бросил овец на произвол судьбы и направился к лесу. День и ночь шел, ел траву, пил дождевую воду. Одежда его изорвалась, обувь изнасилась, лицо почернело от солнца. В конце концов, через немалое время, дошел он до того леса, облегченно вздохнул, вверился богу и вступил под сень деревьев. Долго он шел, а когда уставал, разыскивал какое-нибудь дерево с плодами, садясь под ним и ел плоды. Через день он дошел до

середины леса и увидел там зеленую лужайку, поросшую цветами. В северной стороне лужайки в тени большого дуба стояла красивая зеленая хижина. Страх охватил купеческого сына, и он спрятался среди деревьев. В это время женщина в белой одежде показалась с западной стороны лужайки и направилась к хижине.

Купеческий сын понял, что она здесь хозяйка, но удивился, почему она молода и красива. Вышел из-за деревьев и пошел ей навстречу. Поклонился, поздоровался. Женщина в белой одежде его спросила:

— Кто ты и как ты нашел сюда дорогу?

Купеческий сын рассказал ей все о себе и своем отце и в заключение попросил ее оставить его здесь, потому что дома он не может больше терпеть притеснений слуг. Женщина взяла его за руку, привела в хижину и сказала:

— Знай, сынок, что вот уже сто лет я живу на этом месте. Лесные звери все делают для меня: мелют муку, пекут хлеб, стирают одежду. Горя я не знаю и, благодаря этому волшебному платью, сотканному из моих волос, я до сих пор не состарилась. Как видишь, я осталась молодой, только волосы у меня побелели.

Тут купеческий сын поцеловал руку старой женщины, а она принесла ему ужин и накормила его. Потом он лег в углу хижины, но долго не мог уснуть. В середине ночи дверь хижины открылась, и вошел карлик, ростом не более аршина. Он поздоровался, а женщина в белой одежде его спросила:

— Что нового в лесу? Что слышно?

— Ничего нового нет,— ответил карлик.

Через минуту дверь открылась, и вошел заяц. Он поздоровался, а женщина его спросила:

— Что нового в лесу?

Он ответил:

— Ничего особенного нет.

Еще через некоторое время в хижину вошла большая лягушка. Женщина в белой одежде и ее спросила:

— Что ты сегодня видела, что слышала?

Лягушка ответила:

— Ничего я нового не видела и не слышала.

Тут в хижину вошла лиса, поздоровалась и села в уголку.

Женщина опять спрашивает:

— Откуда ты пришла? Что слышала, что видела?

Лиса ответила:

— Сегодня слоны взбесились, подрались, друг друга побили, поубивали.

Женщина в белой одежде сказала:

— Ну, это не так важно. Слоны в этом лесу постоянно дерутся.

Не успела она договорить, как в комнату вошла какая-то странная птица, поздоровалась и взлетела на спинку кресла женщины. Та ее спросила:

— Ну, а ты что скажешь? Где сегодня была, что видела?

Птица ответила:

— Сегодня я летала и слышала от птиц, что лесные джинны схватили купца, который хотел тебя разыскать, и околдовали его.

Женщина спросила птицу:

— Как же они его околдовали?

Та говорит:

— Он ехал на лошади, джинны его позвали, он обернулся, и они вылили ему на голову чашу заговоренной воды. Купец поддался чарам, потерял разум, забыл свой дом, прошлую жизнь, родной город и сына. Сейчас он ни о чем не думает и только день и ночь служит шаху джиннов. Рубит для него лес, пашет землю, сеет пшеницу, больше ни о чем не может думать.

Женщина в белой одежде спросила:

— А можно развеять чары и спасти его?

Птица сказала:

— Да, можно. Если кто-нибудь сможет на закате солнца подойти к этому купцу, три раза ударить его веткой, сорванной с того дуба, который растет около твоей хижины, и плеснуть на него водой из здешнего родника, чары с него спадут, и он освободится из лап джиннов.

Сын купца, когда это услышал, обрадовался и говорит про себя: «Я, уповая на Аллаха, освобожу отца от чар!»

Потом, успокоенный, он положил голову на подушку и уснул. На рассвете он проснулся, пошел к женщине в белых одеждах и пал к ее ногам с мольбой.

Она говорит:

— Что с тобой? Почему ты так тревожишься? Все, о чем попросишь, я тебе дам!

Тогда купеческий сын сказал:

— Прошлой ночью я слышал слова той птицы. Купец, о котором она говорила, что он в плену у джиннов, — мой отец. Разреши мне пойти, снять с него чары и освободить его. Мы оба будем тебе тогда служить.

Женщина в белых одеждах ему отвечает:

— Это все можно сделать.

Сказала, вышла из хижины, сорвала ветку с дуба и обратилась к лисе:

— Возьми этого мальчика и отвези его в страну джиннов.

Лисица подошла, купеческий сын сел ей на спину, и она быстро побежала. К полудню они прибыли в страну джиннов. Купеческий сын сошел с лисы и стал ходить среди полей пшеницы. Вдруг он увидел пахаря, сразу узнал в нем своего отца и радостно побежал к нему.

Подбежал он, поздоровался, а купец и внимания на него не обратил и продолжал пахать, как будто совсем не узнал своего сына. Тогда мальчик ему рассказал, что он вытерпел от слуг. Но отец пожал плечами и не сказал ни слова. Мальчик схватил его за полу и закричал:

— Идем же домой! За что ты на меня сердишься? Что я сделал? Я всегда был послушным!

А купец ему отвечает:

— Пойди прочь, я тебя не знаю, и тех слов, которые ты говоришь, тоже не знаю. Что такое дом? Кто такие слуги? Кто ты сам? Уходи и оставь меня в покое.

Купеческий сын понял: его отец заколдован и не виноват, что так говорит. Стал ждать вечера. Когда солнце начало клониться к закату, сын взял чашу с водой и дубовую ветку, ударил отца, который уже собирался возвращаться к джиннам, этой веткой и вылил на него воду. Внезапно подул сильный ветер, поднялась пыль и деревья закачались. Потом все успокоилось. Купец снова обрел разум, оглянулся вокруг и, как только увидел сына, бросился к нему, обнял, стал целовать и спрашивать. Сын рассказал отцу обо всем, что с ним

произошло, поведал о своем горе и несчастьях. Отец его приласкал, взял его за руки и сказал:

— Как же нам теперь добраться до хижины женщины в белых одеждах?

Тут подошла лиса и говорит:

— Садитесь оба мне на спину, и я вас доведу.

Они сели, лиса быстро побежала меж деревьев, и в полночь они были у хижины. Вошли они в хижину, видят — женщина в белых одеждах лежит мертвая на постели, а звери собрались вокруг нее и плачут. Лиса спросила, что случилось, а звери ей рассказали:

— Падишах джиннов пришел на закате, вырвал с корнем волшебный дуб и задушил женщину в белых одеждах. Он унес также всю белую ткань, которую соткала из своих волос та женщина. Он не хочет, чтобы эта ткань досталась купцу и его сыну. Он сказал:

— Человек не должен долго жить. Если он будет жить долго, порядок мира нарушится, мир скоро переполнится людьми и жить станет трудно. Люди должны приходить на землю постепенно, сколько-то времени жить, а потом уходить и давать место другим.

Вот потому-то он и убил женщину в белом, которая добрым колдовством соткала из своих волос волшебную одежду.

Купец и его сын выслушали этот рассказ, тяжело вздохнули, завернули тело несчастной женщины в ковер, вырыли в полу хижины яму и похоронили ее там. Из леса они отправились в свой родной город. Когда злые слуги узнали о возвращении хозяина и его сына, они захватили что можно было из денег и драгоценностей и убежали. А купец с сыном вернулись в свой дом и занялись торговлей.

Сказка о Малек-Джамшиде

Те, что ведут по порядку счет событиям, хранят в памяти разные истории и повествуют о прошлых временах, поведали нам, что жил-был некогда падишах. Он был очень богат, войско его было хорошо вооруже-

но, казна полна, а подданные довольны. И было у падишаха два везира, с которыми он советовался во всех делах. Был у падишаха и сын, наделенный всеми талантами, по имени Ахмад.

У первого везира тоже был сын, красивый, благовоспитанный и благородный. Звали его Малек-Джамшид. Сыновья падишаха и везира учились в одном мектебе и с самого детства так привязались друг к другу, что не хотели расставаться. Так продолжалось до тех пор, пока везир не покинул этот мир; на его место падишах назначил Малек-Джамшида.

После этого прошло еще немного времени, и сам падишах отправился в путь в тот мир, и его место занял Ахмад.

Новый падишах очень любил Малек-Джамшида, глотка воды не пил, не спрося его. Второй везир увидел, чем дело пахнет, и подумал: «Новый падишах во всем слушается этого юношу. А он-таки доведет меня до плахи! Не лучше ли раньше чем он возьмется за меня, самому разделаться с ним?»

И вот он выбрал подходящую минуту и обратился к падишаху:

— Быть может, падишах и сочтет мои слова корыстными, но я всем обязан покойному отцу падишаха и этому престолу и не могу молчать — иначе я отплатил бы черной неблагодарностью за добро.

Падишах посмотрел на него пристально и приказал:

— Говори, твоя доброжелательность доказана!

— Да не скроется от разума падишаха, — начал везир, — что часть эмиров присягнула Малек-Джамшиду, и они хотят свергнуть вас и возвести его на престол.

Лестью и красноречием этот везир внушил падишаху такие мысли, и тот пришел в ярость. На другой же день, как только вошел Малек-Джамшид, падишах взглянул на него и сказал:

— О Малек-Джамшид, ты — славный малый, и я многим тебе обязан, поэтому я не хочу убивать тебя. Собирайся и уходи из пределов моего царства.

Опустил Малек-Джамшид голову, и из глаз его покатились горячие слезы.

— О шах! — заговорил он. — Что же такое совершил твой покорный раб, чем так обидел тебя?

— О Малек-Джамшид, — отвечал шах, — за тобой нет никакой вины. Я просто хочу, чтобы не было тебя в числе моих подданных. Даю тебе сроку два дня — сегодня и завтра. Если же на третий день я увижу тебя здесь — прикажу отрубить тебе голову.

Случилось это зимней порой, когда все дороги были пустынные и люди, спрятав головы, словно черепахи, сидели по домам и не смели и носа наружу высунуть.

Когда Малек-Джамшид вернулся домой, к нему выбежала мать со всей семьей, и все стали расспрашивать его. Он рассказал, что случилось; огорчились домашние, но стали утешать его:

— Положись на Аллаха, ведь судьбу не переделаешь!

И Малек-Джамшид простился с родными, сел на коня и лютой зимой, когда люди не знали, как живыми остаться, выехал из дома в пустыню и погнал коня. Так он скакал навстречу превратностям судьбы и злему року, пока не въехал в лес. А лес был такой дремучий, что зимний ветер туда не проникал и зима будто отступила.

Малек-Джамшид отпустил коня, а сам дальше пошел пешком. Шел он, шел и остановился у высоченной чинары. Она была так могуча, будто доставала своими корнями до спины того быка, на котором держится земля, а верхними ветвями хлестала по лицу само небо. Удивительная была чинара! Ствол ее охватывало кольцо, а у корней протекал ручей. Малек-Джамшид остановился у дерева, стал рассматривать его и вдруг видит, что по ручью плывет красная распустившаяся роза. Малек-Джамшид поднял розу, хотел понюхать и почувствовал сильный аромат. Но тут он увидел, что ручеек принес еще одну розу. Не успел он схватить ее, как появилась третья роза, потом четвертая... Набралось всего семь роз. Подивился Малек-Джамшид, откуда могли взяться зимой свежие розы, обрадовался и решил: «Это бог послал их мне, чтобы я отнес их падишаху Ахмаду и вымолил у него прощение за свои грехи».

Собрал Малек-Джамшид розы и вернулся домой. Родные очень обрадовались его возвращению, а Малек-Джамшид положил цветы в вазу и отправился к падишаху, захватив с собой красивого раба.

А теперь послушай, что было с падишахом.

После того как он изгнал Малек-Джамшида по навету второго везира, стал он раскаиваться и огорчаться. Мать его заметила, что сын приуныл и затосковал, вошла к нему и спросила:

— Сын мой, да минует тебя горе во веки веков! Чем опечалена твоя благословенная душа?

И шах Ахмад рассказал обо всем своей матери.

— О свет моих очей,— заговорила мать,— ты совершил ошибку. Как же ты мог так поступить с таким везиром, как Малек-Джамшид, давние заслуги которого перед тобой хорошо известны? Ведь ты поверил клеветнику и не вникнул в суть дела. Да, боже мой, разве способен Малек-Джамшид на такие дела! Ты должен позвать его, одарить и повесить в сани.

Царь Ахмад как от дурмана очнулся и раскаялся в содеянном. Всю ночь он думал о том, как исправить ошибку и как найти Малек-Джамшида, если он уже уехал.

И вот, как только утром падишах вышел из своих покоев, он тут же столкнулся с самим Малек-Джамшидом, рядом с которым шел красивый раб и нес вазу с розами. Малек-Джамшид упал к ногам падишаха и стал просить прощения. Обнял его падишах, поцеловал в очи и усадил с собой. А между тем по всему тронному залу разлился аромат роз, и падишах сказал Малек-Джамшиду:

— Вот уже несколько дней, как ты их нашел, но они ничуть не завяли, напротив, они с каждым часом становятся свежее!

Все присутствующие вдыхали запах роз и радовались, а второй везир подумал: «Я-то хотел избавиться от него, а вышло так, что шах еще больше приблизил его к себе! Если падишах передаст ему мои слова, то мое дело кончено! Лучше всего придумать что-нибудь такое, чтобы его снова отправили в путь».

И везир заговорил:

— О шах! Какие чудесные розы! Но там, откуда их принесли, должны ведь быть еще. Если вместо семи роз достать девять, то можно будет положить по три цветка у каждой ступени трона. И от них будет благоухать весь этот зал.

— О Малек-Джамшид,— сказал на это шах.— Достань для меня еще пять роз!

Как придет он и увидит, что меня нет — так, может быть, и умрет с тоски. Но если он догонит и схватит нас, то тогда он с нами расправится. Вот уже три года, как он украл меня у родителей. Он каждый день убивает меня и снова оживляет, и я переношу эти страшные муки. Если ты избавишь меня от этих мучений, — жизнь за тебя отдам! Да благословит тебя бог, куда бы ты ни повез меня!

Малек-Джамшид посадил пери на своего коня и поскакал прочь. Скакал он, скакал, пока не доехал до городских ворот. И тут он вспомнил, что его послали за розами. Он прикусил палец от досады и задумался.

— Что с тобой, юноша? — спросила пери. — Почему ты кусаешь палец?

— О волшебница! Ведь падишах послал меня за розами, а я забыл их на краю бассейна. Что я отвечу падишаху? А вернуться я тоже не могу — боюсь дива.

— Не горюй, душа моя! — воскликнула пери. — Ведь эти розы выросли из моей крови. Знай же, что меня зовут Голехандан и Доррегерьян*. Я — дочь падишаха пери. Среди пери за целый век рождается только одна такая, как я — Голехандан и Доррегерьян. Когда я смеюсь — изо рта у меня падают розы, когда плачу — мои слезы превращаются в жемчужины. Какая же разница между розами, что получают от моего смеха и из моей крови?

Малек-Джамшид очень обрадовался такому обороту дела и возблагодарил Аллаха, отвез пери домой и оказал ей почести. Мать и сестра бросились навстречу им и начали расспрашивать о тяготах пути.

А Малек-Джамшид, не теряя времени, тут же позвал кадия, сочетался браком с пери, и исполнились его желания: на свадебном пиру пери засмеялась, и посыпались розы, которые были в тысячу раз прекраснее прежних роз. Малек-Джамшид послал эти розы падишаху.

Шах похвалил их и спросил второго везира:

— О везир! Ведь это удивительные розы! Роза, сорванная с куста, непременно завянет, а эти розы с каждым мигом все больше свежеют. В чем тут секрет?

*Голехандан означает «смеющаяся роза», Доррегерьян — «плачущая жемчужина».

— О властелин, — ответил везир, — слышал я, что у падишаха пери есть дочь Голехандан Доррегерьян, — не попала ли она к Малек-Джамшиду?

— Если это так, — сказал падишах, — я завидую ему. А ну, везир, придумай-ка что-нибудь!

— А ты пошли Малек-Джамшида куда-нибудь, — посоветовал везир. — А мы с тобой примем облик нищих, пойдем к его дому и разузнаем все.

И вот шах послал Малек-Джамшида по какому-то делу, а сам вместе с везиром в одеждах дервишей отправился к дому Малек-Джамшида просить милостыню. Пери захотелось сделать благое дело, она вышла к нищим с милостыней, а шах и везир, как увидели красавицу, так сразу и лишились разума.

— О везир, — зашептал падишах Ахмад, — придумай что-нибудь — я так влюблен, что не владею собой. Как нам быть?

— Все очень просто, — ответил ему везир, — убей Малек-Джамшида и завладей его женой.

— Нельзя же убить невинного, — возразил падишах, — нельзя обижать, не доказав вины.

— Да будет долговечной жизнь падишаха! — продолжал везир. — Я придумал. Объяви, что тебе нужны слоновая и китовая кость для украшения трона. Их можно раздобыть только в Индии, а на дорогу туда уходит шесть месяцев. Да и на обратный путь приходится шесть месяцев, значит, всего — целый год. А ты вели Малек-Джамшиду управиться за десять дней. Мы станем тут тебя уговаривать, и ты согласишься на сорок дней, но при этом объяви: «Если ты не исполнишь моего приказания, — я отдам твой дом, семью и жену другому, а выполнишь приказание — награжу как следует».

Падишах одобрил план везира, и на другой день, как только Малек-Джамшид показался в дверях тронного зала, падишах обратился к нему:

— О Малек-Джамшид! Ты — ключ ко всем моим затруднениям. Ты украсил мой тронный зал этими розами, но осталась еще одна вещь, которую ты должен раздобыть для меня.

— Что это такое? — спросил Малек-Джамшид.

— Мой трон не изукрашен, — отвечал падишах. — Мне нужно семь вьюков слоновой и китовой кости, чтобы мастера выложили его красивыми узорами.

— Повинуюсь,— сказал Малек-Джамшид.— Эти вещи можно добыть в Индии. Мне нужно для этого два года.

— Я не могу согласиться на такой срок,— перебил его шах.— Я хочу сегодня же! Ну, уж ладно, пусть будет десять дней, но если ты не привезешь за десять дней, то ты заслуживаешь наказания.

— О падишах! — ответил Малек-Джамшид.— Если хочешь наказать меня безвинного, то накажи, но раздобыть эти вещи и привезти их сюда можно только за два года.

— Ладно, я даю тебе двадцать дней,— возразил падишах.

Тут в разговор вступил везир:

— О падишах вселенной! Дай ему срок в сорок дней.

Тут везир стал лицемерно уговаривать шаха, а Малек-Джамшид так и стоял, не смея спорить. Он только сказал:

— Падишаху надлежит повелевать, мне — повиноваться покорно, а дела устраивает всевышний бог.

Падишах же снова обратился к нему:

— О Малек-Джамшид, если ты через сорок дней привезешь кость, я вознагражу тебя. А если ты не привезешь, я отдам другому твой дом, семью и жену. Я говорю это для того, чтобы ты приложил к этому делу все усилия.

Малек-Джамшид с печалью в сердце покинул царский дворец, пришел домой грустный и рассказал обо всем жене:

— Да будет моя жизнь жертвой за тебя! — воскликнула жена-пери.— Если ты захочешь — я сию же минуту уничтожу все его царство.

— Я обязан ему многим,— ответил Малек-Джамшид.— Я не хочу, чтобы он пострадал из-за меня.

Тогда жена написала подробное письмо к своим родителям и попросила раздобыть для Малека-Джамшида семь выюков слоновой и китовой кости. Потом надела она на палец Малек-Джамшида свой перстень, вручила ему письмо и сказала:

— Дальше, за той чинарой, где ты нашел розы,— лежит степь, которая кончается у подножья горы. На той горе есть пещера, а вход в нее покрыт пеплом. Из пещеры выскочит дракон и начнет

изрыгать пламя, но оно не спалит тебя, так как с тобой мой перстень. Потом дракон захочет проглотить тебя, но, как только он притянет тебя к себе, ты покажи ему этот перстень. Тогда он перевернется через голову и превратится в старуху. Старуха будет очень ласкова с тобой и скажет: «О, юноша, да будет моя жизнь жертвой для тебя, где хозяйка этого перстня?» А ты отвечай: «Хозяйка перстня — Голехандан Доррегерьян — находится у меня. Ее украл див, а я убил дива и освободил ее. Она послала меня к тебе, своей няньке, с поклоном, чтобы ты отвела меня к ее родителям и родственникам. Я им также передам ее поклоны и приветы и получу то, о чем просит их дочь».

— Этот дракон, — продолжала жена Малек-Джамшида, — моя няня. Див украл меня из ее дома, и вот уже три года, как она разыскивает меня.

Малек-Джамшид простился с женой, сел на коня и поехал к лесу. Разыскал он гору и увидел дракона, который ударился оземь и превратился в старуху.

— Где хозяйка перстня? — спросила няня.

Малек-Джамшид рассказал ей подробно обо всем. Няня поклонилась ему низко и сказала:

— Приятную весть принес ты мне! Ты вдохнул жизнь в мои старые кости — такого подарка всевышний бог еще не делал никогда и никому. За сто лет среди пери только раз рождается Голехандан Доррегерьян! Она досталась тебе — так знай же, кто она такая!

Малек-Джамшид поклонился старухе до земли, а она отвела его к родителям жены. Жена падишаха пери и семь ее сестер ласково встретили Малек-Джамшида и подарили ему много рубинов, жемчугов и букетов из цветов Ирема*. Мать и сестры обратились в птичек и полетели навестить Голехандан Доррегерьян. Они все очень обрадовались, увидев друг друга, пробыли вместе семь дней, а потом простились и улетели.

Тогда жена сказала Малек-Джамшиду:

— О душа моя, сиди теперь дома, пока не истечет сорок дней, и отдыхай себе.

И он пробыл все это время дома, пока шах

*И р е м — легендарный райский сад.

Ахмад считал дни. Вот пришел к концу сороковой день, и он отправил посыльного посмотреть, не вернулся ли Малек-Джамшид. Посыльный прибыл к дому Малек-Джамшида и стал расспрашивать. Разузнав все, он доложил падишаху:

— Ко дворцу падишаха подъехал Малек-Джамшид с семьей верблюдами, груженными слоновою и китовой костью.

Увидев Малек-Джамшида, падишах похвалил его, но в душе огорчился и растерялся: «Что бы это такое сделать, как мне избавиться от него?»

И он обратился к везиру:

— Что теперь придумать? Я уже не могу более терпеть!

— Пери находится у него в подчинении, — ответил везир, — и какое бы трудное дело ты ему ни поручил, он легко его выполнит. Но я кое-что придумал, и если Малек-Джамшид не откажется это сделать и повинуется, то его дело кончено.

— Что же это такое?

— А вот — как только завтра утром встанешь, скажи: «Ночью я видел во сне своего отца. Он стал упрекать меня: «О сын, вот уже давно мы ничего не знаем друг о друге. Пришли ко мне человека, которому можно доверять, я ему скажу кое-что, а он передаст тебе». — «Кто же может быть этим достойным доверия человеком?» — спросил я. «Только Малек-Джамшид и никто больше, — ответил отец. — Пошли его ко мне, я ему скажу кое-что». — Если Малек-Джамшид повинуется тебе, — мы добьемся своего, но если он откажется, то тогда будет трудно что-нибудь сделать.

— Посмотрим, — сказал падишах, — может, он и согласится.

На другой день Малек-Джамшид вошел к шаху.

— О Малек-Джамшид, — обратился к нему царь Ахмад. — Ты не раз клялся, что сложишь голову ради меня. Вот теперь ты и принеси мне вести с того света через сорок дней. Разузнай, что там хочет передать мне отец. О Малек-Джамшид, если ты любишь меня — выполнишь это поручение.

Несчастный Малек-Джамшид не смог отказаться и ответил:

— Дело падишаха — повелевать. Дай мне время проститься с матерью и родными.

Получив разрешение, он удрученный вернулся домой. Жена спросила, чем он так опечален.

— Обрекли меня на смерть! — отвечает он. — Падишах говорит, что видел во сне своего отца и тот-де требует меня к себе, чтобы передать через меня какие-то там вести. Он хочет отделаться от меня и посылает на тот свет.

— Не горюй, о душа моя, — стала утешать его жена, — ведь я захватила с собой кувшин дива. Я могу хоть сейчас уничтожить все царство этого коварного падишаха. Но я решила сделать так, что все подданные обрадуются его свержению. Ты потерпи, снеси боль от раны — я снова оживлю тебя и пошлю «хорошую весть» падишаху.

— Повинуюсь, — сказал Малек-Джамшид и отправился к падишаху.

Царь велел глашатаям кричать: «Малек-Джамшид отправляется на тот свет — у кого есть вести к усопшим, пусть сообщат ему!»

И вот собрался народ. Палач отрубил Малек-Джамшиду голову, а раб отнес его труп домой. Друзья и враги плакали над его участью, а везир позабыл при этом об окружающих, и у него вырвалось:

— Слава Аллаху, Малек-Джамшид не смог избежать этой беды!

Падишах, услышав везира, возразил:

— Он пожертвовал ради меня своей жизнью. Но как бы там ни было, а его нет. Будем ждать сорок дней, пока не истечет срок траура по Малек-Джамшиду, а потом пошлем сватов к пери.

Когда труп Малек-Джамшида внесли в дом, мать и сестры его начали плакать и причитать. Невестка-пери стала утешать их, принесла доску, положила на нее труп, приложила голову к туловищу, вытащила из сундука зеленый кувшин и подошла к изголовью покойника.

Смотрят мать, сестры и служанки и видят: полила пери из кувшина воды на рану и сказала:

— Оживи благодаря чуду пророка Сулеймана, да будет мир над ним!

И правда: Малек-Джамшид тут же ожил и вскочил.

Мать и сестры поклонились ему до земли и стали целовать ноги невестке-пери.

А она обняла Малек-Джамшида и воскликнула:
— О душа моя! Проведи сорок дней, веселясь и наслаждаясь, но не попадайся на глаза шаху и везиру.

А потом она написала почерком покойного падишаха: «О сын! Почему ты забыл меня? Малек-Джамшид — твой посланец — был у меня и видел, как я живу тут. Истинная власть и слава — только здесь. Когда Малек-Джамшид прибудет к тебе, — уступи ему свое место и приходи сюда. Я очень соскучился по тебе и не буду ждать больше недели. Возведи на трон Малек-Джамшида, а сам приходи сюда, и я отдам все, чего только не пожелает твоя душа. Знай же, что это я отдал Малек-Джамшиду в жены пери, а все твои прихоти и желанья исполнятся здесь. Обязательно приведи с собой и второго везира, я отдам вам все, что вы хотите, чтобы ты возвысился среди других юношей. Да будет мир тебе!»

Когда прошло сорок дней, падишах сказал везиру:

— Уже истекло сорок дней — давай пошлем за пери!

— Сначала пошлите слуг, — предложил везир, — чтобы люди не порицали вас. Пусть они спросят, вернулся ли Малек-Джамшид. Он убит и, конечно, не воскреснет. Когда слуги получают ответ, что он не вернулся, тогда посылайте сватов и забирайте пери. И никто не скажет о вас дурного слова.

И падишах отправил верхового с наказом:

— Пойди, посмотри, не вернулся ли Малек-Джамшид с того света?

«Ну и глупый же человек наш падишах», — подумал посланный, но все-таки поскакал к дому Малек-Джамшида. Приехав, он закричал, и на его крик вышел сам Малек-Джамшид. Остолбенел гонец от удивления и подумал: «Падишах-то, оказывается, знал, что он воскреснет! Поэтому он и послал меня».

И он вместе с Малек-Джамшидом поехал к падишаху. Как увидели падишах и везир Малек-Джамшида, побледнели, помертвели. Произнес Малек-Джамшид молитву во славу падишаха, а тот спрашивает:

— О Малек-Джамшид! Какие вести ты принес от моего отца?

Малек-Джамшид поцеловал землю и вручил

шаху письмо от имени отца. Падишах, увидев печать и почерк своего отца, пришел в замешательство, потом поцеловал письмо и приложил его к глазам. Прочитал он письмо, тут же усадил Малек-Джамшида на трон и обратился с речью ко всем, кто был в зале:

— О люди! Воины и подданные! До моего возвращения считайте своим падишахом Малек-Джамшида и не уклоняйтесь от повиновения ему.

Затем он призвал палача и сказал везиру:

— Отец зовет нас к себе. Поторопитесь, палач!

Палач отрубил им обоим головы, и их похоронили.

А Малек-Джамшид велел бить в литавры несколько дней и ночей и украсить город. Потом он взойшел на трон и прожил долгие годы с Голехандан Доррегерьян.

А эта сказка осталась памятью о них.

Книга — зеркало мира

Было ли так или не было, а жил в былые времена в одной деревне крестьянин с женой Сетаре. Рос у них один сын, мальчик по имени Бу-Али. Этот мальчик не занимался никаким делом, а только читал и писал. Отец и мать все время твердили ему: «У всего есть своя мера — нельзя так много читать и писать!» Но мальчик пропускал это мимо ушей и не поднимал головы от книг.

Не исполнилось ему и двадцати лет, когда умер его отец. Одна мать стала следить за Бу-Али и заботиться о нем. И вот однажды мать сказала ему:

— О сынок, глаза мои уже плохо видят, скоро я ослепну. Да и жить мне осталось недолго: пройдет два-три года, и меня не станет. Очень мне хочется найти тебе невесту и сыграть твою свадьбу! Скажи, кого ты хочешь в жены, я пойду и посватаю ее тебе.

— Ни одна из девушек, которых я видел и знаю, — ответил Бу-Али, — не имеет в моих глазах никакой цены, потому что все они — глупы и ничего не знают. Если ты хочешь, чтобы я женился, чтобы успокоить твое сердце, — иди и сватай за меня дочь

нашего падишаха. Я слышал, что она и красивая, и ученая, и смышленная!

— Сынок, что ты болтаешь? — взмолилась мать Бу-Али. — Падишах отдаст свою дочь тому, у кого по голове и шапка, тому, у кого есть именье и богатство. Таких, как ты, он и близко не подпустит.

— У меня, — ответил Бу-Али, — богатства больше, чем у кого бы то ни было. Сокровища или деньги может украсть вор или им просто придет конец, но к тому богатству, что есть у меня, не подберется ничья рука, никакими силами нельзя его отнять у меня. Если же я отдам часть своего богатства кому-нибудь, то от этого оно не уменьшится, а умножится.

Словом, долго они препирались и спорили, и наконец Бу-Али уговорил мать и отправил ее во дворец падишаха сватать его дочь.

В саду перед дворцом лежали две большие каменные плиты. Тот, кто хотел видеть падишаха, приходил и садился на одну из этих плит. Один камень был предназначен для бедняков. Они собирались ко дворцу, садились на него, и падишах давал им деньги и одаривал их.

Другой же камень был для вельмож города, которые садились на него, когда хотели повидаться с падишахом или же посватать его дочь.

Старуха пошла и села прямо на камень для вельмож. Увидел это падишах и решил, что она случайно села на камень вельмож. Он велел слуге:

— Иди, дай той старухе что-нибудь и скажи ей, чтобы она больше не садилась на этот камень. Если ей нужно что-нибудь от меня, пусть садится на камень для бедных. Разве она не знает, что этот камень для вельмож и богатых или камень для свах?

Старуха пришла домой и рассказала сыну все, что видела и слышала, Бу-Али и говорит:

— Почему ты не сказала падишаху, что пришла не милостыню просить, а дочь его сватать?

— Постеснялась, сынок, — отвечает старуха, — смелости не хватило!

— Возвращайся туда и скажи, для чего ты пришла! — сказал матери Бу-Али.

Старуха опять пошла и села на камень для вельмож и сватов.

Увидел это падишах, рассердился и спросил слугу:

— Разве ты вчера не дал денег старухе и не сказал, чтобы она не садилась на этот камень?

— Как не сказать? Сказал, — ответил слуга.

— Тогда пойди и спроси, — приказал падишах, — что ей надо и почему она сидит на этом камне?

Слуга подошел к старухе и передал ей все, что сказал падишах. А старуха отвечает:

— Я не бедная и пришла не для того, чтобы просить милостыню. Я пришла сватать дочь падишаха за моего сына!

Как услышал это падишах, разгневался и закричал:

— О Аллах, какие злосчастные дни настали! Каждый проходимец, каждый бродяга приходит сватать мою дочь за какого-нибудь голодранца и голоштанника!

И приказал слугам:

— Идите и прогоните старуху оттуда, побейте ее хорошенько, чтобы в другой раз не бесстыдничала и не дразнила!

— Избить старую слабую женщину — потерять свое счастье, — сказал падишаху его везир. — Лучше пригласи ее, поговори с ней и поставь трудные условия, как говорят, подбрось на ее дорогу такой камень, какого она не сможет поднять. Так ты и откажешь ей.

Падишах согласился, приказал привести к нему старуху и сказал ей:

— Я отдам свою дочь только тому, кто учнее и мудрее всех, кто может пришить небо к земле — кто знает «Книгу — зеркало мира»!

Старуха вернулась домой и рассказала все сыну, Бу-Али и говорит:

— Иди, скажи падишаху, что через сорок дней я пришью небо к земле и принесу ему «Книгу — зеркало мира».

— Допустим, что ты добудешь «Книгу — зеркало мира», пришьешь небо к земле! — возразила мать Бу-Али. — Но скажи, откуда ты достанешь деньги? В твоём кармане должно быть хоть несколько монет, чтобы купить леденцов и сладостей, а ведь

на свадьбе еще полагается осыпать деньгами невесту!

— Ничего, матушка, — отвечал Бу-Али, — что-нибудь придумаю!

На следующее утро Бу-Али вышел из городских ворот и направился в пустыню. Шел он несколько дней и ночей и наконец добрался до подножия одной горы. Он еще раньше знал, что на вершине этой горы сидит человек-див, который знает все премудрости и науки, и у него есть «Книга — зеркало мира».

Бу-Али взобрался на вершину горы. Человек-див в это время лежал под деревом. Он увидел Бу-Али и спросил:

— Для чего ты пришел сюда?

— Я заблудился, — отвечал Бу-Али, — умираю от голода и жажды! Увидел я эту гору и деревья на ее вершине и решил: «Пойду-ка, напьюсь воды, может, как-нибудь раздобуду немного хлеба, чуточку отдохну и приду в себя».

Див-человек поверил словам Бу-Али и сказал:

— Хорошо, сегодня можешь переночевать здесь, а завтра уйдешь!

Бу-Али согласился и проспал ночь там, на вершине горы. Когда наступил день, див-человек сказал Бу-Али:

— Днем я всегда сплю здесь. Если хочешь остаться здесь — оставайся, а хочешь уйти — уходи!

— Сегодня уж я останусь здесь, — сказал Бу-Али, — а завтра пойду!

Див-человек тут же заснул. Бу-Али вошел в его комнату, взял из-под головы дива «Книгу — зеркало мира» и начал читать. А в этой книге была бездна знаний и заклинаний. Он тут же запомнил одно из заклинаний, приложил его к делу и в одно мгновение очутился у городских ворот. В это время див-человек проснулся и видит: нет книги! Оглядел он степь, но и там не нашел Бу-Али. Понял он, что юноша узнал одно из заклинаний и таким образом добрался до города, и отправился следом.

А Бу-Али пришел прямо к себе домой и сказал матери:

— Встань-ка и займись делом! Я сейчас превращусь в красивого оленя, а ты поведешь меня во дворец падишаха. Когда шахзаде увидит оленя,

он сразу захочет купить его. Ты продашь меня за пятьсот ашрафи, а этих денег хватит и на покупку леденцов и сладостей, и для того, чтобы осыпать невесту золотом на свадьбе!

Мать Бу-Али сделала все так, как велел ей сын: взяла оленя и пошла ко дворцу падишаха.

— За сколько продашь?

— За пятьсот ашрафи! — ответила мать Бу-Али.

Шахзаде тут же отсчитал пятьсот ашрафи, купил оленя, поручил животное одному из своих слуг и сказал:

— Иди и купи пять манов изюма! Я слышал, что олени любят изюм.

Слуга пошел, купил изюму, шахзаде набил им карманы и стал целыми пригоршнями кормить оленя.

А теперь послушай, что сделал див-человек. Он пришел в город и давай рыскать по всем углам, чтоб найти Бу-Али в любом облике, какой бы тот ни принял. Наконец див вышел на улицу, где находился дворец падишаха, и еще издали узнал в олене Бу-Али. А Бу-Али обернулся, увидел, что приближается див, и притворился, что ему хочется изюму. Ткнулся олень мордой в карман шахзаде, просунул туда голову и вдруг стал уменьшаться, пока его шея, ноги, туловище и хвост не очутились в кармане. Шахзаде растерялся, остолбенел от удивления, стоит и понять не может, как это могло случиться? А тут из его кармана выпорхнул вдруг воробей и взлетел в небо. Див сначала тоже растерялся: куда же это мог улететь Бу-Али и как его теперь найти? Потом превратился в ворона, взлетел в воздух, сел на дерево и стал оттуда высматривать, за карнизом какого дома скрылся воробей. А воробей, как только увидел ворона, полетел к своему дому, ударился оземь, принял человеческий облик, вошел в дом, взял «Книгу — зеркало мира», и отправился во дворец к падишаху. А тот день был последним из сорока условленных дней. Увидел падишах «Книгу — зеркало мира», удивился.

— Где, когда и как ты достал эту книгу? — спросил он Бу-Али.

Бу-Али все рассказал падишаху.

— Кому же, как не тебе, я могу отдать свою дочь! — воскликнул падишах.

И они устроили свадебное празднество: украсили

на семь дней город, и все люди пили, ели и веселились.

Вот так и отдали девушку за Бу-Али.

А див-человек, который был все еще в облике ворона, как увидел, что Бу-Али не расстается с «Книгой — зеркалом мира» и не выпускает её из рук, понял, что ничего не сможет поделаться, и отчаялся. Он так и остался вороном, и с тех пор он сам и дети его живут на деревьях, на крышах домов. Они все ищут «Книгу — зеркало мира» и при этом каркают, но придумать ничего не могут!

Наша сказка пришла к концу, а желанье ворона так и не исполнилось.

Сказка о лиловой бане, лиловом городе и Масуде

Те, кто ведет счет событиям, хранители разных историй и сладкоречивые попугаи рассказывают, что жил некогда в Самарканде богатый и состоятельный купец по имени Саид. Был у него сын — Масуд, разумный и рассудительный юноша. Он был очень искусен в музыке, умел петь на разные лады и слагать красивые бейты*. И вот Масуду исполнилось восемнадцать лет. Он проводил время со своими друзьями и сверстниками, но когда видел он какого-нибудь купца или странника, то непременно заговаривал с ним и расспрашивал о чудесах и диковинках мира.

Как-то вечером Масуд созвал к себе разных путешественников и завел с ними беседу. Каждый рассказывал о том, что он видел и слышал, странствуя по свету. Один купец, сидевший среди гостей, повел такую речь:

— Собирался я как-то отправиться из Эфиопии через Занзибар в Египет. Проезжали мы один город, который зовется «Лиловым», потому что жители его ходят в лиловых одеждах. В этом городе есть баня, которую тоже называют «Лиловой» баней. Если прислушаться, стоя у входа в баню, то можно услышать пение — будто поют несколько человек хором. И никто еще не выходил из той бани

* Бейт — двустипие.

невредимым. Пусть войдет туда сто, двести человек, все выйдут в лиловых одеждах, и ни один не может слова вымолвить. А если кто-нибудь из побывавших в бане захочет покинуть город — у него перехватывает дыхание, ноги начинают заплетаться, и он не может ступить и шагу. Чуть живой, несчастный возвращается в город и понемногу приходит в себя, но так и остается немым. Я сам был у этой бани и слышал пение. В этом городе живет всего человек двести вернувшихся из бани. Они бродят по городу, едят и пьют, но разговаривать не могут.

Как выслушал Масуд купца, так сразу ему захотелось посмотреть на эту баню. На другой день пришел он к отцу и стал говорить:

— Отец, я хочу постранствовать по белу свету; посмотреть на разные чудеса и диковинки.

— О, сокровище души моей,— молвил тот,— Аллах так одарил меня, что нет тебе надобности странствовать.

— Я хочу повидать свет,— возразил сын.— Хотелось бы мне отправиться с твоего разрешения, но знай, если ты не разрешишь мне, я все равно уйду.

— Если ты так настаиваешь, сын мой, то я разрешаю тебе,— сказал отец, собрал для Масуда партию товара и поручил его своему верному рабу Зираку.

И вот Масуд оставил родной город. Переходил он от стоянки к стоянке, из долины в долину, наслаждаясь чудесами мира, и, где бы ни приходилось ему останавливаться, он везде расспрашивал о Лиловом городе.

Наконец Масуд прибыл в желанный Лиловый город и остановился в караван-сараяе. На другой же день пошел он бродить по базарам и улицам и осмотрел весь Лиловый город. При этом он пытался заговорить с каждым встречным, но они лишь качали головой и не произносили ни слова.

Так Масуд дошел до центра города. Там он увидел баню, стены и двери которой были выкрашены в лиловый цвет. Он остановился у входа, прислушался и услышал звуки арфы, лютни и кануна*. Он вернулся в караван-сарай к Зираку и сказал:

— Я хочу войти в баню и испытать все наслаждения.

*К а н у н — музыкальный инструмент, напоминающий гусли.

— О счастье отца,— возразил раб,— что это ты придумал? Разве ты не слышал, что вошедший внутрь не выйдет оттуда невредимым? Выбрось из головы эту блажь. Здесь что-то неладно, а отец поручил тебя мне — что же я отвечу ему, когда вернусь?

Но сколько ни настаивал раб, Масуд не послушался, вышел из караван-сарая и зашагал по улицам. Зирак бежал следом за ним и взывал ко всем попадающимся навстречу прохожим:

— О люди! Этот юноша хочет войти в Лиловую баню! Остановите его!

И люди окружали их, пытаясь остановить Масуда, но тот ничего не слушал и продолжал свой путь, пока не очутился перед баней. Окружающие стали отговаривать его:

— О юноша! Откажись от этой ненужной затеи, ведь жаль, если ты погибнешь во цвете лет!

— Друзья! — отвечал Масуд. — Я ехал сюда из Самарканда, чтобы разузнать все об этой бане. Вы зря отговариваете меня, лучше помолитесь, чтобы исполнились мои желания:

Иль я мечту осуществляю и небосвод попру пятою,
Иль голову сломаю в борьбе,— но тайну эту я раскрою.

Короче говоря, он попросил у людей благословения, а Зираку сказал:

— Жди меня сорок дней. Выйду я — хорошо, не выйду — делай все, что тебе заблагорассудится. Ну, я пошел!

И Масуд открыл дверь бани и вошел со словами: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»*.

Очутившись внутри, он увидел бассейн, облицованный каменными плитами. Над бассейном был кран, из которого текла вода. Тут же стояли курси**, на курси были постланы ковры, а вокруг — ни души.

*Религиозная формула, которую мусульмане обязательно произносят перед началом всякого дела.

**К у р с и — низкий столик, покрытый одеялом или ковром. Под ним ставят жаровню с углями для того, чтобы греть ноги.

Масуд прислушался — изнутри доносятся какие-то голоса. Он разделся, обернул бедра куском ткани и вошел внутрь бани. Темным коридором прошел в предбанник, увидел там какую-то дверь и вошел в нее. Тут он услышал голос:

— Берегись, Масуд, ты поступил опрометчиво!

Масуд стал оглядываться по сторонам, но никого не увидел, а пение все слышится. И тут он раскаялся и пожалел, что вошел в баню. Попятился он назад, чтобы вернуться, а двери — нет как нет. Он так и остолбенел! Но тут увидел другую дверь и вошел в нее.

Это была уже сама баня с чаном горячей и бассейнами холодной воды. Посредине были четыре возвышения, а внутри каждого из них — водоем с теплой водой. И тут не было ни одной души.

Масуд окунулся в водоем с теплой водой и стал бродить по другим залам, но так ни с кем и не встретился. Тут открыл он какую-то дверь и увидел сад. Там росли, переплетаясь корнями, деревья Севера и Юга: сосны рядом с кипарисами. Под деревьями текли ручьи с ароматной, будто розовой, водой, а птицы на деревьях прославляли, каждая на свой лад, всемогущего владыку. Повсюду зрели диковинные плоды, цвели редкие цветы, а на ветвях деревьев распевали соловьи.

Масуд побродил немного в саду, поел фруктов и вдруг заметил дворец. Он вошел и увидел внутри другой дворец лилового цвета. Посреди дворцовых покоев на возвышении все было готово к пиру, но никого вокруг не было видно.

Масуд взял кувшин, наполнил пиалу вином, выпил и поел сладостей. Тут попалась ему на глаза свернутая скатерть. Он развернул ее и нашел внутри сдобные лепешки и несколько жареных кур.

Но сколько Масуд ни бродил по дворцу, он никого не встретил. Тогда поднялся он на крышу и стал осматривать окрестности, но опять никого не увидел. Он не знал, что и делать.

Пришла пора ужинать, и Масуд услышал звуки флейт, лютен и бубнов. Он перебрался поближе к краю крыши и увидел приближающихся девушек. Впереди шли музыканты с сазами, под звуки которых

танцевали три красивые девушки. Лучше всех была одна, прекрасная, как полная луна.

Девушки пошли во дворец, уселись, и началось веселье, а Масуд притаился в укромном уголке. «Вот кто, оказывается, играет на сазе в бане! — подумал он. — Но где же они были до сих пор, и нельзя ли мне присоединиться к ним? Ладно, потерплю-ка я и погляжу, что будет дальше».

— Принесите вино, — приказала самая красивая девушка, — и давайте веселиться, ведь к нам прибыл дорогой гость.

«Я — этот гость или кто-нибудь другой?» — подумал Масуд, но продолжал терпеливо ждать.

Одна из девушек стала исполнять обязанности кравчего и наливать всем вино. И тут самая красивая, когда очередь дошла до нее, взяла пиалу, выпила ее и сказала:

— Я пью эту пиалу за любовь к тому самаркандскому юноше, который испытал сегодня одиночество, а теперь голый сидит за дверью и смотрит на нас.

«Потерпи еще немного», — сказал сам себе Масуд.

Когда пошел уже третий круг, красавица воскликнула:

— Не знаю, почему он не входит. Может быть...

— А я потому не вхожу, — перебил ее Масуд, — что я раздет.

— Принесите юноше одежды, — приказала девушка.

Одна из девушек встала, вышла и вскоре вернулась с одеждой, и Масуд облачился в них. Вся эта одежда была лиловой.

«И ты превратился в человека в лиловых одеждах», — подумал про себя Масуд.

Потом чья-то рука схватила его и посадила у подножья трона красавицы, и повели они беседу. Масуд был сражен красотой девушки.

Так беседовали они всю ночь до утра, и до утра не прекращалась музыка и песни. Наконец девушка сказала:

— О Масуд! Близится утро — не поспать ли нам часок?

— Все в твоей воле, — отвечал Масуд.

— Юноша, — заговорила вновь девушка, — ты пробудешь у нас в гостях три дня, и все это

время мы будем исполнять любое твое желание. Выбирай любую из этих девушек!

— Я хочу быть вот с той,— указал Масуд на одну из девушек.

— Хорошо,— ответила красавица.— Иди, Сарв-наз, проводи с ним всю эту ночь.

Масуд и Сарвназ вышли из пиршественного зала и вошли в одну из комнат, где стояло ложе с разостланной на нем постелью. Девушка помогла Масуду снять одежды, уложила его и бросилась в его объятия. Она обвила его шею руками и прильнула устами к его устам...

Масуд погрузился в сон. Когда он проснулся, солнце поднялось над горизонтом на длину копья. Масуд вскочил, огляделся, но девушки и след простыл.

Целый день до вечера он бродил по саду, не переставая твердить: «О, какой это был сон! Потерять таких красавиц!»

Но едва он приблизился к тому месту, где прятался вчера, как снова услышал пение и музыку. Посмотрел он по сторонам и опять увидел девушек. Масуд обрадовался всем сердцем и направился к ним.

— Масуд,— спросила красавица,— ты не скучал один?

— Как не скучать! Но, слава Аллаху, все кончено — я снова вижу вас. Где же это вы были сегодня?

— Ах ты, невежа! — воскликнула девушка.— Твое ли это дело? Высечь его!

Масуда схватили, связали и высекли плетьюми. А девушка снова села на свое место, и Масуда привели под руки к ней.

— Начинайте пир,— приказала она.

Тут же принесли вина, и одна из девушек обратилась к красавице:

— О царица! Прости этого юношу, ведь он — наш гость.

— А почему он такой невоспитанный? — был ответ.

— О красавица! — заговорил Масуд.— Я поступил плохо, но впредь я буду осторожнее.

И девушка приказала развязать ему руки и усадила рядом с собой.

— Ну, Масуд, какую из девушек ты на этот раз желаешь?

«Надо быть умнее в эту ночь,— решил Масуд,— и не уронить своей чести, а не то опять попадет». И он выбрал девушку Голандам.

— Эй, Голандам,— обратилась к ней царица,— послужи-ка эту ночь Масуду и не обижай его, ведь он — наш гость!

Масуд и Голандам вышли из зала и вошли в комнату, где было постлано брачное ложе. «Я не засну этой ночью,— решил Масуд,— и буду до утра наслаждаться обществом этой девушки».

Но только опустились они на ложе, Масуд обнял девушку, прильнул устами к ее устам и тут же лишился сознания.

Когда Масуд пришел в себя, солнце поднялось над горизонтом на целых два копья. Открыл он глаза — в комнате уже никого нет.

Он проклял свою долю и вышел из дому. Сколько он ни бродил по саду, никого не встретил.

Раздосадованный и опечаленный, Масуд подошел к дворцу с твердым решением: «Пусть хоть убьют, а я не отстану этой ночью от самой красивой девушки. Я скажу, что желаю ее и, быть может, добьюсь своего».

Целый день эти мысли не покидали его, а вечером он снова услышал звуки сазов и выбежал к девушкам.

— Ну, Масуд,— спросила его красавица,— скажи, доволен ли ты этими девушками?

— Что мне сказать, о красавица,— ответил он,— со мною случилось то же, что с человеком, говорившим такие слова:

Несправедлива ты ко мне, но если мы с тобой вдвоем
И если вижу я тебя,— я забываю обо всем.

Они вошли во дворец, и потекла меж ними беседа. В полночь красавица сказала Масуду:

— О Масуд! Ты — наш гость, и этой ночью мы повинемся тебе. А уж завтра ночью мы будем поступать так, как сами захотим. Кого ты желаешь на эту ночь?

Масуд ответил стихами:

За милую готов я к смерти, я без нее не проживу,
Отдам я жизнь за имя милой, но все ж его не назову.

— Почему же нельзя назвать ее имя?— спросила девушка.

— Потому что я боюсь плетей,— признался Масуд.

Девушка засмеялась, а потом промолвила:

— Не бойся, говори!

— К чему слова,— ответил он,— когда все и так ясно.

— Может быть, ты желаешь меня?— спросила она.

Масуд только головой кивнул.

— Что ж делать?— сказала она.— Ты — наш гость, а гостя надо уважать. Эй, девушки! Собирайтесь и уходите, сегодня я сама останусь с Масудом.

Девушки покинули зал, а она раскинулась на троне и позвала его:

— Масуд, поднимись ко мне!

Масуд поднялся и сел перед ней. Девушка потянулась и прошептала:

— Масуд, погладь мне ноги!

Масуд, как увидел ее обнаженную ногу, так чуть было не лишился разума. Стал он ее гладить, а когда красавица заснула, Масуд осмелел, протянул руку повыше, потом сдернул покрывало и стал снимать с нее одежды. Но тут девушка открыла глаза и так ударила Масуда ногой в грудь, что он взлетел на воздух, словно птица, свалился с трона и лишился сознания.

Когда Масуд пришел в себя, оказалось, что он лежит в пустыне.

«Все кончено!»— воскликнул он, потом встал и двинулся в путь. Удрученный, с печалью в сердце он брел, сам не зная куда. Весь день до вечера и всю ночь до утра он бродил так, жаждущий и страждущий, и путь его был бесцелен: он так никуда и не пришел. Отчаялся он и возопил:

О боже, ты знаток людских скорбей,
И от тебя нет тайны у людей —
Изведал ты глубь мыслей сокровенных
Всех бедняков, гонимых, нищих, пленных,

Ты знаешь нужды всех страдальцев сам,
Зачем мне припадать к твоим стопам?
О, подари мне зеркало, в котором
Узрю я день грядущий ясным взором!

Произнес Масуд эту молитву и снова пустился в путь. На другой день он набрел на родник, поблагодарил бога, напился воды и присел на часок. Но голод так мучил его, что он не знал, как и быть. Тут он увидел, что к роднику идет старушка с двумя кувшинами. Она наполнила кувшины водой, поставила их на землю и обратилась к Масуду:

— Добро пожаловать, твой приход благословен:

Добро пожаловать, благословенный муж,
Я за один твой шаг отдам и сотни душ.

И старушка взяла Масуда за руку и повела за собой. Пройдя немного, они приблизились к какому-то дому, вошли в него, и Масуд увидел там прелестную девушку, прекраснее полной луны.

Красавица, увидев Масуда, вскочила с места, подошла к нему, обняла его, поцеловала в губы и сказала:

— Добро пожаловать, о душа моя:

Тебя, о шах дервишней, возжаждали уста,
Твой облик тешит сердце, чарует чистота!

Юноша и девушка поели вместе. Насытившись, Масуд поблагодарил бога и подумал: «Отсюда не следует уходить!»

Когда старуха вышла из дому, девушка сказала ему:

— О душа моя, жизнь моя! — С этими словами она обхватила его шею руками и стала шептать: — Торопись, насладимся вместе! — и притянула Масуда к себе.

«А может быть, она такая же, как и та девушка?» — мелькнуло в голове у Масуда, и он промолвил с испугом:

— О красавица! Не помышляй об этом — это нехорошо! Ведь может войти мать и наказать нас обоих.

— Что это за разговор? — возразила девушка. — Успокойся, мать не войдет! Торопись, займись своим

делом!— и с этими словами она сбросила с себя одежду.

Масуд посмотрел и увидел такое тело, что разум его померк.

На серебро похоже тело, и те, кто потерял добро,
Стоят с раскрытыми мошнами, чтоб в них упало серебро.

Масуд застыл, взирая на нее с упоением. Девушка протянула руки, притянула Масуда к себе, спросила:

— Что стоишь? Торопись!

«А что может случиться?» — подумал про себя Масуд, но ведь:

Когда пройдешь ты мимо правды, то в царство кривды ты
войдешь;

Когда ты женщине уступишь, ты сам на женщину похож!

И Масуд хотел было отвергнуть ее, но тут коснулся его ноздрей такой опьяняющий аромат тела, какого он никогда не чувствовал. Он потерял сознание и упал...

Когда Масуд пришел в себя, он был опять в пустыне. Он простонал:

Разве это любовь? Сколько бедствий, любовью таимых!
Лучше мне умереть, но не знать бы подобных любимых!

Спустя четыре дня Масуд, голодный и жаждущий, остановился у какого-то дома. У бассейна сидели мужчины и женщины и пили вино. Масуд приветствовал их, они ответили на его приветствие и пригласили его сесть рядом. А дом тот был сделан из лилового стекла, и все мужчины и женщины были одеты в лиловое.

Масуд подсел к ним, и один из мужчин распорядился:

— Принеси еды!

Какая-то женщина пошла и вернулась с едой. Масуд очень проголодался, быстро стал есть и скоро насытился. Тогда этот же мужчина сказал ему:

— О юноша, выпей вина и расскажи нам о себе!

Масуд рассказал подробно о всех своих злоключениях.

— Да, все это так!— подтвердил мужчина.— Выпей-ка еще вина, оно изгонит из твоего сердца тоску...

Масуд выпил немного вина, опьянел и упал. Когда он пришел в себя, то снова оказался в пустыне.

Он поднялся и пустился в путь. Несколько дней он бродил по той пустыне, потом увидел вдали какую-то гору. «На этой горе должна быть вода»,— решил он.

Приблизившись к горе, Масуд увидел стремяного, который держал за повод коня. Стремянный приветствовал его, а потом отдал повод в руки Масуда и сказал ему:

— Мой господин находится по ту сторону горы. Он послал тебе этого коня, чтобы ты поехал к нему верхом. У него есть дело к тебе.

Масуд сел на коня, ибо он очень устал. Стремянный бежал впереди, а Масуд скакал следом. Он чуть не падал с коня, а стремянный прыгал с одного склона горы на другой и наконец совсем пропал из виду.

Тут Масуд вцепился обеими руками в седло и стал было кричать, но конь встал на дыбы, прыгнул и так ударил Масуда оземь, что у него потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то снова оказался в пустыне, голодный и жаждущий. Четыре дня шел он, глядя по сторонам, и вдруг увидел вдали какой-то купол. Вошел он под свод купола и увидел там старца, читавшего евангелие.

Масуд обратился к нему с приветствием, а тот ответил:

— Добро пожаловать! Входи и садись!

Масуд сел, а старец расстелил скатерть, поставил перед Масудом хлеб, мясо и кувшин с холодной водой. Масуд сильно проголодался и съел все. Тогда старец стал расспрашивать его, и Масуд ответил:

Что говорить? Молчать за лучшее сочту!

Ведь страж при разуме — у нас язык во рту.

Но потом Масуд рассказал подробно о всех своих злоключениях. Старец стал утешать его и спросил:

— Какой ты веры?

— Я мусульманин, — ответил Масуд.

— А я христианин, — промолвил старец. — Чудеса, которые ты видел, — баня, сад, девушки, конь, стремянный, мужчины и женщины — все это чистое наваждение. Коль ты пришел ко мне, я тебе расскажу всю правду. Прошло вот уже семьсот лет, как Джемшид заколдовал эти места. Много людей дошло до этих мест, и я учил их, как распутать это колдовство. Но все они не выдержали испытания.

Помолчав, старец снова заговорил:

— О Масуд! Видишь вон ту гору напротив? Ты пройди мимо нее. Потом увидишь еще две горы, стоящие друг против друга. Когда ты минуешь эти горы, ты попадешь в город. Из города выйдут люди и начнут разгуливать по степи. Тут в небо взлетит сокол и сядет на твою голову. Тогда жители того города выберут тебя своим падишахом, поведут во дворец и посадят на престол. После всего этого к тебе подойдет везир и спросит: «Как быть с женами нашего прежнего падишаха?»

— Всего их — сорок, и ты вели показать тебе всех. Когда будет проходить последний десяток, ты увидишь среди них одну, которая ниже других ростом, но красивее всех лицом. Возьми ее себе. Если ты заснешь в ее объятиях или поцелуешь ее — ты потеряешь сознание, а когда придешь в себя, очутишься в Лиловом городе. На тебе будут лиловые одежды, и ты станешь нем. А если ты захочешь распутать это колдовство и достать заколдованные сокровища, то тогда, уединившись с этой женщиной, схвати ее за горло и задуши, чтобы самому спастись.

Масуд приготовился идти. Но тут старец сказал ему:

— О юноша! Побудь эту ночь со мной, ибо я умру на рассвете. Обмой меня, заверни в саван, схорони и тогда уж отправляйся.

И Масуд остался на ночь. Когда забрезжил рассвет, старец отдал богу душу. Обмыв и похоронив его, Масуд двинулся в путь. Он прошел горы, о которых говорил старец, и приблизился к городу. Там он увидел толпу людей. Тут подлетел сокол и сел ему на голову.

Тогда все люди бросились к Масуду и выстроились

перед ним. Эмиры, надимы* и другие чины стали представляться новому шаху.

— Оставайтесь все на своих местах, — приказал Масуд.

Придворные подвели коня, усадили на него Масуда, и он въехал на этом коне в город. Из всех домов выбегали люди и целовали ему руки.

На другой день везир сказал Масуду:

— О падишах! Да будет тебе известно, что у нашего прежнего властелина было сорок жен. Что прикажешь делать с ними?

— Приведи их ко мне по десять женщин кряду, я взгляну на них, — приказал Масуд.

И жен стали вводить по десять человек. Прошло три десятка. А когда проходили последние десять, Масуд увидел среди них одну женщину, невысокую, но красивую. Все было так, как предсказывал старец.

Масуд приказал отвести ее в гарем, а остальных отпустить на все четыре стороны. Тогда к падишаху подошел везир и сказал:

— О великий государь! Знай, что тот, кто будет иметь дело с этой женщиной, погибнет!

Но Масуд прикрикнул на везира, и тот замолк. А Масуд тут же встал, собирался было поцеловать женщину, но тут вспомнил слова старца-христианина. Он протянул руку, схватил ее за горло и стал сжимать пальцы, пока не задушил ее.

Тут в глазах у Масуда потемнело, и он увидел себя в раздевальне бани. Одежда его лежала рядом. Он оделся, вышел из бани и у дверей нашел своего раба Зирака и толпу людей. И тут он увидел, что все онемевшие люди, носившие лиловые одежды, расколдованы, стали такими, какими были прежде.

И жители города поняли, что волшебные чары уничтожены.

Весь город собрался у бани, чтобы узнать, кто уничтожил это колдовство. Указали на Масуда, и тогда падишах той страны оказал Масуду почести, пошел с ним к бане и попросил его рассказать о всех злоключениях.

Масуд рассказал подробно о своих бедствиях и

* Н а д и м — советник, приближенный шаха.

вошел вместе с падишахом в баню. Внутри ничего не оказалось, кроме нескольких камней. Вдруг Масуд увидел какую-то дверь. Взяли они свечу, открыли дверь и вошли внутрь. Это была большая комната, в середине которой стоял трон, на троне — гроб, а на гробу лежала плита. Масуд поднял плиту и увидел, что на ней начертано: «О ты, дошедший сюда! Знай, что это гроб сына Джамшида. Все чары идут от него. Под этим тронном находится подземелье, а в нем — клад. Сокровища клада будут принадлежать тому, кто снимет эти чары».

Прочли они это, сдвинули трон, подняли крышку подземелья и пробрались внутрь. Там они нашли сорок жбанов с червонным золотом и кованый сундук с драгоценными камнями и все это вынесли наружу.

Тут везир обратился к падишаху:

— Самым разумным будет выдать дочь падишаха за этого юношу. Он счастливый человек — бог оберегает его.

Падишах одобрил предложение везира. И вот стали готовиться к свадьбе. Устроили пир, позвали вельмож и сановников, ученых и праведных мужей, и падишах выдал свою дочь за Масуда, и стал тот шахским зятем.

После женитьбы Масуд отправил Зирака с богатыми дарами к отцу. Вскоре и сам он стал падишахом, прославившись справедливостью, правосудием и заботой о подданных. Родились у него дети, которые наследовали его в царствовании.

А сказка эта осталась памятью о них.

Шах и везир

В давние времена был один город, а в том городе жил некий шах, и была у него жена несравненной красоты. Падишах ее любил, и она тоже была к нему всем сердцем привязана. У падишаха был еще везир, завистливый и подлый. Везир задыхался от любви при виде жены падишаха, но не смел никому открыть эту тайну, потому что знал: если до падишаха дойдет это, — его изрубят на мелкие куски. Но он день и ночь думал о том, как бы устранить

падишаха, самому занять его место и соединиться с той женщиной.

Прошло некоторое время, и вот однажды в город пришел дервиш, который много повидал на своем веку и многое знал. Дервиш каждый день посреди городской площади устраивал сборища, собирал вокруг себя народ и выделял всякие штуки, так что люди прикусывали пальцы от удивления. Шаху доложили, что пришел некий дервиш и делает такие дела. Падишах позвал везира и говорит ему:

— Пойди посмотри, кто этот дервиш, что делает и что ему здесь надо.

Везир пошел, повидал дервиша, вернулся к падишаху и сказал:

— О падишах! Этот дервиш знает несколько фокусов, которыми добывает себе на хлеб.

Падишах сказал:

— Приведи его ко мне, чтобы я тоже посмотрел, что он там делает, какие штуки.

Везир пошел к дервишу и привел его к падишаху.

Увидел падишах фокусы дервиша и удивился, но ему сказал:

— Да ничего тут нет особенного, я лучше видел.

Дервиша это задело, он и говорит:

— Раз ты так думаешь, вели всем уйти из комнаты, и я тебе такое покажу, что до самого дня воскресения из мертвых будешь от удивления держать во рту палец.

— Выйдите все вон, — молвил падишах, и все вышли из комнаты.

Когда падишах и дервиш остались вдвоем, дервиш сказал:

— О падишах! Ты сейчас увидишь, как я выйду из своей телесной оболочки и войду в другую оболочку. Вели принести курицу, чтобы я смог это тебе показать.

Принесли курицу, дервиш ее задушил, потом вышел из своей телесной оболочки и вошел в тело курицы. Падишах видит: удивительно! Курица была мертвая — стала живая и начала кудахтать, а дервиш психолодел как мертвец и упал в углу комнаты.

Прошло несколько минут, и дервиш снова вышел из оболочки курицы и вошел в свою оболочку. Курица упала мертвая на землю, а дервиш ожил.

Падишах оцепенел от удивления, сказал «господи помилуй!» и начал упрашивать дервиша, чтобы тот за любую цену научил его делать эту штуку. Дервиш ответил:

— Дай мне за это большой кувшин золота.

Падишах согласился и дал дервишу большой кувшин золота. Дервиш сказал:

— Я ставлю еще одно условие. Ты никому не должен об этом говорить и никого не должен учить этому.

Согласился падишах, и дервиш научил его этому фокусу и добавил:

— Кувшин золота пришли мне ночью, когда совсем стемнеет, чтобы везир ничего не знал.

Падишах теперь, когда он всему научился, стал быстро входить то в одну, то в другую оболочку. Везир узнал об этом и догадался, что это дервиш его выучил. Ночью тайком послал он за дервишем и говорит ему:

— Что хочешь тебе дам, выучи меня тоже той штуке, которой ты выучил падишаха.

Дервиш, который был давно влюблен в дочь везира и в этой одежде и с этими фокусами пришел в город, чтобы ею завладеть, сказал:

— Я научу тебя при том условии, что ты отдашь мне свою дочь в жены.

Везир сперва заупрямился, но потом согласился, пошел к своей дочери и все ей рассказал. Дочь говорит:

— Батюшка! Я никогда этого не сделаю, никогда я не стану женой дервиша, иначе мне стыдно будет людям на глаза показаться. Ты скажи дервишу, что если он хочет взять твою дочь в жены, пусть по обычаю нашего города принесет большой кувшин золота.

Везир говорит: «Ладно». Назавтра позвал он дервиша и сказал ему:

— Я готов отдать тебе свою дочь, но она не хочет, говорит, пусть принесет за меня большой кувшин золота.

— Я принимаю это условие,— отвечает дервиш.

Везир тут потихоньку обратился к дочери:

— Сделай вид, что согласна, когда я добьюсь своего, я его околпачу!

А дервишу везир сказал:

— Иди, неси кувшин, учи меня тому колдовству, забирай дочь и уходи!

Дервиш обрадовался и так все и сделал, но, когда он хотел взять девушку за руку и увести, везир говорит:

— Нет, так нельзя, я ведь везир самого падишаха, меня тут каждая собака знает. Надо все приготовить, оповестить весь город, потом подождать сорок дней и устроить свадьбу.

Стали они спорить, везир под каким-то предлогом выгнал дервиша из дому, и дервиш, в горе от любви к той девушке, ушел в пустыню.

Теперь послушайте о везире. После того как он обманул бедного дервиша и выучился у него той штуке, пошел он к падишаху и сказал:

— О падишах! Тот фокус, который ты знаешь и который я теперь знаю тоже, не надо делать часто и перед кем попало, ведь тебя уважать перестанут. Давай, чтобы его не забыть, как останемся с тобой вдвоем, так и будем делать его.

Падишах ответил:

— Правильно говоришь!

Прошло несколько дней после этого разговора, и как-то раз везир обратился к падишаху:

— Давай поедем на охоту и никого с собой не возьмем. Захотим перейти в тело какого-нибудь животного или птицы — перейдем, и никто не увидит.

Падишах согласился, и они вдвоем поехали на охоту. Везир отъехал с падишахом на несколько фарсангов от города, невдалеке показалась деревня. В этот момент везир увидел газель, поскакал за ней, метко пустил стрелу, и газель, мертвая, упала на землю. Потом он сказал:

— Падишах, а ну-ка, вселись в ее тело!

Падишах говорит:

— Правильно!

Сошел с коня и вселился в газель. Как только он это сделал, везир вошел в телесную оболочку падишаха, а тело везира упало бездыханным. Везир, который теперь имел облик падишаха, тотчас же сел на коня и поскакал в деревню. Жители деревни из уважения к падишаху выстроились перед ним. А он им сказал:

— Мы охотились с везиром, но вдруг ему стало плохо, и он умер. Пусть три-четыре человека из вас

пойдут, отнесут сейчас его тело в город и отдадут его жене и детям.

И крестьяне отнесли тело везира в город. Жена и дети поплакали горько и предали тело земле.

Между тем везир, у которого был облик падишаха, подъехал ко дворцу. Во дворце раздался крик: шах приехал! Сбежались со всех сторон слуги и приживальщики, вплоть до самых последних лизоблюдов, стали низко кланяться, подхватили у дверей его стремя, помогли ему сойти с коня. Везир сразу пошел в гарем. Та самая любимая жена падишаха, в которую был влюблен везир, как увидела издали, что шах идет, побежала ему навстречу. Но как только она подбежала, видит: это только облик и одежда падишаха, а души падишаха, запаха падишаха у этого человека нет. И не могла она понять, что случилось, и почему он ей стал неприятен. Но везир, который вошел в одежду, кожу и тело падишаха, как увидел красоту и стройность той женщины, приосанился и про себя сказал: «Все мои труды, все мои мучения были только для того, чтобы соединиться с этой женщиной. Слава богу, я этого добился!»

Но чем жарче он ее ласкал, тем больше она его избегала, близости с собой не допускала и день и ночь была в горе и печали. День и ночь она думала о том, почему этот человек ей неприятен, и о том, как его оставить и убежать.

А теперь послушайте, что случилось с падишахом. Когда вселился он в тело газели, а везир вселился в его тело, падишах понял — везир его обманул, и испугался, что везир сейчас пустит стрелу и навсегда с ним разделается. Поэтому он обратился в бегство и несся по степи, пока не достиг какого-то леса. Там он увидел на земле под деревом мертвого попугая, обрадовался, тотчас вышел из газели, вошел в тело попугая, полетел и сел на дерево среди других попугаев.

Прошло несколько дней. Как-то раз он перелетал с другими попугаями с дерева на дерево и вдруг видит птицелова, который ставит силки. Другим попугаям он тотчас же сказал:

— Этот птицелов против вас силки ставит, лучше улетайте отсюда!

Они все улетели, а сам он спустился на землю,

сделал вид, будто ничего не понимает, потихоньку, потихоньку пошел, пошел — и попал в силки.

Птицелов обрадовался, прибежал, схватил попугая. А попугай посмотрел на него и подумал, что птицелов ему как будто знаком. Порылся он в памяти и вспомнил: это же тот самый дервиш, который научил его переходить из одного тела в другое. Однако он и вида не подал и говорит птицелову:

— Если хочешь извлечь из моей поимки выгоду, отнеси меня в такой-то город и продай тамошнему падишаху за сто ашрафи.

Птицелов видит: попугай назвал тот самый город, в котором живет дочь везира, и того падишаха он знает. Слова попугая пробудили в нем надежду, и он подумал: «Правильно он говорит, пойду-ка я туда, продам попугая и, если удастся, пожалуюсь шаху на везира!»

Взял попугая, принес в тот город, пошел к падишаху.

Падишаху попугай понравился, и он спросил:

— Сколько за него хочешь?

— Сто ашрафи,— отвечает тот.

Во время разговора в сердце птицелова закралось подозрение, что это не может быть тот самый падишах. Поведение и нрав у него были как будто везира. Однако он не подал вида, отдал попугая и взял сто ашрафи. А падишах тут же позвал слугу и послал с ним попугая жене, чтобы попугай ее забавлял.

Когда попугая принесли в гарем, он очень обрадовался при виде своей жены, но увидел, что жена похудела и в большой печали.

Попугай сказал:

— Госпожа, почему вы такая задумчивая? Почему такая худая?

Отвечает:

— Дядюшка попугай! Не касайся моих сердечных дел! У меня такое горе, что я никому о нем не могу рассказать!

Попугай говорит:

— Расскажи мне.

Она отвечает:

— А чем ты мне можешь помочь?

— Может быть, помогу,— говорит попугай,— расскажи!

Долго он так настаивал, а она отказывалась. В конце концов она сказала:

— Я была женой падишаха и любила его, всем сердцем была к нему привязана. Но вот однажды шах поехал с везиром на охоту. Потом сообщили, что везир на охоте умер. Когда после этого шах вошел в гарем, я увидела: того, что мне в нем нравилось, в этом человеке нет. Я поняла: тут есть какая-то тайна, и с того дня уже целый месяц день и ночь я не знаю покоя, все время погружена в горестные мысли. А этот человек делает все, чтобы я его любила, но безуспешно, и я хочу только бежать отсюда!

Попугай сказал:

— Госпожа, понюхай меня и посмотри, не пахну ли я так же, как твой муж?

Женщина подошла к попугаю, понюхала его и прямо остолбенела от удивления.

Закричала:

— Да ведь это запах самого падишаха!

Тут попугай говорит:

— Я и есть сам падишах!— и все подробно ей рассказывает.

Жена выслушала и воскликнула:

— Что же делать?

Отвечает:

— Сегодня вечером, когда везир к тебе придет, ты оставь открытой дверцу моей клетки, а потом улыбнись ему, сделай вид, что тебе весело. Тогда он тебя спросит, чего ты хочешь. Ты отвечай, что ты хочешь всей душой быть с ним вместе, как раньше. Но он, мол, после того как вернулся с той охоты, стал с тобой не таким, каким был прежде. Тогда он скажет: «Да нет, я несколько не изменился»,— а ты тут ответишь: «Если это так, то научи меня фокусу, которому учил тебя дервиш». Когда он согласится, я уж тут все остальное сделаю.

Жена падишаха так и поступила. Когда мнимый падишах согласился научить ее тому колдовству, она тотчас велела принести и убить черную собаку. Потом везир вышел из тела падишаха и вселился в собаку. Тут же падишах вышел из тела попугая, вселился в свое тело и сказал:

— О подлый везир! Ты меня предал, и достойным

позвали тебе будет оставаться до конца дней твоих черной собакой!

Жена падишаха обрадовалась, а падишах сейчас же послал за дервишем.

Когда дервиш пришел, он все ему о себе рассказал, а дервиш в свою очередь рассказал падишаху о своей любви к дочери везира. Потом падишах назначил дервиша своим везиром и дал ему в жены дочь прежнего везира.

А злокозненного везира, который обратился в собаку, привязали на конюшне, каждый день бросали ему кость и крепко били палкой, пока он не издох.

Наверху — простокваша, внизу — сыворотка, а собаки наша — выдумка.

Сказка о пророке Мусе и водоносе

В времена пророка Мусы* жил один человек. Только и делал он, что носил воду. Возьмет свое ведро и кричит по улицам:

— Эй! Кому воды?

Однажды пришел он к пророку Мусе.

— О Муса! Ведь и я, и старшина купцов — рабы Аллаха. Почему же он так богат и могуществен, а ты и счета не знаешь своим сокровищам, а у меня нет даже стога, чтобы обменять его на вздох!

Отвечил ему пророк Муса.

— О человек, в первый день творения владыка мира начертал участь каждого создания своего на его доле, и невозможно это изменить. Твоя доля — носить воду, а старшине купцов досталось в удел богатство.

Прошел день. На другой день собирался Муса подняться на гору Тур**. Водонос преградил ему дорогу:

— О Муса! Когда поднимешься на гору Тур, передай богу мой поклон и спроси его от моего имени: «О Аллах! Нельзя ли чуточку подправить на-

* Муса — библейский пророк Моисей.

** Тур — гора Синай, на которую, по преданию, поднялся пророк Моисей, чтобы беседовать с богом.

чертанное тобою на моем челе? До каких же пор мне носить воду и бедствовать?»

Муса ответил:

— О человек! Предначертанное Аллахом неизменно до самого Судного дня.

Но бедняга водонос не унимался:

— Ты попроси! А там видно будет — можно изменить или нет.

Поднялся пророк Муса на гору Тур. Долго он там молился и, когда уже возвращался назад, услышал голос:

— О Муса! Почему же ты не передал просьбу нашего раба?

— Владыка! К чему речи там, где и так ясно? Ведь ты сам все лучше знаешь.

Снова раздался голос:

— О Муса! Пойди, скажи нашему рабу, что мы исправили начертанное на его челе.

Бедный водонос был вне себя от радости. Возблагодарил он бога, и, как всегда, взял ведро и отправился на поиски заработка.

И вот, слушай дальше. Взял водонос на другой день ведро и веревку и собрался идти в город. Но тут посмотрел он на ворота купеческого старшины — а тот готовился выдать свою дочь за сына везира. Подошли слуги купца к водоносу и велели ему наполнить водой бассейны. Он вошел в дом и до полудня носил воду. В полдень же пришла жена купца и увидела, что все бассейны наполнены водой. Стало ей жалко водоноса, и она сказала:

— Дорогой муж! Сегодня у нас праздник. Этот бедняга водонос постарался на славу, наполнил водой все бассейны. Хорошо бы оставить его на обед. Ведь от нас не убудет.

— Что ты, жена! — ответил муж. — Как может этакый мужлан, в одних лохмотьях, быть нашим гостем?

А жена в ответ:

— Не свалится же небо на землю, если он наденет твою одежду!

Купец отвечал:

— Ну что ж! Неплохо придумано!

И вот принесли водоносу богатое платье, кашмирскую шаль на пояс и роскошную чалму. И сказали ему:

— Переодевайся и оставайся к обеду.

Оделся водонос и сел за свадебный стол.

А при заключении брачного договора присутствовали падишах, везиры, эмиры и шахзаде. Вдруг повернулся падишах к купцу, показал на водоноса и спрашивает:

— А это кто?

Старшина растерялся: «О Аллах, если скажу правду — мне несдобровать». Замялся он было, потом нашелся и ответил:

— Это сын моего брата. Приехал из Ахваза* по-видаться со мной.

Шах ему и говорит:

— Странно! У тебя такой стройный и красивый племянник, а ты выдаешь дочь за сына везира. Так дело не пойдет! Пусть твоя дочь выйдет замуж за племянника. А за сына везира я отдам свою дочь.

И вот, не сходя с места, заключили брачные договоры дочери падишаха и сына везира, дочери купца и водоноса, который теперь стал ее двоюродным братом. Что же было делать? Ведь решение судьи все равно что скоропостижная смерть — не отвертишься.

Гости разошлись, а купец пришел к жене и сказал:

— Вот видишь, какую беду мы нарекли на себя!

Жена ответила:

— Ну что ж, делать нечего. Этот водонос беден. Дадим ему сто туманов, и он от радости забросит шапку под самое небо. Уплатим ему отступного за развод.

А у купца одна только дочь и была. И вот пришел он к водоносу и говорит:

— Дружок, будем считать, что ничего и не было, возьми-ка сто туманов, оставь себе одежду и дай развод моей дочери.

Но водонос стал препираться:

— Отец! Что за разговоры? Вот пойду сейчас, пожалуюсь падишаху! Ведь он видел все своими глазами.

Пришлось купцу отступить.

* А х в а з — город на юге Ирана.

— Ладно, дружище, ведь мы шутим!

Теперь послушай, что случилось в первую брачную ночь.

Кончился свадебный пир, потушили огни и жениха с невестой ввели в покой для новобрачных. А жена купца с соседками давай подглядывать в окошко: как этот неотесанный водонос будет вести себя с ее избалованной дочкой. И видят: водонос не подходит к новобрачной, не обращает на нее внимания. Сначала он воздел руки к небу, затем собрал в углу ковры, снял одежды и голый пал ниц. Он катался по полу, перекатываясь из угла в угол, и бормотал какую-то молитву. Прислушались они лучше и слышат:

— Господи, и вправду исправил, хорошо исправил!

И продолжал кататься по полу и без конца повторять эту фразу.

Жена пошла к мужу и стала жаловаться:

— Одна беда за другой! Он еще и сумасшедший!

Взяла она мужа за руку и подвела к окошку.

— Смотри!

Купец взглянул и убедился в справедливости слов жены: водонос катался по полу и приговаривал: «Исправил, хорошо исправил». И он, как и жена, решил:

— Да, наш зять сошел с ума!

Открыли они дверь и вошли в комнату. Но водонос, увлеченный своим занятием, не заметил их. Он все катался по полу и бормотал молитвы. Постояли муж и жена, посмотрели на него, потом подошли к нему, взяли за руки и остановили со словами:

— О человек! Заклинаем тебя богом, который превратил тебя из вчерашнего бедного водоноса в племянника и зятя купеческого старшины, объясни нам свое поведение. Что это такое?

Водонос оделся, сел и рассказал все о своей встрече с пророком Мусой. Убедились купец и его жена, что это воля Аллаха. Поневоле они примирились с судьбой и возблагодарили бога.

А несчастная дочь их сидела все это время в углу, удрученная. Стали они утешать ее:

— Аллах даровал тебе счастливую долю. Ты просватана самим богом.

И купец полюбил бывшего водоноса, как своего сына.

Сказка о лентяе

Жил-был лентяй. Он никогда не двигался со своего места, даже ел и пил в постели, а еду ему клали прямо в рот. Невмоготу стало матери, задумала она найти такое средство, чтобы сына делу выучить.

И вот как-то купила она несколько яблок. Одно яблоко положила прямо у постели лентяя, другое — чуть дальше, третье — посреди комнаты, четвертое — у порога, пятое — в дехлизе*, шестое — еще где-то, седьмое — за дверью дома.

Проснулся лентяй, увидел яблоки.

— Матушка, — говорит он, — подойди, подай яблоко.

— Бездельник, — раскричалась она, — возьми да ешь!

Лентяй поднял, съел и видит: очень вкусно. С трудом дотянулся он еще до одного яблока. Наконец встал с постели, начал подбирать и грызть яблоки. Увидел он яблоко в дехлизе, поднял и съел. Когда он подобрал следующее яблоко, мать сказала:

— Одно лежит и на дворе.

Лентяй вышел из дому, а мать и заперла за ним дверь. Начал лентяй просить и умолять пустить его в дом, но мать только отвечала:

— Не бывать тому. Ступай и выучись делу. Тогда и впущу тебя.

— Дай мне хоть поесть чего-нибудь, — говорит он, — а то ведь я умру с голоду.

Мать вынесла ему одно яйцо, горсть муки, моток шерстяной пряжи и рог. Отдала она все это сыну, поцеловала его, и они расстались.

Двинулся лентяй в путь. Только вышел он из города — полил дождь. Сбросил он одежду, чтобы она не промокла, скатал в сверток и сел на него. Когда дождь перестал, он оделся и пошел дальше.

Идет он своей дорогой, вдруг навстречу ему див. Видит див, что одежда путника сухая, удивился он и спрашивает:

— Как это твоя одежда не промокла?

— А я шейтан, — отвечает ему лентяй. — А у шейтана одежда не мокнет.

* Д е х л и з — коридор, сени перед жилым помещением.

— Врешь ты. Если правду говоришь — давай померимся силами.

— Хорошо, — говорит лентяй.

— А как мериться будем? — спрашивает див.

— Вот зажму я камень в кулаке, — отвечает лентяй, — и раскрошу его в порошок.

— И я сделаю то же самое, — расхрабрился див.

— Так начинай ты первым, а я погляжу!

Див поднял камень, сжал его в кулаке, разломил на четыре куска и предложил:

— Теперь давай ты, а я погляжу.

А лентяй набрал в горсть муку, а камень украдкой спрятал в карман. Потом он показал диву муку.

— Смотри, что я сделал с камнем.

Видит див — плохо дело, испугался он, но не захотел ударить в грязь лицом и говорит:

— Хорошо, испытаем силу на чем-либо другом.

— На этот раз, — сказал лентяй, — сожми камень в кулаке так, чтобы он превратился в масло.

Попытался было див, но ничего у него не вышло. А лентяй сжал в кулаке яйцо, раздавил его, из кулака и потекли желток и белок. Див испугался, попятился и пустился наутек.

Пошел лентяй дальше. Вдруг видит — стоит перед ним замок.

Постучался он и слышит ужасный рев.

— Кто это?

— Открывай, это я, — крикнул лентяй.

— А кто ты?

— Сам-то ты кто? — кричит в ответ лентяй.

— Я — вождь дивов, а это мой замок, — раздалось изнутри.

— А я — шейтан, — ответил лентяй. — Открой дверь.

— Ты сильнее или я? — спрашивает див.

— Конечно, я.

— Сейчас посмотрим, — зарычал див.

И див засунул руку под мышку, вырвал волос, очистил его от грязи и сказал:

— Это мой волос. Покажи-ка ты свой.

Лентяй вытащил из мотка шерстяную нитку и показал диву.

— А это мой волос.

— На этот раз не вышло, — говорит див. — Давай придумаем новое испытание.

Лентяй ему в ответ:

— Крикни-ка, посмотрим, чей голос грознее.

Испустил див ужасный рев. А лентяй взял в рот рожок, да как затрубит — превзошел дива. Див от страха сорвал засов с дверей и убежал.

Вошел лентяй в сад, отдохнул несколько дней и снова пустился в путь. Шел он, шел и остановился около одной деревни. Помылся он в роднике и взобрался на дерево. Видит, идет к роднику черная рабыня с кувшином.

Посмотрела она в воду, увидела отражение белого человека и подумала, что сама стала белой. Обрадовалась рабыня и сказала себе: «Побегу-ка я к госпоже, скажу, что я стала белой. Пусть больше не называет меня черной служанкой!»

Тут лентяя на дереве разобрал смех. Услышала рабыня, посмотрела наверх и говорит:

— Кто ты?

— Я — шейтан.

— Откуда ты явился?

— С того света.

— Если ты правду говоришь, — продолжала рабыня, — то скажи, куда понесли нашего покойного хозяина — в ад или в рай?

Лентяй покачал головой и отвечает:

— В ад.

— Ой-ой! Почему же?

— А потому, что у него нет денег. Из-за этого его бросили в адское пламя. Увидел он меня и попросил: «Расскажи о моем состоянии жене и детям моим».

— Как же ему можно помочь? — спрашивает рабыня.

— Очень просто — пошлите ему денег.

— А как это сделать?

— Дайте мне, а я передам.

— Да продлит бог твою жизнь!

С этими словами бросила она кувшин, побежала к своей госпоже и передала ей весь разговор. Госпожа велела рабыне привести лентяя. Дала она ему триста туманов:

— Тебе, верно, нетрудно будет передать, — сказала она. — Да скажи — если ему еще нужно, то я найду, пусть не тревожится. Скажи, что наличными у меня сейчас больше нет.

— Очень уж долго туда идти пешком,— говорит лентяй.— Дали бы мне коня, я бы быстрее доехал.

Женщина дала ему коня, подвесила к седлу хурджин с деньгами и напутствовала его добрым словом.

Прошло немного времени, вернулись трое ее сыновей. Когда мать рассказала им о случившемся, они очень разозлились, что ее так обманули, и поколотили рабыню. Потом они сели на коней и поскакали вдогонку за лентяем. Видит лентяй — поднялась вдали пыль, и скачут в той пыли три всадника прямо к нему. Он сразу понял, в чем тут дело, и погнался на коня что было мочи.

Подскакал он к роднику. А там сидел какой-то человек и мыл требуху на продажу. Лентяй спешился и говорит ему:

— Ты что здесь сидишь? Ведь едут, чтобы схватить тебя!

— Кого схватить?

— Да вот, смотри, скачет охрана, чтобы схватить и казнить тебя.

— Что же мне делать? — взмолился незнакомец.

— Садись на моего коня и скачи, — посоветовал лентяй.

Незнакомец вскочил на коня и был таков. А лентяй нахлобучил на голову бараний сычуг и стал мыть требуху. Тут подскакали три всадника и видят: какой-то человек моет бараньи желудки.

— Не видел ли ты верхового? — спросили они.

— Как же, только что проехал здесь.

И он прибавил, что с ним был какой-то хурджин. Братья поскакали за продавцом требухи в надежде схватить его.

А лентяй взял хурджин с деньгами и зашагал к родному городу. Пришел он домой и постучался в дверь. Увидела мать, что сын вернулся, и кричит:

— Не пуцу я тебя домой!

— Матушка! Да ведь я тебе деньги принес.

— Да разве ты такой человек, чтобы заработать деньги?

Потряс лентяй хурджин — зазвенели там монеты. Мать открыла дверь и впустила его.

Вот и наша сказка вся.

Бу-Али Сина

Было ли так или не было — до бога никого на свете не было. В былые времена жил в одной стране могущественный падишах. Была у него дочь, красивая и добродетельная, прекрасная и прелестная, словно луч света. Так она была хороша, будто говорила луне: «Ты не всходи, ведь я сияю». Со временем подросла она, стала невестой. Начали появляться женихи. Царевичи, вельможи и сыновья богатых людей добивались ее руки, но девушка и ее отец всем отвечали: «Нам не нужно денег и богатства — слава Аллаху, золота и добра у нас хватает. Мы хотим человека ученого, который был бы мудрее всех».

Недалеко от дворца падишаха жила одна старая женщина, и был у нее сын по имени Бу-Али. Во всем мире никто не мог сравниться с ним мудростью, ибо он читал много книг и знал все, что написано в них.

Однажды Бу-Али сказал матери:

— Знаешь, матушка, жених, который нужен падишаху, это — я. Отправляйся ты к нему и сватай за меня его дочь.

— Хорошо, — сказала мать и отправилась к падишаху.

Поцеловала она землю перед тронем и передала падишаху слова своего сына. Падишах обратился к дочери и спрашивает:

— Что ты ответишь сыну этой женщины?

Девушка говорит:

— Пусть ее сын явится сюда, и мы посмотрим, что он знает!

Женщина пошла и привела Бу-Али.

Девушка обратилась к Бу-Али:

— Говорят, ты превосходишь своими знаниями всех людей? Правда ли это?

— Нет, — отвечает юноша, — это не так. Мир велик, может быть, где-нибудь другой человек знает больше меня!

Девушка спросила:

— Говорят, ты собрал в памяти знания всех людей? Правда ли это?

— Нет, — говорит Бу-Али. — Я не могу знать все, что им известно. На свете есть люди, которые знают намного больше меня.

Девушка сказала:

— Говорят, ты знаешь что-то, чего никто не знает? Правда ли это?

Бу-Али ответил:

— Да, может быть, это и так.

— Что же это такое? — спросила девушка.

— Я знаю то, что я ничего не знаю! — ответил юноша.

В это время вошел падишах и спросил дочку:

— Ну как, мудр ли этот юноша?

— Да, — ответила девушка, — я задала ему несколько вопросов, и он дал правильные ответы!

— Мне нет дела до твоих вопросов и его ответов, — молвил падишах. — Если этот юноша и правда мудрец, пусть он пойдет, разузнает все о диве по прозвищу «Нет в мире» и сообщит мне.

— Повинуюсь! — ответил Бу-Али.

Вернулся он домой из дворца падишаха и говорит матери:

— Матушка, приготовь мне несколько ячменных лепешек и кувшин воды. Я отправляюсь на поиски дива «Нет в мире».

Вышел Бу-Али из города и прошел фарсанга три по пустыне, видит, идет навстречу старик. Поздоровались они, старик и спрашивает:

— О юноша, куда путь держишь?

— Я иду искать «Нет в мире», — отвечает Бу-Али.

— Но ведь ты сам признаешь, что того, кого ты ищешь, в мире нет, — заметил старик.

— Его нет для тех, кто не может найти его. И называют его «Нет в мире» только потому, что люди не могут найти дорогу к нему. Этот «Нет в мире» — див в образе человека. Он знает науки «кимия», «симия» и «лимия», — отвечал Бу-Али.

Старик говорит:

— О юноша, не утруждай себя зря, вернись-ка лучше домой.

А Бу-Али отвечает:

— Мудрый человек никогда не пускается в путь зря, но если уж он отправился, то не поворачивает назад с полдороги и идет, пока не достигнет цели.

Сказал это Бу-Али и пошел дальше. Шел он дни и ночи, проходил пустыни и перебирался через горы. Наконец добрался он до подножия Памира. Осмотрел-

ся и заметил вход в пещеру, а у входа сидит какое-то громадное косматое чудовище. Это и был див.

Подошел Бу-Али, поклонился ему, а див его спрашивает:

— Кто ты такой?

— Бу-Али.

— Знаю я тебя,— говорит див.— А скажи, для чего ты пришел сюда?

— Я ищу «Нет в мире»,— отвечает Бу-Али.

— «Нет в мире»— это я,— сказал див.— О Бу-Али! Ты решил, что стал мудрецом, и захотел узнать у меня то, чего не смог узнать сам. Знай же, что наука — это бескрайнее море, и ты из этого моря еще и глотка не испил.

Затем он взял Бу-Али за ухо, заткнул его за пояс, словно нож, и унес в пещеру. А в пещере был дворец дива, и комнат было — не счесть! Вошел див во дворец и крикнул:

— Мерджана, поди сюда! Этот человек пришел за мной. Брось его в яму и стереги. Он, как и те, что приходили раньше него, будет нам пищей. Еще много людей — да получше этого!— пойдут нам в пищу...

Мерджана эта была дочерью «Нет в мире». Она бросила Бу-Али в пересохший колодец и каждый день приходила туда и спускала ему вниз хлеб и воду. Однажды Бу-Али сказал ей:

— О Мерджана, мне очень скучно здесь, прошу тебя, дай мне саз*, чтобы я мог поиграть на нем и попеть.

А Мерджана очень любила игру на сазе и песни. Она пошла, достала саз, принесла его Бу-Али, и тот каждый день, когда «Нет в мире» уходил в степь, брал саз, играл на нем и пел песни. Он пел и играл так хорошо, что завоевал сердце Мерджаны. Как-то Мерджана сказала Бу-Али:

— Мне нравится твое искусство. Ты должен каждый день играть для меня на сазе и петь песни.

— А что я получу за это? — спросил Бу-Али.

— Я освобожу тебя из темницы!

— Нет,— возразил Бу-Али,— если ты меня выпустишь, твой отец сразу узнает об этом и помчится за мной быстрее ветра, быстрее молнии.

* Саз — струнный музыкальный инструмент.

Ты лучше помоги мне стать мудрым и померяться знаниями и силой с твоим отцом.

— Хорошо, — ответила девушка, — я принесу книгу отца, дам ее тебе — читай и учись всему, что там написано...

Дала Мерджана Бу-Али книгу отца, стал он ее читать и запоминать. Потом взял у Мерджаны калам и бумагу и на дне колодца переписал всю книгу. Как-то рано утром, когда «Нет в мире» ушел в степь, Бу-Али обернулся голубем и вылетел из пещеры. Посмотрел «Нет в мире» на небо и вдруг видит там голубя. «А что если это Бу-Али?» — думает он.

Поспешил он в пещеру: шаг шагнет — семь фарсангов сделает. Примчался в пещеру и спрашивает Мерджану:

— Где Бу-Али?

— Он в колодце для пленников, — как ни в чем не бывало ответила девушка.

Подожли они к колодцу, посмотрели — а колодец пуст!

«Нет в мире» воскликнул:

— Скверная девчонка, ты полюбила этого юношу и выдала ему все, что я знал!

Сказал это див, превратился в сокола и полетел за голубем. А голубь увидел его, испугался, бросился во дворец шаха и спрятался в складках платья шахской дочери. Тогда сокол принял облик дервиша, взял такого же голубя, пришел во дворец и показал его принцессе:

— Голубка моего голубя залетела сюда — верните мне ее!

Только девушка хотела взять голубя, как он обратился в горсть проса и рассыпался по земле. Тогда дервиш обернулся петухом и начал клевать просо. Тут одно из зернышек проса выскочило из-под ног девушки, превратилось в шакала, и шакал съел петуха.

Так удалось Бу-Али уничтожить «Нет в мире».

Стоит принцесса, смотрит — глаз отвести не может. Вдруг видит, что шакал обратился в Бу-Али. Обрадовалась она, и все, кто там был, пошли и сообщили падишаху. Тот пришел к дочери и выслушал рассказ Бу-Али о его приключениях. Взял падишах руку дочери, соединил с рукой Бу-Али и спросил его:

— Чего ты еще хочешь?

— Кроме книг, мне ничего не нужно! — ответил Бу-Али.

Тогда падишах вместо жемчугов, золота и ковров отдал в приданое дочери все свои книги.

А Бу-Али послал за Мерджаной и, когда ее привели, отдал ее в жены своему брату Махмуду в благодарность за ее помощь.

Вот сказка о Бу-Али, слава о котором идет по всему миру.

Эй-вай

Жил-был один бедняк. С утра до вечера он трудился не покладая рук, этим и зарабатывал себе на хлеб насущный.

Был у него сын по имени Бу-Али. Мальчик был мал, он не достиг еще совершеннолетия, и работа была ему пока не под силу, но однажды он сказал отцу:

— Отец, я хочу работать!

— Ты еще дитя малое, где тебе работать! — отвечал отец.

— Нет, нет, — заупрямился мальчик, — я буду работать — буду делать то, что смогу!

— Ну что ж, — согласился отец, — будь по-твоему!

И вот испекла мать лепешку, завязала ее в узелок, отдала сыну, благословила его, и отправился он в путь. Вышел мальчик из дому и зашагал по дороге. Шел он, шел и наконец дошел до какого-то колодца. Захотелось ему есть. Сел он около колодца, вынул лепешку и съел половину, а другую половину на завтра приберег. Только с пол-лепешки сытым не будешь. Нагнулся мальчик к колодцу воды попить, стал пить, а сам вздыхает: «Эй-вай!»

Не успел он это сказать, как из колодца вылез человечек, ростом с локоть, борода в семь локтей.

— Сынок, — обратился человечек к мальчику, — я пришел по твоему зову!

— Отец, — удивился мальчик, — я даже и не знаю, как тебя зовут!

— Как не знаешь, — говорит старичок, — ты же крикнул «Эй-вай», а ведь это мое имя и есть!

— Я воскликнул «эй-вай» с голоду, — ответил виновато мальчик.

— Так и быть, — говорит карлик, — раз уж я пришел, скажи-ка мне, куда ты путь держишь?

— Ищу работу!

— Что ж, пойдём ко мне, я тебя возьму в работники, — предложил человечек. — Но смотри, уговор такой: платить я тебе не буду, зато все, что бы ты ни нашел, будет твое.

Мальчик согласился и пошел вместе с карликом. Пошли они к лесу; шли, шли и наконец подошли к какому-то дому.

— Вот мое жилище! — показал человечек.

В это время из дому выбежала красивая и стройная девушка.

— Дочка, — обратился к ней карлик, — я привел тебе этого мальчика, займись-ка им!

А надо вам сказать, что в те времена год состоял из трех дней.

И вот девушка взяла мальчика за руку и повела к себе, а старичок ушел к себе.

Никто даже не спросил мальчика, сыт он или голоден, болен или здоров... Девушка тут же велела ему лечь на стол и большущим ножом изрубила его на куски. Бросила она эти куски в огромный котел, под которым горел костер, и давай их жарить и варить. Потом плеснула в котел холодной водицы — и вдруг оттуда вышел мальчик, живой и здоровый, и во сто крат красивее прежнего. Девушка спрашивает:

— Чему ты научился?

— Я научился кувыркаться и могу стать подковой лошади! — ответил мальчик.

Девушка опять бросила мальчика на стол, изрубила ножом на мелкие куски, бросила в котел и сварила. Затем она обрызгала его холодной водой и мальчик выпрыгнул из котла живым и невредимым. На этот раз он был в тысячу раз красивее прежнего.

— Что ты на этот раз запомнил? — спросила опять девушка.

— Я научился кувыркаться и превращаться в голубя! — ответил мальчик.

Затем девушка обучила его еще и другим вещам и сказала ему:

— Три дня — а это целый год — уже на исходе.

В воскресенье мой отец придет и спросит тебя: «Чему ты научился?» Тогда ты скажи: «Я могу стать подковой и обернуться голубем!» Но ни в коем случае не говори ему, что ты научился и другим премудростям. Сейчас слушай внимательно, я скажу тебе еще кое-что. Так как твой срок кончается, то в воскресенье придет твой отец, чтобы забрать тебя домой. Мой отец разбрасает в саду около дома множество зерен. В воскресенье туда слетятся тысячи голубей, и ты тоже будешь среди них... Мой отец скажет твоему отцу: «Ты можешь выбирать три раза. Если найдешь своего сына среди этих голубей — заберешь его с собой, если нет — он останется здесь!» Голуби — все белые, все похожи друг на друга — их невозможно различить, и твой отец не сможет узнать тебя. Но я научу тебя, и ты дашь знать своему отцу, где ты, и он сумеет указать именно на тебя из тысячи голубей. Надо сделать так: когда придет твой отец, ты подлетишь к нему и сядешь около его ног. Тут твой отец и поймет, что это ты, его сын!

Все те тысячи голубей прежде были так же, как и ты, юношами, но их отцы не смогли узнать их, и они все остались здесь на вечные времена в облике голубей.

Мальчик поблагодарил девушку за ее доброту и стал ждать.

Наступило воскресенье, и карлик пришел в комнату к дочери. Девушка приготовила обед, и отец и дочь сели за стол. Но в это самое время показался отец мальчика и начал искать своего сына. Девушка говорит:

— Его здесь нет, но он скоро придет!

А сама осторожно, потихоньку дала знать отцу мальчика, что его сын — это тот самый голубь, который сядет ему в ноги.

После обеда девушка принесла большой поднос с пшеницей и рассыпала ее в саду около дома. Не успела она отойти, как сад наполнился голубями. Все они были белые, совсем одинаковые, но отец мальчика, к счастью, правильно указал на своего сына.

— Счастливец ты! — воскликнул с досадой Эйвай.— Тебе повезло, что ты нашел своего сына! Если бы ты не узнал его, он остался бы здесь на вечные времена, а сейчас он ударится оземь и превратится в красивого мальчика.

Голубь так и сделал — ударился оземь и стал красивым юношей.

Двинулись отец с сыном в путь. Отец все думал: «Чем бы мне накормить сына, чтобы он хоть бы червячка заморил!» А юноша теперь научился угадывать мысли и думы людей. Он сразу понял, о чем задумался отец, и говорит:

— Не печалься, отец, не заботься ни о чем. Аллах всегда помогает тем, у кого ничего нет. Я сейчас ударюсь оземь и превращусь в красивую охотничью собаку с золотистой шерстью, в золотом ошейнике и на золотой цепи. Ты поведешь меня туда, куда я тебе скажу. Там ты увидишь: стоит красивая, богатая коляска, а в ней сидят четыре человека. Это самые богатые и именитые люди города. Спросят они тебя: «Куда ты идешь с этой собакой?» Ты отвечай: «Иду, мол, продавать ее!» Тогда они спросят, за сколько ты продаешь собаку, а ты скажи: «За один ман золота!» Но смотри, отец, ни за что не отдавай ошейника и цепочки! Перед тем как передать им собаку, сними ошейник и цепочку и спрячь их себе в карман.

Сказал это мальчик, ударился оземь и превратился в красивую охотничью собаку. Не успел отец прийти в себя от удивления, как показалась красивая коляска, катившаяся в их сторону. Один из четырех седоков в этой коляске, как только увидел собаку, спросил:

— Куда ты ведешь эту собаку, старик?

— Я хочу продать ее! — ответил отец мальчика.

— Сколько же ты просишь? — спросили его.

— Один ман золота, — ответил владелец собаки. — Но я продаю собаку без цепочки и ошейника.

— Ничего, — согласился покупатель, — цепочку и ошейник везде можно найти, а вот такую собаку нигде не купить.

Поторговались они и наконец заплатили один ман золота, купили собаку, посадили ее в коляску и укатили. Отец мальчика больше не был бедняком — с вырученным золотом он превратился в богача. Сложил он золото в мешок и пошел своей дорогой.

А теперь речь пойдет о седоках в коляске. Не успели они отъехать немного, как на дорогу перед коляской выскочил заяц. Почуяла его собака и стала

вырваться, чтобы броситься за зайцем, но хозяин обхватил ее руками за шею и не выпускал. Собака никак не могла освободиться. Друзья начали уговаривать хозяина:

— Пусти ее, пусть поймает зайца!

— Нет, я боюсь, она убежит и больше не вернется! — отвечал хозяин.

— Как не вернется? — уговаривали его товарищи. — Ведь это — охотничья собака, пусть охотится. Она поймает зайца и принесет его тебе.

Долго они уговаривали владельца собаки. Наконец он послушался и отпустил собаку. Собака погналась за зайцем, но сколько ни ждали ее, она не возвращалась. Хозяин сокрушенно говорил своим друзьям:

— Говорил я вам, что она не вернется!

Затем сам хозяин и его товарищи вышли из коляски и обыскали и обшарили всю округу, но собаки не нашли. Тогда они решили, что нужно разыскать того, кто продал собаку: наверно, она возвратилась к нему. Повернули они коляску обратно и погнали лошадей. Живо настигли старика, видят, он идет своей дорогой, а рядом с ним, кроме какого-то юноши, никого нет.

— Не возвратилась ли к тебе собака? — спрашивают они отца мальчика.

— Нет, ведь я же продал собаку и оставил ее у вас, — отвечает тот. — А что, разве она убежала?

— Да, она погналась за зайцем и обратно не вернулась. Мы подумали, что она прибежала к тебе! — говорят те люди.

— Нет, как видите, со мной никого нет, кроме мальчика!

Тогда они пошли искать дальше, но сколько ни ходили, ничего не нашли — собака словно сквозь землю провалилась. Отчаялись путники, и поневоле пришлось им продолжать свой путь.

На следующей неделе, в воскресенье, отец мальчика собрался пойти на базар. Мальчик сказал отцу:

— Я сейчас ударюсь оземь и превращусь в красивого златогривого коня с золотой уздой. Отведи меня на базар и продай за два мана золота, но будь осторожен — ни в коем случае не выпускай из рук уздечки! Если отдашь уздечку — больше меня не увидишь!

Старик повел златогривого коня на базар. Люди окружили коня, глазают, любят. Кто ни спросит, сколько стоит конь, старик отвечает:

— Без долгих разговоров — отдам его без узды за два мана золота.

Некоторые соглашались отдать два мана золота за коня вместе с золотой уздечкой, но старик стоял на своем. А в это время оказался там Эй-вай. Он увидал, что торговля идет из-за узды коня, и тогда он сразу понял, что это за конь. Расстроился он, подосадовал и говорит коню:

— О лжец, ты же говорил, что можешь превратиться только в подкову и голубя, а больше ничего не умеешь?

Начал тут Эй-вай торговаться со стариком из-за уздечки. Наконец он уговорил старика: заплатил ему три мана золота, купил коня вместе с уздой и отправился домой.

Старик же вернулся домой с тремя манами золота, но сразу же раскаялся, что отдал уздечку, и стал горько сетовать на себя, что продал сына родного и теперь останется без него.

Тем временем Эй-вай поручил коня своему слуге и сказал ему:

— Отведи коня в конюшню и крепко-накрепко привяжи его там. Если он захочет воды — дажь ему травы, а если он захочет травы — дажь воду!

— Слушаюсь! — ответил слуга и пошел.

Слух о красивом коне Эй-вая дошел до ушей падишаха той страны. Как раз в эти дни сын падишаха собирался жениться. Шахзаде сказал своему отцу:

— Я хочу попросить Эй-вая, чтобы он отдал мне своего коня золотистой масти на несколько дней, я привезу домой невесту на этом коне.

— Что ж, хорошо! — ответил падишах.

Шахзаде пошел к Эй-ваю и попросил дать ему златогривого коня, чтобы привезти на нем невесту.

— Хорошо, — согласился Эй-вай, — ты сын нашего падишаха, потому я отдам тебе коня. Но с одним условием: ты не должен давать коню воды!

— Хорошо, — ответил падишах, — не дам.

Привели коня, шахзаде сел на него и отправился со своими друзьями и сверстниками за невестой. Ехали они, ехали и наконец достигли берега моря.

Спутники шахзаде сели на корабль, а златогривый конь поплыл по воде. Каждый раз, когда конь хотел нагнуться и утолить жажду, шахзаде натягивал узду, не давал ему пить.

А за морем была столица падишаха, дочка которого выходила замуж за шахзаде. Когда падишах и его дочь увидели царского сына на златогривом коне, они очень обрадовались. Стали они играть свадьбу, есть, пить и веселиться. Но так как шахзаде и его людям предстоял долгий обратный путь, они вскоре начали готовиться к дороге. Шахзаде и его жена сели на златогривого коня, а их спутники — на корабль. Посреди моря жажда опять начала одолевать коня, нагнулся он, хотел напиться, но шахзаде потянул за поводья и не дал ему коснуться воды. И другой раз получилось так же. Девушка ждалась над конем и сказала мужу:

— Разве у тебя нет сердца? Почему ты не даешь бедному животному напиться? Ведь ты же видишь, что жажда мучит его!

Но шахзаде не послушался жены и не дал коню напиться. Тогда девушка не на шутку рассердилась и сказала шахзаде:

— Живо поворачивай коня и вези меня назад к отцу. Я не могу жить с таким жестоким человеком, как ты!

Когда девушка так сказала, шахзаде испугался и разнуздывал коня, чтобы тот напился воды. Златогривый конь коснулся воды и превратился в золотую рыбку, которая уплыла прочь, а жених с невестой остались посреди моря. Люди шахзаде живо подобрали их и поместили на корабль.

А Эй-вай почувал, что конь обернулся рыбой и уплыл в море. Он сразу же превратился в голубя, полетел к морю, а там сделался большой рыбой, чтобы поймать и проглотить золотую рыбку. Тогда маленькая рыбка обратилась в белого голубя, а голубь улетел. Большая рыба тотчас стала соколом, и сокол помчался за голубем. Наконец голубь и сокол долетели до столицы одной страны. Дочь падишаха той страны сидела в это время у окна, поджидала своего брата и смотрела на дорогу. Вдруг видит она, что сокол преследует голубя. Открыла она окно, голубь влетел в комнату и сел прямо на грудь девушки, а та захлопнула скорей окошко.

Девушка чувствует, что сердце птички сильно бьется от усталости и страха. Жалко ей стало голубя, она давай кормить его сладостями. Поел голубь немного, пришел в себя, выпорхнул из рук девушки и превратился в красивого стройного юношу. Спрашивает юноша:

— По душе ли я тебе, девушка?

— Очень! — отвечает та.

Тогда юноша сказал ей:

— Я сейчас ударюсь оземь и превращусь в золотое кольцо, а ты надень это кольцо на палец. Скоро сюда к падишаху придет один колдун и волшебник в облике каменщика. Он будет работать у падишаха, а когда кончит работу, попросит вместо платы вот это колечко. Если ты любишь меня и хочешь стать моей женой, ни за что не снимай кольцо со своего пальца!

Все вышло так, как говорил юноша. Пришел каменщик, поработал, а когда падишах хотел расплатиться с ним, он сказал:

— Денег мне не надо! Дай мне лучше кольцо, что надето на пальце твоей дочери.

— Уж не сошел ли ты с ума? — воскликнул падишах. — Что, у меня мало денег, что ли, чтобы расплачиваться кольцом дочери? Бери сколько хочешь золота и серебра!

— Нет, — настаивал на своем каменщик, — я ничего не хочу, кроме этого кольца.

Когда девушка услышала это, она сказала:

— Я никогда не отдам кольца!

Словом, долго они спорили. Наконец падишах сказал дочери:

— Сними кольцо и отдай ему, чтобы он убрался, наконец, отсюда, чтоб глаза мои его не видели! Я закажу тебе вместо этого кольца сколько хочешь других!

Заплакала девушка, сняла кольцо и бросила его на пол. Вдруг кольцо превратилось в горсточку проса и рассыпалось по земле. Каменщик тут же обратился в петуха и начал клевать зернышки проса. Но одно из зерен отскочило в сторону. Когда петух склевывал все просо, он сказал:

— Теперь ты в моем животе. Говорил я, что покажу тебе!

Вдруг зерно, которое отлетело в сторону, превратилось в стройного воина с острым мечом в руках.

— Нет, лучше я покажу тебе! — сказал он и отрубил петуху голову.

Так и умер Эй-вай.

Смотрит падишах на все это и понять не может, что происходит в его дворце: каменщик превращается в петуха, а просо — в война! Страх его взял.

А воин спросил у дочери падишаха:

— Ну как, будешь ты моей женой?

— Да, — ответила девушка, — если только мне разрешит отец.

С испугу падишах согласился и сказал:

— Я не возражаю, выходи за него замуж, если любишь его.

Сыграли свадьбу, и юноша и девушка стали мужем и женой, а юноша сделался наследником падишаха. До сих пор они, если только не умерли, живут счастливо и хорошо.

Тыква

Жила-была старая женщина, а детей у нее не было. Уж она и молилась, и обеты давала, одной милостыни сколько раздала — ничего не помогало. Вот она как-то и говорит своему мужу:

— Так мне хочется ребенка — какой-никакой, а чтоб был! Пусть хоть как тыква, без рук и без ног будет!

Сказала она эти слова, и по воле судьбы через некоторое время понесла, и родился у нее ребенок, точь-в-точь как тыква. Муж, как увидел его, убежал прочь из дома, ушел куда глаза глядят. А старуха привыкла к тыкве, привязалась к ней. Тыква изо дня в день все росла, становилась больше и больше. Хлопот у ее матери было хоть отбавляй — целый день ни минуты покоя. Наконец отправила она своего ребеночка-тывку в школу, к моллабаджи*. А школа моллабаджи находилась около дворца падишаха и сын падишаха любил из окон дворца глазеть на детей, заглядывать в школьную комнату.

Смотрит он однажды и видит: идут школьники из школы, а с ними катится тыква. Удивился падишах, на следующий день опять посмотрел в окно и увидел, что из той тыквы вышла красивая де-

* Моллабаджи — учительница.

бушка, такая прекрасная — краше полной луны. Она взобралась на подпорки для виноградных лоз, сорвала кисть винограда и стала есть. Затем слезла и спряталась опять в тыкву.

Сын падишаха сразу влюбился в девушку — да не одним, а сотнею сердец.

На следующий день, когда девушка опять вышла из тыквы и взобралась на подпорки для виноградных лоз, шахзаде вышел на крышу, настиг девушку и надел ей на палец свое кольцо. Видит, а кольцо-то пришлось точно на средний палец девушки. Вернулся он домой и говорит матери:

— Я хочу жениться, но только на той девушке, на палец которой подойдет мое кольцо!

Мать шахзаде отдала кольцо старухе, присматривающей за невольницами, и послала ее вместе со служанками по домам, искать, кому придется впору колечко сына.

Несколько дней старуха со служанками рыскали по домам, все вверх дном перевернули, но девушки, которой годилось бы кольцо, не нашли.

Под конец добрались они до дома старухи с тыквой. Постучали в дверь и спрашивают:

— Есть ли в этом доме девушки?

— Ой, не смейтесь надо мной! — заплакала старуха. — Долго я молилась, много обетов дала, много милостыни раздала — все просила у Аллаха ребенка, а он послал мне тыкву!

— Ну-ка, принеси эту тыкву, посмотрим! — сказала старуха, смотревшая за невольницами.

Женщина пошла, принесла тыкву, а служанки и старуха-надзирательница, как увидели, начали смеяться и хохотать. Насмеялись вдоволь, а потом и говорят бедной женщине:

— Мы ищем девушку, которой подошло бы это кольцо. Только до сих пор никого не нашли.

Не успели они это сказать, как из тыквы высунулась рука. Мать остолбенела от удивления, остальные женщины тоже удивились и испугались, а потом все-таки примерили кольцо на тот палец, смотрят, а оно как раз впору.

Пошли они и рассказали шахзаде обо всем, что случилось. А он приказал:

— Идите и притащите эту тыкву сюда.

Пошли, принесли тыкву. Родители юноши, падишах и его жена, как увидели это чудовище, огор-

чились и опечалились, но юноша стоял на своем:
— Клянусь Аллахом, я женюсь только на этой!
Волей-неволей позвали муллу и поженили тыкву с сыном падишаха.

В брачную ночь шахзаде выхватил меч и сказал:
— Выходи-ка скорей из тыквы!

Тут девушка вышла из тыквы и поразила всех своей красотой и прелестью. Обрадовались падишах и его жена. Сообщили и матери тыквы, а уж она обрадовалась больше всех. После этого стала мать частенько навещать свою дочь.

Однажды отправилась она, как обычно, повидаться с дочерью, и вдруг идет ей навстречу лев. Хотел он растерзать ее на части, а старуха ему и говорит:

— Не ешь меня сейчас, пусти повидаться с дочерью! Я обратно пойду, ты меня тогда и съешь.

Лев согласился. Не успела старуха уйти от льва, наткнулась на волка. Волк тоже хотел ее съесть, но она и ему сказала то же самое.

Пошла старуха дальше — встретилась с дивом. Договорилась и с ним, и наконец добралась до дома дочери. Два-три дня она там погостила, пришло время возвращаться. Смотрит девушка, мать чем-то озабочена, сидит, задумалась.

— О чем это ты думаешь? — спрашивает дочь.

Рассказала ей старуха о своих приключениях, а девушка говорит:

— Ничего, я устрою твои дела.

Пошла она, принесла свою тыкву и сказала:

— Влезай в эту тыкву и катись в ней домой.

Старуха влезла в тыкву, тыква покатилаь вперед. Так она катилась, пока не добралась до дива.

Див спрашивает:

— Тыква такк-такк, тетушка лакк-лакк, не видели ли твои слепые глаза горбатой старухи?

— Нет, — отвечает тыква, — клянусь похлебкой, не видела, клянусь стеблем гиацинта, не видела, ты меня покати, пора дальше идти!

Покатилась она дальше и добралась до волка. Сказала ему то же, что диву, и с тем ушла. Но когда докатилась она до льва, хитрость ее не удалась. Лев, вместо того, чтобы толкнуть тыкву и покатить ее вперед, схватил ее, поднял повыше и ударил оземь. Тыква разлетелась на куски, старуха упала на землю, и лев съел ее.

СОДЕРЖАНИЕ

Мирза Масту-Хумар и Биби-Мехрнегар. Перевод <i>Н. Османова</i>	3
Дервиш-колдун. Перевод <i>Н. Османова</i>	11
Сын охотника. Перевод <i>Н. Османова</i>	15
Сказка о купеческой дочери и сыне падишаха. Перевод <i>Н. Османова</i>	30
Плешивый пастух и дочь кедхуды. Перевод <i>Н. Османова</i>	38
Лоточник. Перевод <i>Н. Османова</i>	47
Сказка о шахзаде Исмаиле и Араб-Занги. Перевод <i>Н. Османова</i>	55
Джастик из горошинки. Перевод <i>А. Бертельса</i>	63
Корова с белой метинкой на лбу. Перевод <i>А. Бертельса</i>	68
Ходжа Бу-Али. Перевод <i>Р. Алиева</i>	76
Заколдованный замок. Перевод <i>А. Бертельса</i>	85
Одежда, которую кто ни наденет — сто лет проживет. Перевод <i>А. Бертельса</i>	107
Сказка о Малек-Джамшиде. Перевод <i>Н. Османова</i>	114
Книга — зеркало мира. Перевод <i>Р. Алиева</i>	127
Сказка о лиловой бане, лиловом городе и Масуде. Перевод <i>Н. Османова</i>	133
Шах и везир. Перевод <i>А. Бертельса</i>	146
Сказка о пророке Мусе и водносе. Перевод <i>Н. Османова</i>	153
Сказка о лентяе. Перевод <i>Н. Османова</i>	157
Бу-Али Сина. Перевод <i>Р. Алиева</i>	161
Эй-вай. Перевод <i>Р. Алиева</i>	165
Тыква. Перевод <i>Р. Алиева</i>	173

Литературно-художественное издание

Персидские волшебные сказки

Ответственный за выпуск *А. Липкина*

Художник *Ю. Габзалилов*

Художественный редактор *А. Кива*

Технический редактор *Т. Смирнова*

Корректор *Л. Кумехова*

ИБ 5058

Сдано в набор 07.02.92. Подписано в печать 09.04.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура Школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,24.
Усл.-краск. отт. 9,66. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 100000. Заказ № 29. Цена договорная.
Договор № 14 — 92.

Издательско-полиграфическое объединение имени Гафура Гуляма Государственного комитета по печати Республики Узбекистан. 700129, Ташкент, ул. Павлов, 30.

Янгиюльская арендная книжная фабрика Госкомпечати Республики Узбекистан. 702800. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44.

КВАРТАЛЫ
36 =
Договор

